

ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

Выпуск 13

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

ВЫПУСК 13

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР

ТАШКЕНТ—1977

К о л л е к т и в. История материальной культуры Узбекистана. Вып. 13. Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1977. Табл.—4, рис.—38, стр.—160.

Сборник посвящен результатам археологических исследований в различных областях Узбекистана и объединяет первичные публикации, вводящие в науку материалы исследований стоянок каменного века, жилых и погребальных комплексов эпохи бронзы, поры античности и средневековья, элементов древнегородской топографии. В сборнике рассматриваются и вопросы денежного обращения в Средней Азии.

Книга рассчитана на историков, этнографов, преподавателей вузов и студентов, а также всех интересующихся прошлым Узбекистана.

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
А. А. АСКАРОВ

История материальной
культуры Узбекистана.
Отв. ред. А. А. Аскарлов.
Т., «Фан», 1977.
(АН УзССР. Ин-т археологии).
Вып. 13. 1977. 160 с.
902.6(С52)

ОТ РЕДАКТОРА

Тринадцатый выпуск сборника научных работ Института археологии АН УзССР «История материальной культуры Узбекистана» включает новейшие результаты полевых исследований и теоретические обобщения, охватывающие период от каменного века до развитого средневековья.

Поре каменного века посвящена статья У. Исламова и В. И. Тимофеева, в которой подводятся итоги изучения более 100 местонахождений и стоянок мезолитической эпохи, явившихся базой формирования неолитической индустрии Центральной Ферганы.

В статье Рахманова исследуются хозяйственные помещения за пределами крепостной стены Сапаллитепа, уникального памятника эпохи бронзы Южного Узбекистана.

Одним из массовых объектов, полученных на Сапалли, были каменные ядра. Их изучение позволило Т. Ширинову установить различные их группы, различающиеся как по форме, так и по назначению.

Развитием культуры Сапалли явился могильник Джаркутан. В статье Б. Абдуллаева на основе памятников этого могильника освещаются материалы культуры завершающего этапа эпохи бронзы. Новые исследования Т. К. Ходжайова и Х. Халилова проливают свет на материальную культуру и антропологический состав населения Южного Узбекистана эпохи бронзы.

Уникальному античному памятнику Бухарского оазиса Рамиштепа посвящена статья Р. Х. Сулейманова и Б. Уракова. Раскопки на этом объекте позволили составить стратиграфическую колонку керамики Бухарского оазиса на протяжении тысячелетия.

Комплекс культового инвентаря, в первую очередь керамика городской культуры Южного Согда позднеантичной эпохи из наслоений городища Ер-Курган, рассматривается в статье Р. Х. Сулейманова и М. Исамиддинова. Здесь представлены росписи, зеркала, ритуальная керамика, символика орнаментов которых была приспособлена для ритуальных обрядов зороастризма.

Анализ материалов раскопок на городище Кавардан, памятнике городской культуры Ташкентского оазиса, приводится в

статье Ю. Ф. Бурякова. Город, функционировавший с первых веков н. э. до начала XIII в., интересен своим положением на границе земледельческих и кочевых районов, что отразилось на его материальной культуре.

М. М. Исхаков, Ш. С. Ташходжаев и Т. К. Ходжайов публикуют результаты исследований одного из сельских памятников Центрального Согда — поселения Коштепа, на котором вскрыты руины зданий раннесредневековой эпохи и погребальные памятники поры становления ислама. Интересна находка терракоты с изображением обряда крещения, которая открывает еще один аспект назначения комплекса.

Несколько статей сборника посвящены материалам исследований постоянно действующей Афрасиабской экспедиции, главным образом Самарканду IX—X вв., периоду наиболее изученному по письменным источникам, но недостаточно — в археологическом отношении.

В статье Ш. С. Ташходжаева рассматриваются типы самаркандских жилых домов. На основе изучения двух домов, а также материалов других раскопов, установлено, что с конца X в. на Афрасиабе исчезают монументальные здания.

Ш. Ш. Шарахимов подводит итоги многолетним исследованиям гончарного дела на Афрасиабе, определяет границы керамических кварталов и мастерских, располагавшихся на городище.

Образец штампованной керамики стал предметом исследования М. Садиева, который подчеркивает распространенность мотива «звериных гонок».

Вопросу определения границ рабада Самарканда IX—X вв., установлению времени строительства стены округа посвящается статья Э. Ю. Буряковой.

В статье Т. С. Ерназаровой и Б. Д. Кочнева делается попытка свести воедино сведения о находках на территории Самарканда монет IX—X вв.

В статье Б. В. Андрианова и А. Р. Мухамеджанова в свете новых полевых исследований и данных письменных источников характеризуется общая картина географии всех орошаемых земель Средней Азии.

Эти работы открывают новые аспекты изучения исторического развития культурных регионов земледельческих оазисов Средней Азии, сложения городской жизни и культуры одного из крупных их центров — древнего Самарканда.

У. И. ИСЛАМОВ, В. И. ТИМОФЕЕВ

СТОЯНКИ КАМЕННОГО ВЕКА ЮЖНОЙ ЧАСТИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ФЕРГАНЫ

Первые местонахождения каменного века в Центральной Фергане открыты в 1958 г. при обследовании Б. З. Гамбургом и Н. Г. Горбуновой района осушенного озера Дамкуль¹.

В 1963—1964 гг. разведки в Центральной Фергане были предприняты Ю. А. Заднепровским, который установил широкое распространение в этом районе стоянок с микролитическим инвентарем, провел новые сборы на пунктах, открытых в 1958 г.² Материалы, полученные Ю. А. Заднепровским, охарактеризованы в диссертации Г. Ф. Коробковой³ и впоследствии подробно опубликованы в вышедшей в 1969 г. монографии⁴.

В 1965 г. в южной части Центральной Ферганы проводил разведки отряд ИА АН УзССР под руководством У. И. Исламова. Открыто и обследовано 23 местонахождения, давших значительные коллекции находок. Эти материалы использованы при написании «Истории Узбекистана», где содержатся краткие сведения о результатах работ 1965 г.⁵

Позднее обследование Центральной Ферганы проводилось неолитическим отрядом Ферганской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа и Ферганского областного краеведческого музея⁶. В сезоны 1967, 1969 и 1970 гг. были открыты и обследо-

¹ Отчет Б. З. Гамбурга о поездке с научной целью в Центральную Фергану хранится в фондах Ферганского областного краеведческого музея. Материалы, открытые Б. З. Гамбургом и Н. Г. Горбуновой, отражены в обобщающих работах В. М. Массона (Средняя Азия и древний Восток, Л., 1964) и В. А. Ранова (Каменный век Таджикистана. Обобщающий доклад по работам, представленным к защите на соискание ученой степени канд. ист. наук, Душанбе, 1963).

² Ю. А. Заднепровский. Неолит Центральной Ферганы, КСИА, вып. 108, М., 1966.

³ Г. Ф. Коробкова. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии по данным функционального анализа, Автореферат канд. дисс., Л., 1966.

⁴ Г. Ф. Коробкова. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии, МИА, вып. 158, Л., 1969, стр. 127—141.

⁵ История Узбекистана, Ташкент, 1967.

⁶ Начальник экспедиции Н. Г. Горбунова, начальник неолитического отряда В. И. Тимофеев.

дованы новые пункты находок в южной, северной и западной частях района, новые сборы проведены на уже известных стоянках⁷.

К настоящему времени в Центральной Фергане открыто и обследовано (путем сборов подъемного материала)⁸ свыше 120 местонахождений, расположенных на всей ее территории (относительно мало материалов в северо-восточной части района). Количество изделий, заготовок и отходов производства из расщепленного камня в коллекции из отдельного пункта обычно от нескольких десятков до нескольких сотен, в отдельных случаях — более тысячи предметов. Многочисленность пунктов находок в пределах сравнительно небольшого по площади района делает Центральную Фергану одним из наиболее обследованных в отношении материалов каменного века районов Узбекистана и Средней Азии в целом. Пока опубликована лишь небольшая часть накопленного материала (находки 1963—1964 гг. Ю. А. Заднепровского)⁹.

Южная часть Центральной Ферганы — наиболее изученный участок. Здесь расположено более половины известных сейчас в Фергане пунктов находок материалов каменного века.

Рельеф юга Центральной Ферганы составляют гряды гипсированного песка, вытянутые в направлении юго-запад — северо-восток, с многочисленными мелкими, соединяющимися друг с другом озерцами (сейчас в большинстве высохшими и осушенными) в межгрядовых понижениях. Местонахождения изделий из расщепленного камня располагались обычно группами на поверхности песчаных гряд на небольшом расстоянии одно от другого. В 1965, 1967, 1969 гг. были обследованы следующие группы местонахождений: Янгисув 1, 2, Тайпак 1—15, Узункуль 1—5, Сигирчилик, Гуртепа¹⁰, Замбар 1—6, Доразкуль 1, 2, янгикадамская группа из 35 местонахождений и пунктов отдельных находок¹¹.

Типологически коллекции местонахождений образуют две хронологические группы. Наиболее ранние материалы относятся к мезолитическому времени и представлены коллекциями из пунктов Янгикадам 21, Тайпак 3, 5, 7. Микролитический элемент в материалах этих пунктов представлен группами узких, тонких микропластин, но более многочисленны изделия на отщепах и, в меньшей

⁷ Н. Г. Горбунова, Т. Г. Оболдуева. Работы в зоне строительства Центрального Ферганского канала, АО 1967 г., М., 1968 г. стр. 339; Н. Г. Горбунова, Т. И. Кулик, Т. Г. Оболдуева, В. И. Тимофеев. Работы на новостройках в Фергане, АО 1969 г., М., 1970, стр. 404—405; Они же, Работы Ферганской экспедиции, АО 1970 г., М., 1971, стр. 413—415; В. И. Тимофеев. Выделение территориальных групп среди неолитических стоянок Центральной Ферганы, Тезисы докладов совещания «Каменный век Средней Азии и Казахстана», Ташкент, 1972, стр. 62—64.

⁸ Среди известных сейчас центральноферганских местонахождений стоянки с сохранившимся культурным слоем отсутствуют.

⁹ Г. Ф. Коробкова. Орудия труда и хозяйство..., стр. 127—141.

¹⁰ Обследованы отрядом ИА АН УзССР под руководством У. И. Исламова.

¹¹ Обследованы отрядом ФАЭГЭ и Ферганского областного краеведческого музея под руководством В. И. Тимофеева.

степени, на довольно грубых, неправильной формы пластинах (рис. 1, 14, 15).

Среди массового материала большинство составляют отщепы цветного кремня, опало-халцедоновой породы, глинистого сланца. Орудия представлены скребками концевой формы, на отщепах, обломках и сечениях пластин подокруглой формы, с круговой ретушью, немногочисленными остриями, долотовидными орудиями, изделиями типа скобелей на неправильной огранки пластинах и пластинчатых отщепах, единичными дисковидной формы скребками на тонких плитках и крупных, овальной формы отщепах глинистого сланца (рис. 1, 6). Нуклеусы клиновидные, с торцовым снятием микропластин, и призматические, преимущественно одноплощадочные (рис. 1, 5, 7—9).

Выразительный комплекс изделий этого типа локализовался на одном из участков местонахождения Тайпак 1. Архаический облик ему придают крупные концевые скребки на фрагментах широких пластин (рис. 1, 3, 4) и изделия на массивных отщепах с крупной краевой ретушью (рис. 1, 15). Заготовками служили отщепы и куски цветного кремня и глинистого сланца. Типологически сходный комплекс инвентаря дает коллекция местонахождения Тайпак 13 (преобладание скребков концевой формы, клиновидные нуклеусы, изделия на массивных отщепах), однако сырьевым материалом служили куски и массивные отщепы полупрозрачной опало-халцедоновой породы. Отщепы и изделия из кремня и глинистого сланца единичны. Аналогичные материалы представлены и в коллекции Замбар 2. Здесь вместе со скребками концевой формы и «торцовыми» нуклеусами из преимущественно опало-халцедоновой породы найдена крупная асимметричная трапеция (рис. 1, 11).

Типологически изделия местонахождений Янгикадам 21, Тайпак 3, 5, 7, 13, Тайпак 1-б, Замбар 2 относятся к периоду, предшествующему сложению своеобразной индустрии «Ферганского комплекса» (термин, предложенный Г. Ф. Коробковой для местонахождений пластинчатой, с резко выраженной микролитонностью неолитической индустрии Центральной Ферганы)¹². Набор орудий мезолитических стоянок аналогичен находкам из большой группы местонахождений, известной сейчас в западной части Центральной Ферганы (Бекабадская группа, у озера Иттаккала и др.)¹³, и близок изделиям из кремня мезолитических пещерных стоянок южных предгорий Ферганы (Обишир I, V), раскопанных У. И. Исламовым¹⁴. К числу особенностей стоянок южной группы центрально-ферганского мезолита относится довольно широкое применение в качестве исходного для изготовления орудий сырья полупрозрачной, матовой опало-халцедоновой породы, что характерно и для

¹² Г. Ф. Коробкова. Орудия труда и хозяйство...

¹³ В. И. Тимофеев. Выделение территориальных групп...

¹⁴ У. И. Исламов. Мезолитические памятники Ферганской долины, ИМКУ, вып. 9, Ташкент, 1972, стр. 21—28.

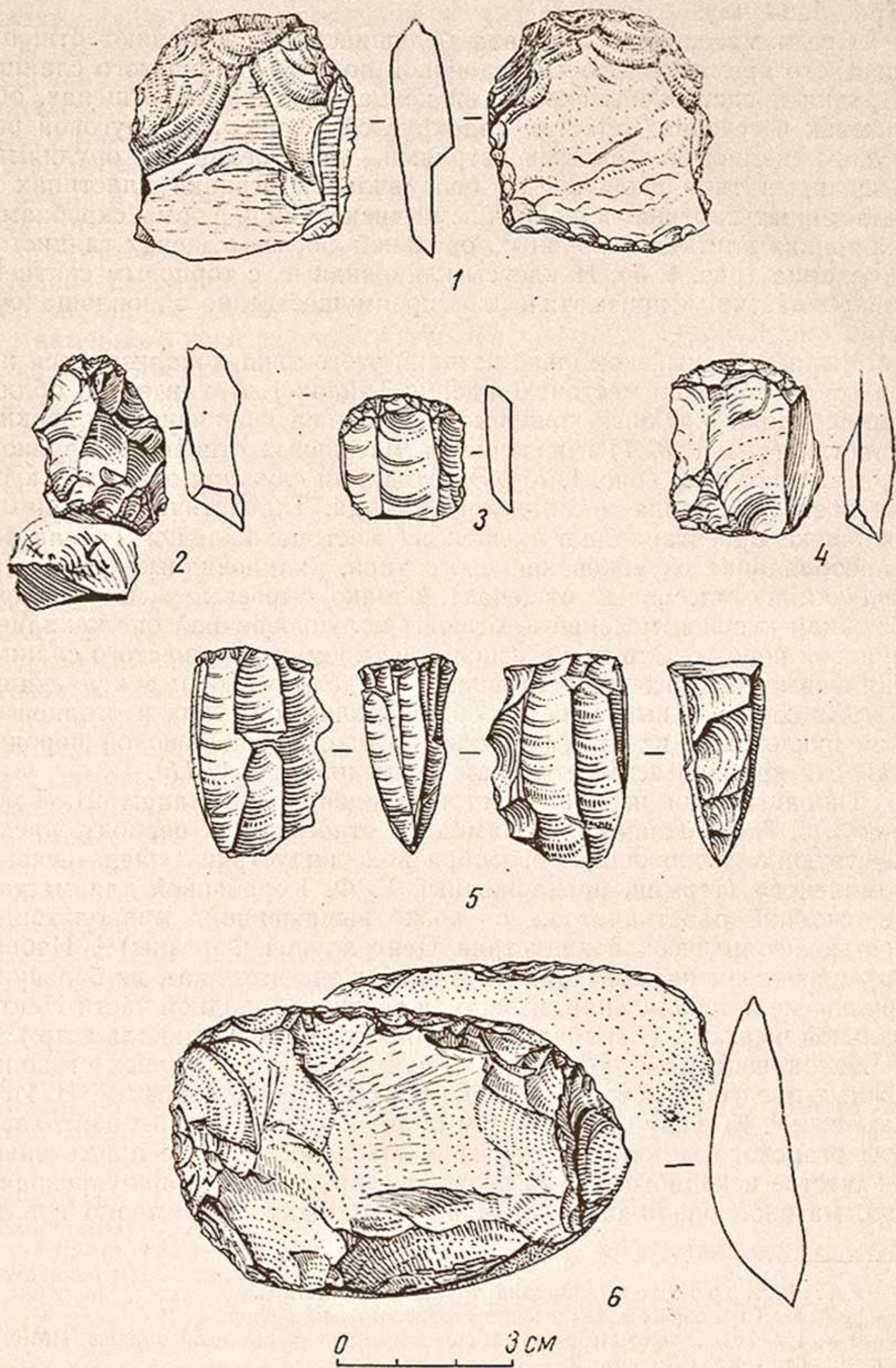
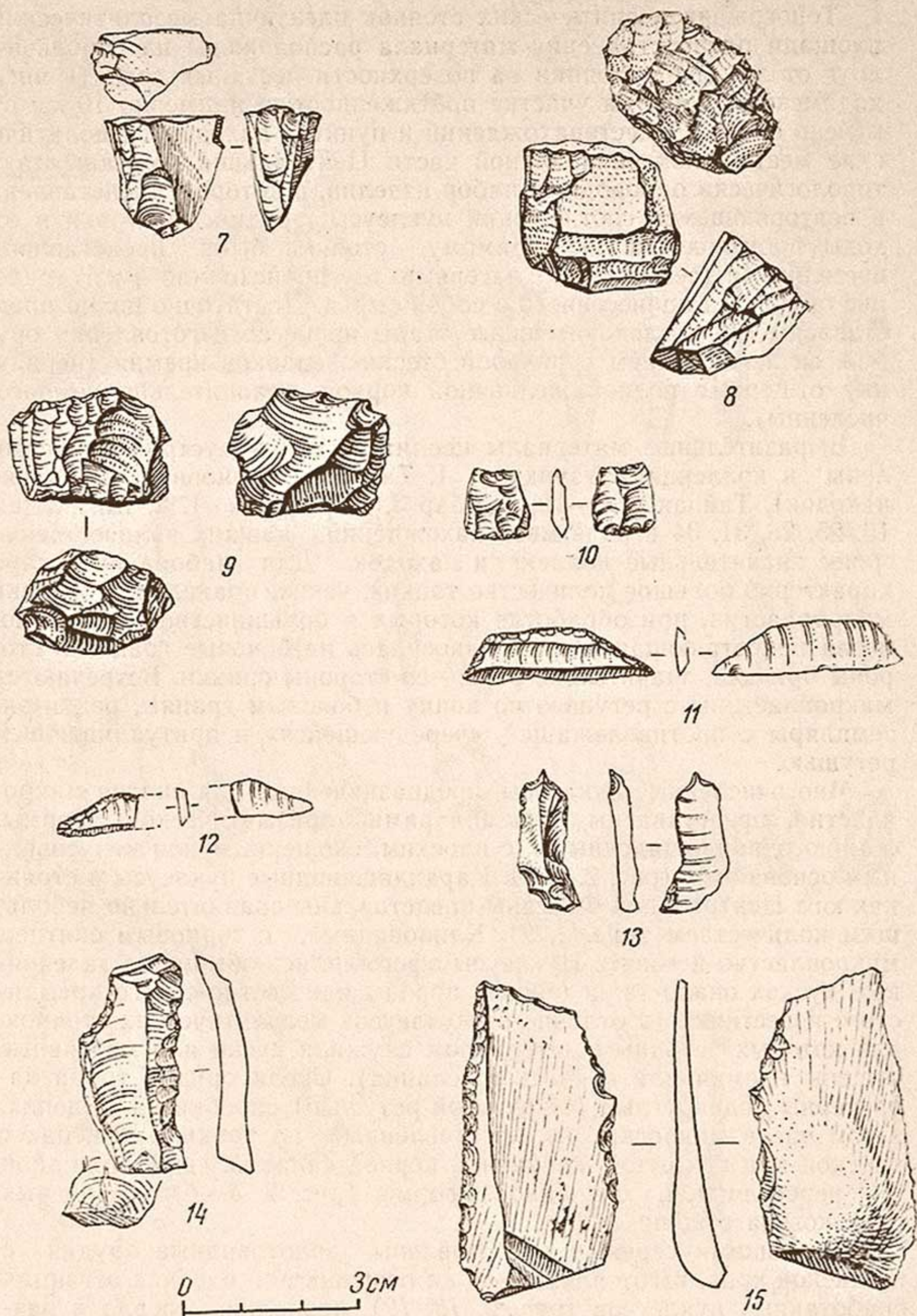

Рис. 1. Орудия мезолитических стоянок
 1, 3, 4, 9, 15—Тайпак 1; 2, 5, 10, 12, 13—Янгикадам 21;

южной части Центральной Ферганы:

6—Тайпак 7; 7, 11—Замбар 2; 8—Тайпак 13; 14—Тайпак 12

более поздних, неолитических местонахождений этого микро-района.

Топография неолитических стоянок идентична мезолитическим: площади распространения материала расположены на небольшом друг от друга расстоянии на поверхности песчаных гряд (в янгикадамской группе на участке протяженностью примерно 10 км отмечено около 30 местонахождений и пунктов находок). Неолитические местонахождения южной части Центральной Ферганы дают типологически однородный набор изделий, в котором представлены в повторяющемся соотношении нуклеусы, орудия, заготовки и отходы производства. По-видимому, стоянки были представлены временными (сезонными?) лагерями, где происходило и изготовление орудий из принесенного с собой сырья. Достаточно полно представлены все последовательные этапы процесса изготовления орудий, за исключением первичной отески желваков кремня (первичные отщепы с полной желвачной коркой, сравнительно немногочисленны).

Выразительные материалы неолитической индустрии представлены в коллекциях Узункуль 1, Тайпак 1 (основной комплекс находок), Тайпак 2, 8—12, Замбар 3, Доразкуль 1, 2, Янгикадам 16, 25, 28, 31, 34 и ряде местонахождений, давших количественно менее значительные коллекции находок. Для набора инвентаря характерно большое количество тонких, узких, правильной огранки микропластин, при обработке которых в большинстве случаев пологая приостраивающая ретушь наносилась на боковые грани со стороны брюшка, значительно реже—со стороны спинки. Встречаются микропластины с ретушью по концу и боковым граням, редки экземпляры с противоположащей, «чередующейся» и притупливающей ретушью.

Многочисленные нуклеусы, предназначенные для снятия микропластин, представлены экземплярами призматической формы, обычно одноплощадочными, с плоским, скошенным или конусовидным основанием (рис. 2, 7, 8). Карандашевидные нуклеусы в стоянках юга Центральной Ферганы представлены сравнительно небольшим количеством (рис. 2, 9). Клиновидных, с торцовым снятием микропластин немного. Нуклеусы оформлялись обычно на галечниках, кусках опало-халцедоновой породы или светло-серого кремнистого известняка (в отличие от нуклеусов мезолитических стоянок, для которых исходным материалом служили куски или массивные отщепы кремня или глинистого сланца). Среди орудий труда характерны подокруглые (с круговой ретушью) скребки на отщепах, в том числе микроскребки, изготовленные на тонких отщепах с плоской или покрытой желвачной коркой спинкой, сегментовидной или нерегулярной, случайной формы (рис. 2, 3—6). Концевых скребков на отщепах мало.

Небольшими сериями представлены долотовидные орудия с подтеской края, изготовлявшиеся на отщепах или плоских останцах сработанных нуклеусов (рис. 2, 18, 19), проколки, сверла и раз-

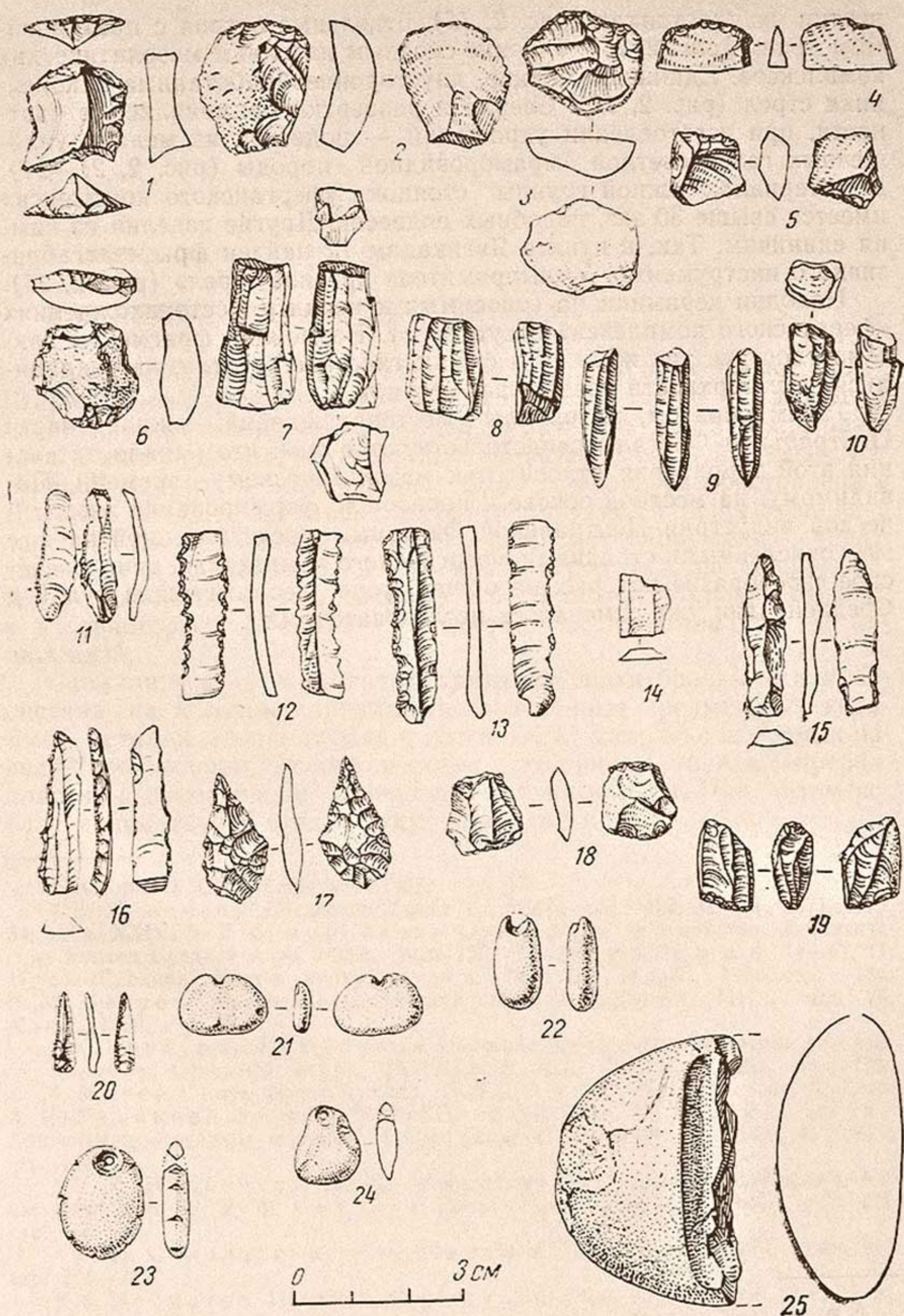

Рис. 2. Орудия неолитических стоянок южной части Центральной Ферганы:
 1, 7, 16, 18, 19, 24—Тайпак 12; 2, 9, 17, 23—Тайпак 1; 3, 5, 8, 10, 15—Янгисув 1; 4, 6—Тайпак 10; 11—Тайпак 11; 12—14—Сигирчилик; 20—22—Тайпак 11; 25—Янгикадам 12

вертки на пластинках (рис. 2, 15), отдельные острия с притупленным краем (рис. 2, 16), близкие сходным изделиям мезолитических комплексов. Единичны мелкие, двустороннеобработанные наконечники стрел (рис. 2, 17). Сверла и развертки применялись, в частности, при изготовлении украшений — подвесок из мелких уплощенных галек светлой мраморовидной породы (рис. 2, 21—24). В материалах южной группы стоянок «ферганского комплекса» имеется свыше 30 экз. подобных подвесок. Другие изделия из камня единичны. Так, в пункте Янгикадам 12 найден фрагмент абразивного инструмента — «выпрямителя древков стрел» (рис. 2, 25).

Находки керамики на относимых к неолиту местонахождениях «ферганского комплекса» отсутствуют. Возможно, фрагменты глиняной посуды, так же, как и фаунистические остатки, не сохранились на поверхности развеянных стоянок.

Таким образом, материалы местонахождений южной части Центральной Ферганы свидетельствуют о том, что начало заселения этой территории относится к мезолитическому времени. По-видимому, на местной основе и произошло формирование неолитической индустрии Центральной Ферганы, представленной на юге многочисленными стоянками «ферганского комплекса», типологическое своеобразие которых на общем фоне неолитических культур Средней Азии уже отмечалось исследователями¹⁵.

¹⁵ В. М. М а с с о н. К проблеме Ферганского неолита. Средняя Азия в эпоху камня и бронзы, М.—Л., 1966, стр.148—150; Г. Ф. К о р о б к о в а. Орудия труда и хозяйство...

Т. ШИРИНОВ

КАМЕННЫЕ ЯДРА САПАЛЛИТЕПА

Праща в Средней Азии существовала еще во времена мезолита¹. Шаровидные каменные ядра для пращ обнаружены и на многих неолитических памятниках Южной Туркмении, Джейтуне, Чопантепа, Монжуклитепа, а также на памятниках поздней бронзы Яздепе². В пору античности праща была широко распространена в Древнем Согде, Маргиане, Бактрии и Хорезме³. Праща входила в основной комплекс скифского и савроматского вооружения⁴. Много каменных ядер найдено в античных городах Причерноморья⁵. В Средней Азии праща сохранялась до позднего средневековья⁶, а в некоторых сельских местностях ею пользовались до наших дней.

Сапаллитепа — уникальный памятник эпохи бронзы юга Узбекистана, на котором собраны многочисленные предметы из керамики, металла, камня, дерева и кости. Богат комплекс каменных изделий: зернотерки, ступки, пестики, отбойники, точила, скребки, пластины, наконечники, каменные и глиняные ядра. Предметом исследования данной статьи будут каменные ядра.

¹ История УзССР, Ташкент, 1967, стр. 37.

² В. М. Массон. Поселение Джейтун, МИА, вып. 180, М.—Л., 1971, стр. 34, табл. XXIV, 6; Г. Ф. Коробкова. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии, МИА, вып. 158, Л., 1969, стр. 36, рис. 8 (4—6), 11, 17; сб. «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы», М.—Л., 1966, стр. 186; В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы, МИА, вып. 73, М.—Л., 1959, стр. 38.

³ К. Когцурис, Ю. Буряков. Изучение ремесленного квартала античного Мерва у Северных ворот, ТЮТАКЭ, т. XII, Ашхабад, 1963, стр. 150; В. М. Массон. Кара-депе у Артыка, ТЮТАКЭ, т. XII, стр. 372, табл. XVI, 15; З. И. Усманова. Эрк-кала, ТЮТАКЭ, т. XII, стр. 59; М. Г. Воробьева. Дингильдже — усадьба середины I тыс. до н. э. в Древнем Хорезме, М., 1973, стр. 148.

⁴ В. А. Ильинская. Скифы днепровского лесостепного левобережья, Киев, 1968, стр. 99; К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, МИА, вып. 101, стр. 75.

⁵ Н. И. Сокольский. Каменные ядра из Пантикапея, МИА, вып. 103, стр. 241—249.

⁶ Н. Негматов. Йўқолган шаҳарни излаб, «Фан ва турмуш», 1974, № 2.

Нами собрано более 200 каменных и столько же глиняных ядер. Каменные ядра разделены по размерам на 4 группы.

I. Ядра диаметром 44—55 мм — 30 экз., из них 18 изготовлены из темно-коричневого и светло-серого кремня, вес 100—230 г. Три ядра шаровидной формы весом 140—180 г и диаметром 29—32 мм сделаны из песчаника и имеют хорошо сглаженную поверхность.

Кремневые ядра по форме разделены на 2 подгруппы:

1. Тщательно обработанные шары с хорошо сглаженной поверхностью — 7 экз. (рис. 1).

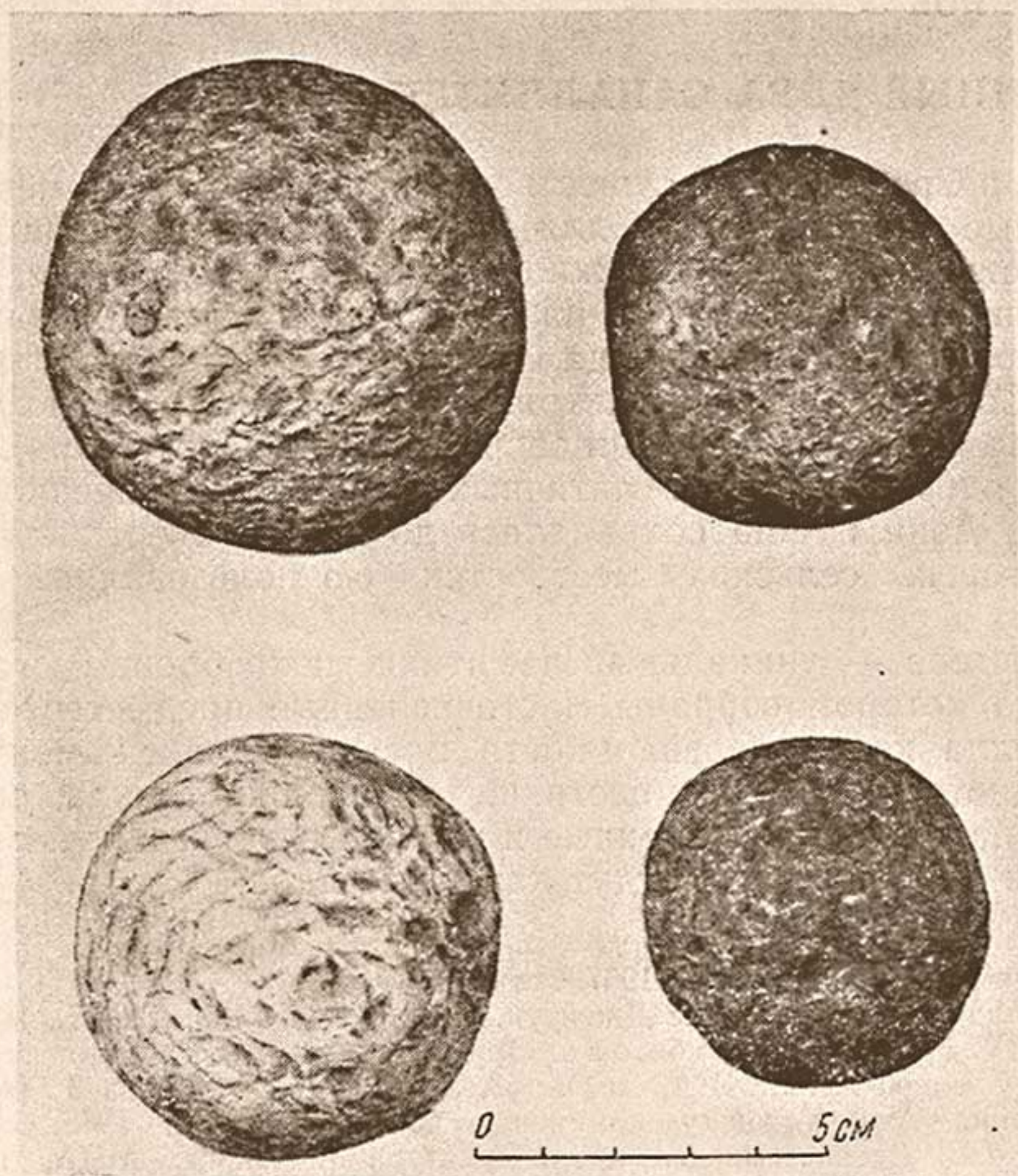

Рис. 1. Кремневые шаровые ядра

2. Ядра шаровидной формы со сбоями и негативами отщепов — 11 экз. (рис. 2). Ядра второй подгруппы обработаны точечной техникой, которая придала им гладкую поверхность, но отдельные участки остались необработанными. Судя по следам отбивки, они изготовлены из нуклеусов, использованных до предела, поэтому им легко можно было придать округлую форму.

В эту же группу входят 10 ядер весом до 230 г и диаметром до 55 мм, изготовленных из изверженных пород сфеноидов. Три ядра

не обработаны и имеют естественную шарообразную форму. Одно ядро диаметром 51 мм, сделанное из гематита, значительно тяжелее других. Его вес 300 г. Найдены 8 обломков ядер. Судя по дугам обломков, ядра, к которым они принадлежали, были равны по диаметру и весу предыдущим ядрам.

II. Ядра диаметром 55—67 мм и весом 230—430 г — 75 экз. Из кремня сделаны 15 ядер. Поверхность пяти шаровидных ядер по-

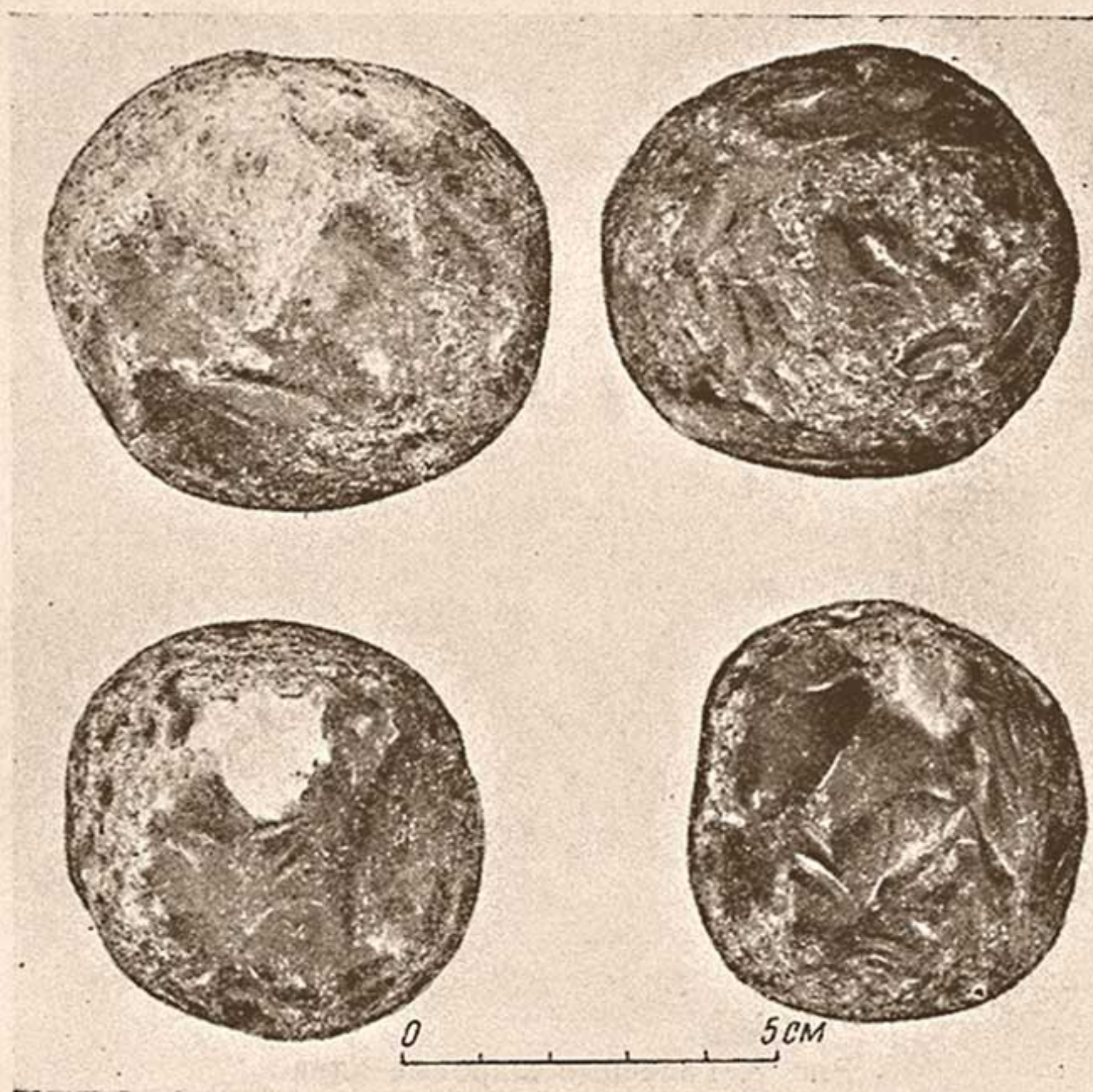

Рис. 2. Кремневые ядра со следами скалывания

крыта мелкими выбоинами. Два ядра близки к шаровидной форме. Остальные, за исключением нескольких, изготовлены из пород сеинидов.

По форме ядра второй группы разделены на 6 подгрупп:

1. Тщательно обработанные шары — 15 экз. Наиболее гладкую поверхность имеют 6 экз. диаметром 53—60 мм и весом 240—300 г (рис. 3). Три диоритовых ядра покрыты мелкими выбоинами.

2. Шары со сбоями, диаметром 55—67 мм и весом 260—430 г — 12 экз. Эти ядра использовались долго, о чем свидетельствуют многочисленные сбои (рис. 4).

3. Шаровидные ядра диаметром 53—55 мм и весом 230—340 г — 7 экз. На поверхности ядер прослеживаются сильно стертые сбои. Три песчаниковых ядра утратили шаровидную форму от длительного использования.

4. Шаровидные ядра диаметром 58—60 мм, весом 280—340 г с плоским основанием — 8 экз. У некоторых ядер откола почти треть массы, но грани откола затуплены.

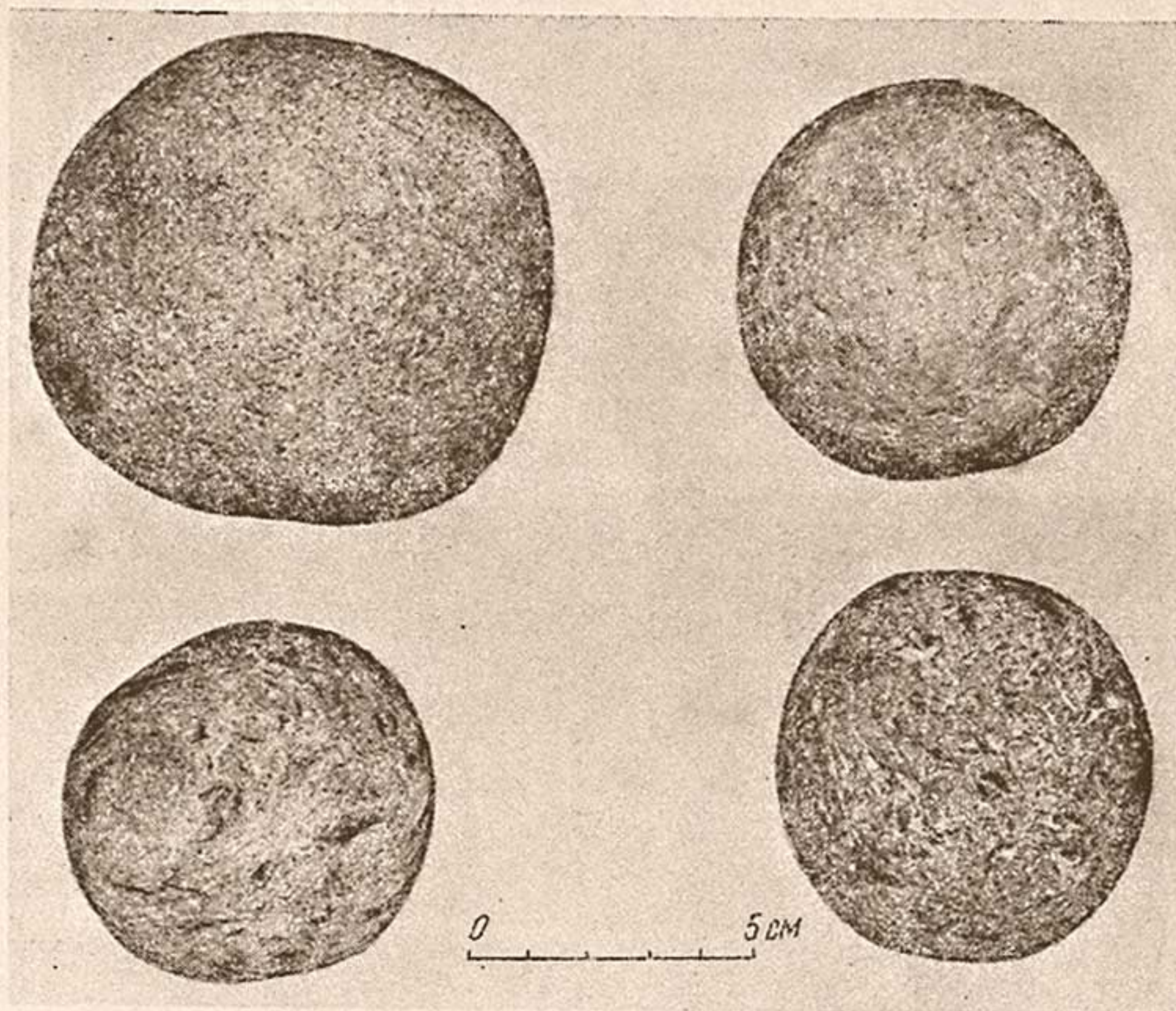

Рис. 3. Галечные шаровые ядра

5. Камни естественной шаровидной формы — 7 экз. (рис. 5). На то, что они использовались как ядра, указывают выбоины и точки, образовавшиеся при ударах о землю.

6. Ядра шаровидной формы диаметром 55—65 мм и весом 250—350 г (за исключением одного, которое весит 420 г) — 11 экз. Из них 8 экз. вначале использовали как ударники, но в процессе работы они приняли округлую форму и поэтому употреблены в качестве ядер для пращ (рис. 6). Три ядра использовались как терочники, ударники и ядра для пращ.

III. Ядра диаметром 66—78 мм и весом 380—660 г — 66 экз. Кремневые ядра (8 экз.) изготовлены из некачественного кремня серо-молочного цвета. Ядра из других пород камня разделены на 6 подгрупп:

1. Шары диаметром 64—75 мм и весом 380—500 г — 11 экз. Одно ядро из порфирита диаметром 76 мм и весом 456 г по форме близко к геометрическому шару. Два гранитных ядра темно-синего цвета сплошь покрыты мелкими выбоинами.

2. Шаровые ядра со сбоями, диаметром 64—73 мм и весом 440—650 г — 11 экз. Сбитые места имеют вид черных пятен, окаймленных точками, с более гладкой, чем остальная, поверхностью.

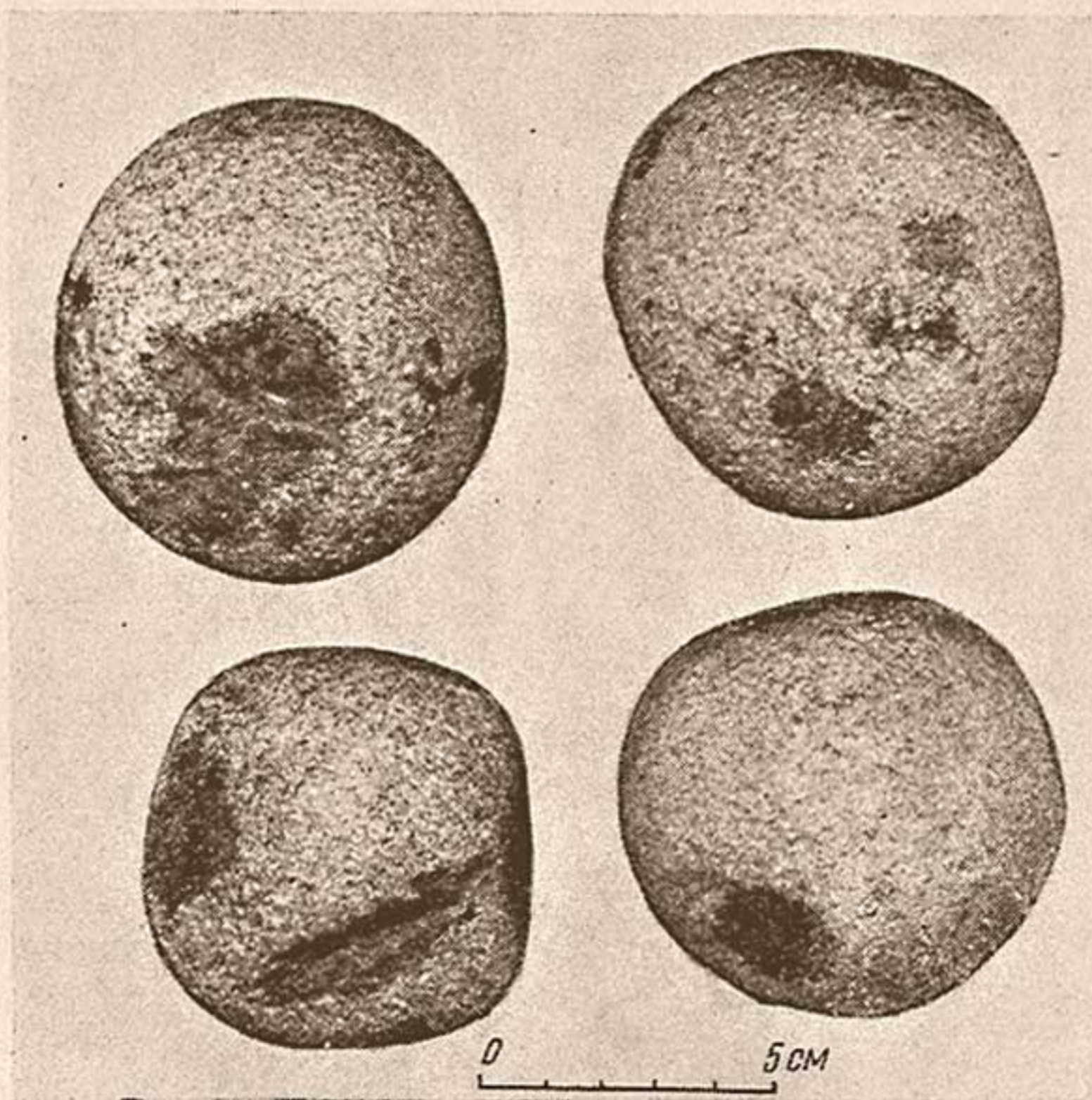

Рис. 4. Шаровые ядра со сбоями

3. Ядра шаровидной формы (3 экз.) с размерами, аналогичными размерам ядер второй подгруппы.

4. Шаровидные ядра диаметром 64—79 мм и весом 420—630 г с плоским основанием — 12 экз. Некоторые ядра срезаны с нескольких сторон и имеют вид многогранников. У четырех ядер сохранились участки естественной поверхности (рис. 7).

5. Близкие к шаровидной форме ядра — 4 экз. Два ядра — сплюснутой шаровидной формы.

6. Ядра весом 390—660 г — 12 экз., использовавшиеся и для метания из пращ, и как ударники.

IV. Крупные ядра диаметром 78—100 мм и весом от 640 до 2010 г.

По форме они разделены на 5 подгрупп:

1. Ядра шаровой формы — 2 экз. Диаметр первого ядра 89 мм, вес 1060 г, поверхность хорошо обработанная. Другое ядро (?) диаметром 127 мм и весом 2010 г — массивно уплотненное, с редкими точечками по всей поверхности, образованными, вероятно, при ударах о твердые предметы.

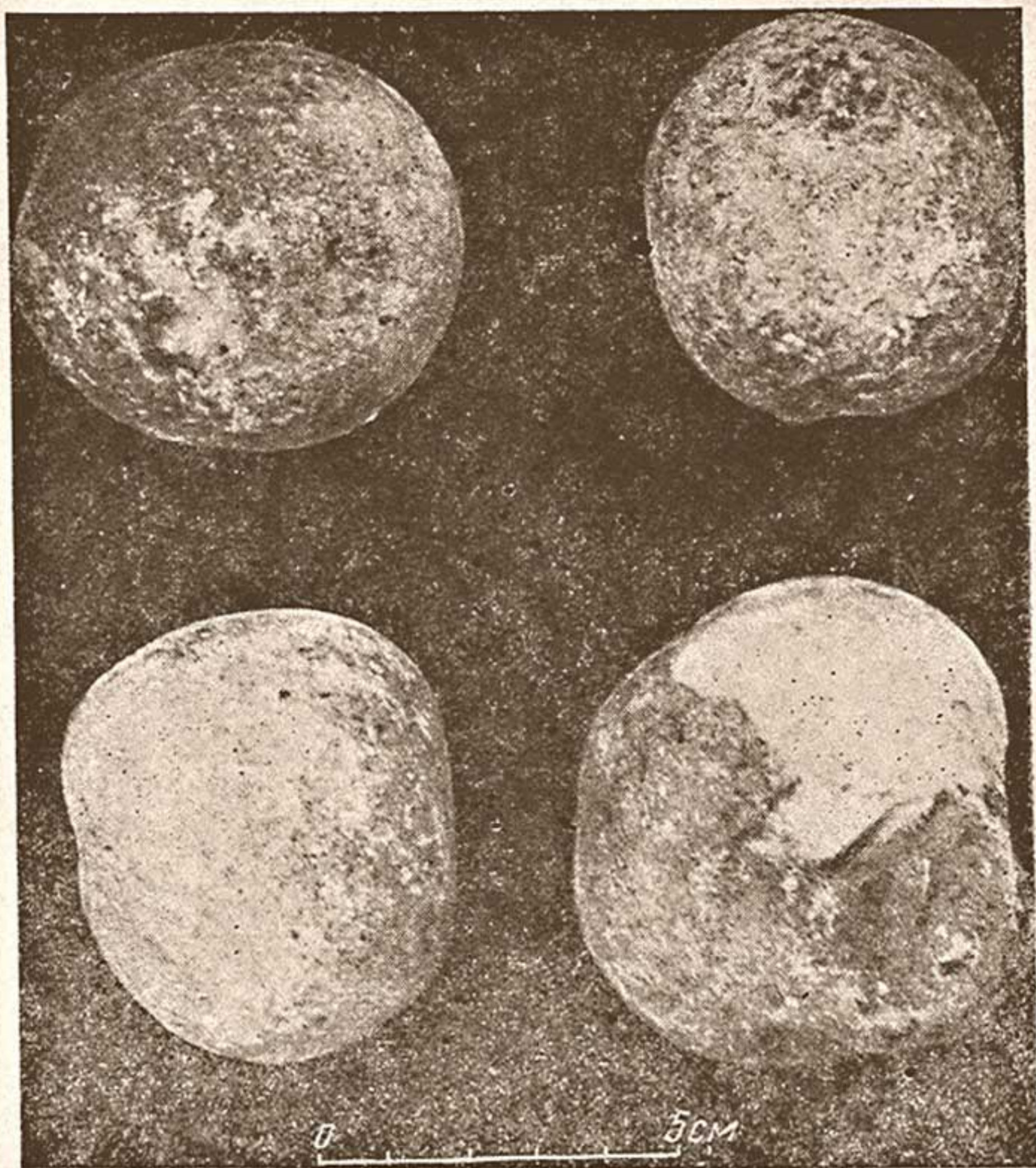

Рис. 5. Естественные округлые камни, использовавшиеся как ядра

2. Шаровые ядра со сбоями — 9 экз. Их размеры 73—93 мм, а вес 640—1250 г. Судя по крупным выбоинам и выщербинам, ядра использовались неоднократно. Только одно ядро имеет мелкие сбои, которые могли образоваться при использовании его в роли ударника.

3. Ядра шаровидной формы — 6 экз. По размерам и весу они аналогичны ядрам второй подгруппы.

4. Шаровидные ядра с плоским основанием — 8 экз. Несколько ядер имеют вид многогранников. Грани сглажены.

5. Ядра крупных размеров (диаметр 75—98 мм, вес 700—1160 г) — 10 экз. Изготовлены они из использованных отбойников. Но не исключено, что и расколовшиеся крупные ядра после переработки применялись как отбойники или терки. Так из большого ядра сделана терка весом 990 г и диаметром 90 мм в форме полушара с плоским основанием.

Результаты изучения каменных ядер позволяют сделать следующие выводы.

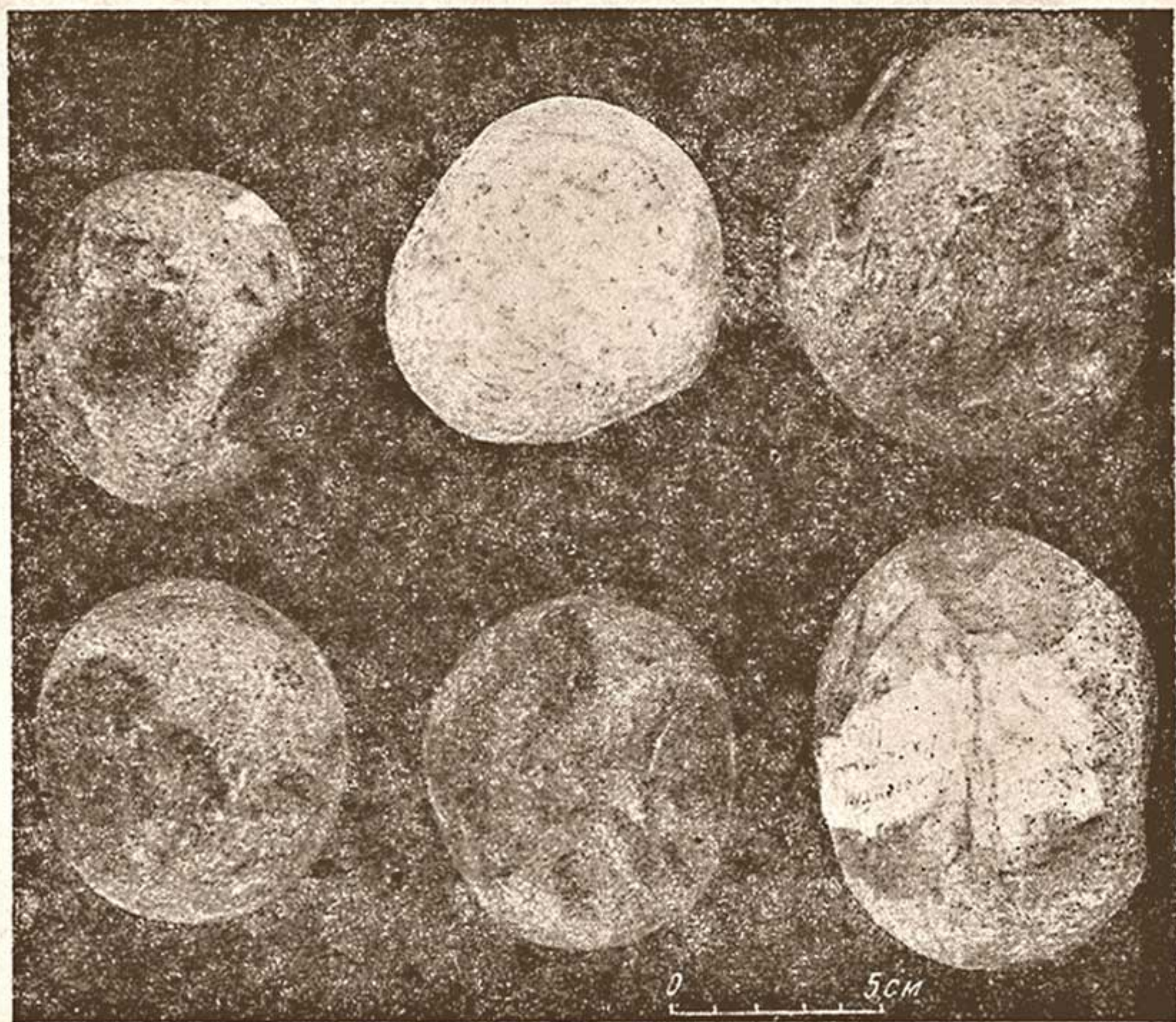

Рис. 6. Ядра с двойной функцией

Жители Сапаллитепа употребляли в основном ядра средних и больших размеров (рис. 8). Большинство найденных ядер весит от 230 до 500 г. Они были наиболее удобными для метания и использовались при обороне поселения. Многие ядра использовались и как отбойники. Для ядер выбирались округлые камни, которым можно было легко придать шарообразную форму.

Немаловажное значение имел и выбор сырья для ядер. В I группе кремневые ядра составляют 60%, во II группе — 20%, а в III

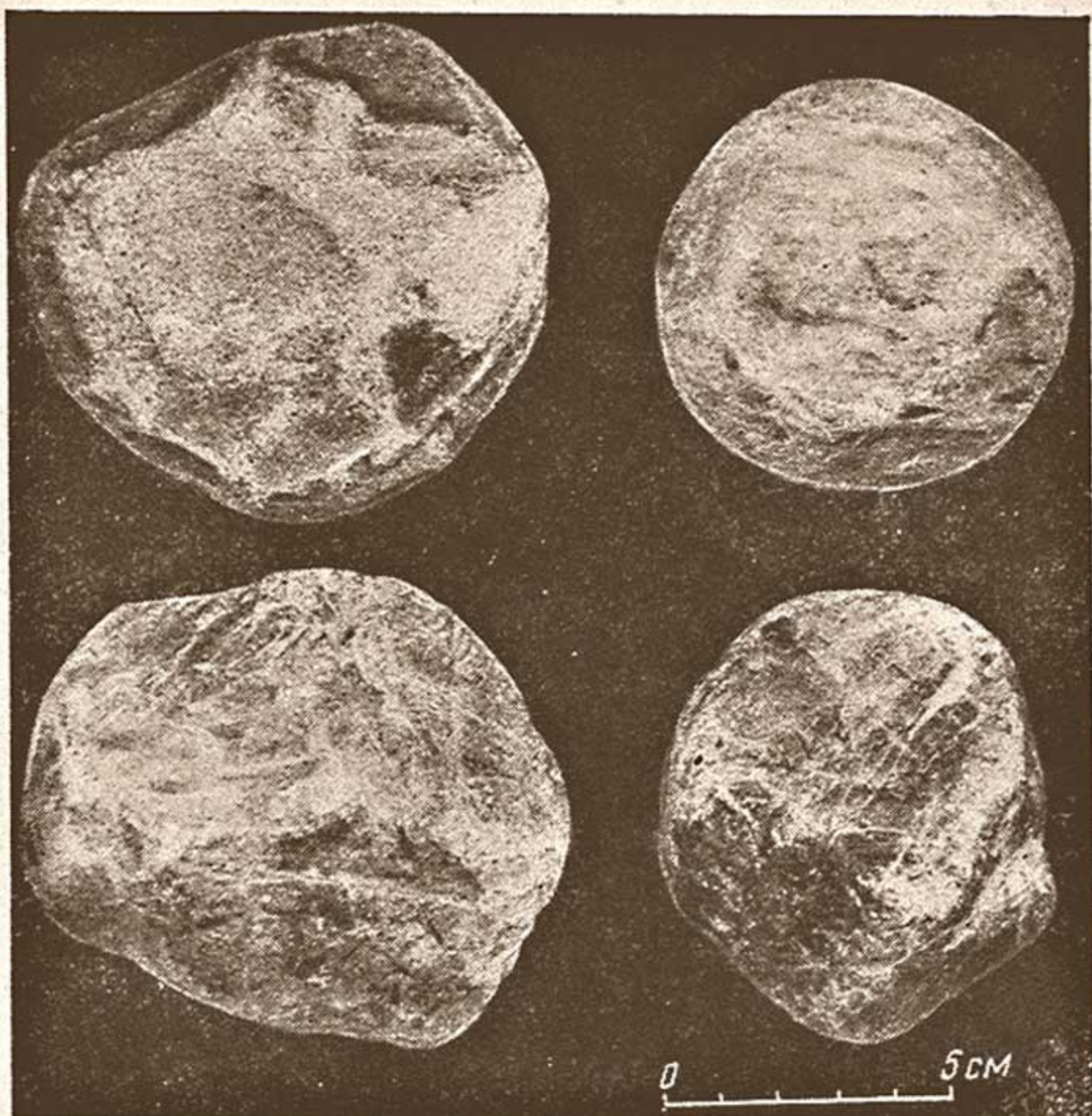
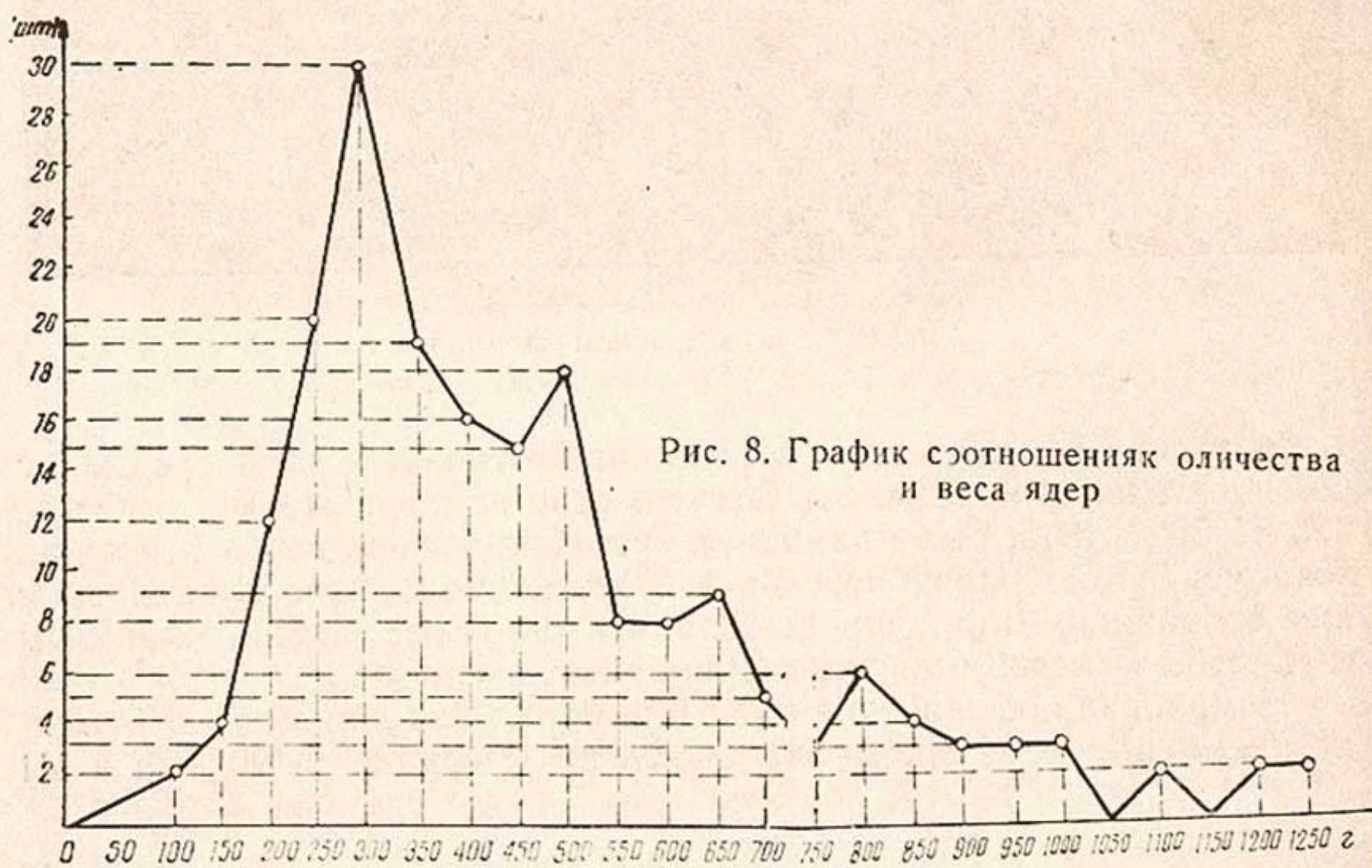

Рис. 7. Ядра с плоским основанием

группе — 12,1% от общего числа ядер. В IV группе кремневых ядер нет вообще. Следовательно, с увеличением размеров, уменьшается количество ядер из кремня. Это объясняется тем, что для изготовления кремневых ядер использовали производственные отбросы. Испорченными кремневыми нуклеусами точечной техникой придавали шероховатость поверхности зернотерки. В результате грани кремневого нуклеуса изнашивались, и он приобретал округлую форму, после чего из него нетрудно было сделать ядро.

Экспериментами установлены некоторые особенности техники изготовления ядер, но определить точную дальность полета ядра и силу удара еще не удалось.

Стандартность форм и наличие тяжелых ядер вызывают вопрос, не применяли ли сапаллитепинцы, кроме пращ, и метательные машины. Этот вопрос пока еще не выяснен. В мирное время ядра с успехом применялись в охоте.

У. РАХМАНОВ

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОМЕЩЕНИЯ ЗА ПРЕДЕЛАМИ КРЕПОСТИ САПАЛЛИТЕПА

Площадь поселения Сапаллитепа¹ составляет около 4 га. В центре его расположена крепость. Культурный слой на значительной части поселения уничтожен, но крепость сохранилась хорошо и вскрыта полностью. Со всех сторон крепость была обнесена мощными стенами. Территория ее застроена по внутреннему периметру и имеет три строительных горизонта, которым соответствуют определенные комплексы керамики. Строительство обводных стен относится к первому строительному горизонту. Жилые помещения объединялись в большие кварталы, которые разделялись между собой небольшими улицами, выходившими на центральную площадь. Во втором периоде увеличилось количество помещений, заселялись обводные коридоры, использовавшиеся ранее как загоны для скота. Раскопками вскрыто более 150 помещений и 138 могил.

В 1973 г. мы проводили раскопки за пределами крепости. При расчистке северной стены крепости обнаружены хозяйственные помещения, а также участок со следами пожара. Раскопки велись с запада на восток вдоль стены.

Вскрыто два помещения хозяйственного назначения (пом. 104, 105), одна хумхана и полуразрушенное помещение (пом. 150) с очагом-камином (рис. 1).

Стены помещений сооружены из сырцового кирпича (42—46 × 20—24 × 10—13 см). Размеры этих кирпичей не отличаются от размеров кирпичей на территории крепости. Комнаты, видимо, использовались недолго и после пожара были заброшены и завалены рухнувшей крепостной стеной. Под мощным завалом — рыхлый слой земли темного цвета, включавший большое количество керамики, золы, угля и остатков тандыров.

Помещение 105 примыкает к крепостной стене; с восточной его стороны — помещение 104. Северные стены обоих помещений разрушены почти до основания. Помещение 105 имело прямоугольную

¹ А. А. Аскаров. Сапаллитепа, Ташкент, 1973.

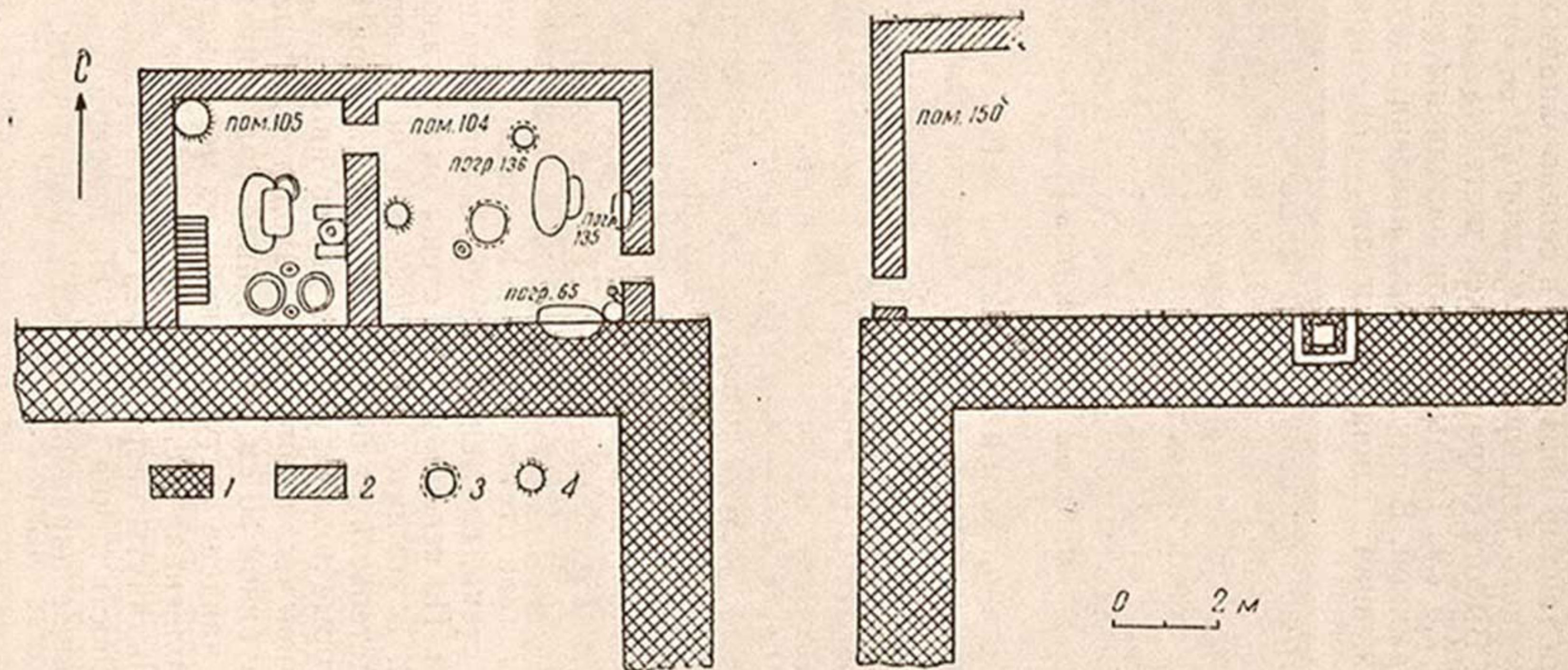

Рис. 1. План хозяйственных помещений. Условные обозначения:
 1—крепостная стена; 2—стены хозяйственных помещений; 3—топтыры; 4—золяные ямы

форму (с размерами сторон $3,4 \times 4,3$ м). Высота сохранившейся части стены в этом помещении незначительна (от 20 до 70 см).

В юго-восточном углу вскрыто два тандыра сфероцилиндрической формы. Один тандыр обнаружен в северо-западном углу комнаты. Диаметр первого тандыра 86 см, второго — 80 см, третий сильно разрушен. Высота сохранившихся частей тандыров до 50 см, толщина стен до 2,5 см. Тандыры были заполнены золой, древесным углем и керамикой. В одном из них найдена плохо сохранившаяся полуобожженная глиняная печать (?) прямоугольной формы.

К восточной стене помещения параллельно крепостной стене пристроен невысокий выступ длиной 90 см, шириной 40 см и высотой до 30 см. На выступе лежал хум высотой 80 см и с диаметром тулова в наиболее широкой части 55 см. Под хумом расчищен слой золы, в котором оказалось несколько камней. Видимо, здесь был очаг диаметром 40 см и высотой до 25 см. Хум был установлен над этим очагом и, вероятно, в нем согревалась вода, необходимая для выпечки хлеба.

Под западной стеной комнаты выявлены небольшие пристенные очажки, состоящие из семи отделений. Очажки выложены из сырцового кирпича, поставленного на ребро.

В северо-восточной части помещения находится дверной проем шириной 70 см, выходящий в прямоугольное помещение 104. Длина сохранившейся части стены помещения с севера на юг — не менее 4,2 м, а с запада на восток — 4,8 м. Дверной проем выхода из помещения обращен на восток и находится в юго-восточном углу. Ширина проема 80 см. В его северном внутреннем углу установлен каменный подпятник. Аналогичные подпятники известны в слоях позднего Намазга V на поселении Алтын-депе².

В юго-восточном углу помещения обнаружен тандыр (№ 3) диаметром в наиболее широкой части 56 см, высота сохранившейся части до 35 см, толщина стенок до 2 см. К тандыру с северной стороны пристроена стена, сложенная из сырцового кирпича размером $34 \times 22 \times 13$ см. На северном крае стены был установлен горшкообразный сосуд. В комнате находилось еще не менее двух тандыров, о чем свидетельствует большое количество фрагментов стенок тандыров, которые локализируются в две группы.

В северо-западной части помещения находится зольная яма диаметром 60 см и глубиной 50 см, заполненная фрагментами керамики и золой. Здесь найдена статуэтка жабы из мергелистого известняка (рис. 2), исполненная очень реалистично: задние ножки подобраны, передние вытянуты вверх, голова слегка приподнята, глаза выпуклые. Поверхность камня гладкая. На плоском основании статуэтки — продольные царапины по всей поверхности. Возможно,

² И. Масимов. Раскопки ремесленного квартала эпохи бронзы на поселении Алтын-депе, сб. «Каракумские древности», вып. III, Ашхабад, 1970, рис. 15 (2).

это — следы передвижения во время ее пользования в какой-нибудь настольной игре.

В помещениях 105 и 104 обнаружено значительное количество зернотерок.

Оба помещения были перекрыты балками, провалившимися при пожаре и сохранившимися небольшими обожженными кусками.

Восточнее этих хозяйственных помещений расчищены остатки помещения 150, видимо, жилого назначения. Сохранность стен очень плохая. Помещение околонушено с трех сторон. Здесь найдены

Рис. 2. Каменная статуэтка лягушки

лишь очаг-камин прямоугольной формы, вырубленный в крепостной стене. Ширина очага 140 см, глубина 100 см, высота 30 см.

О наличии в этой части поселения других хозяйственных и жилых помещений свидетельствует находка за северо-восточным углом крепости фрагментов десяти хумов и двух сохранившихся сковород.

В помещении 104 раскопаны три погребения (погр. 65, 135, 136).

В центре помещения 105 вскрыто интересное погребение 127 (рис. 3, 1). Могильное пятно выявлено при расчистке пола погребения и имеет прямоугольную форму, вытянутую с юга на север, с размерами 120×75 см. Это был дромос могилы, заполненный материковой землей. Глубина дромоса 85 см. Отверстие в погребальную камеру заложено шестью сырцовыми кирпичами. С северо-восточной стороны дромос задевала мусорная яма, заполненная золистой землей и золой. Погребальная камера — овальной формы, с раз-

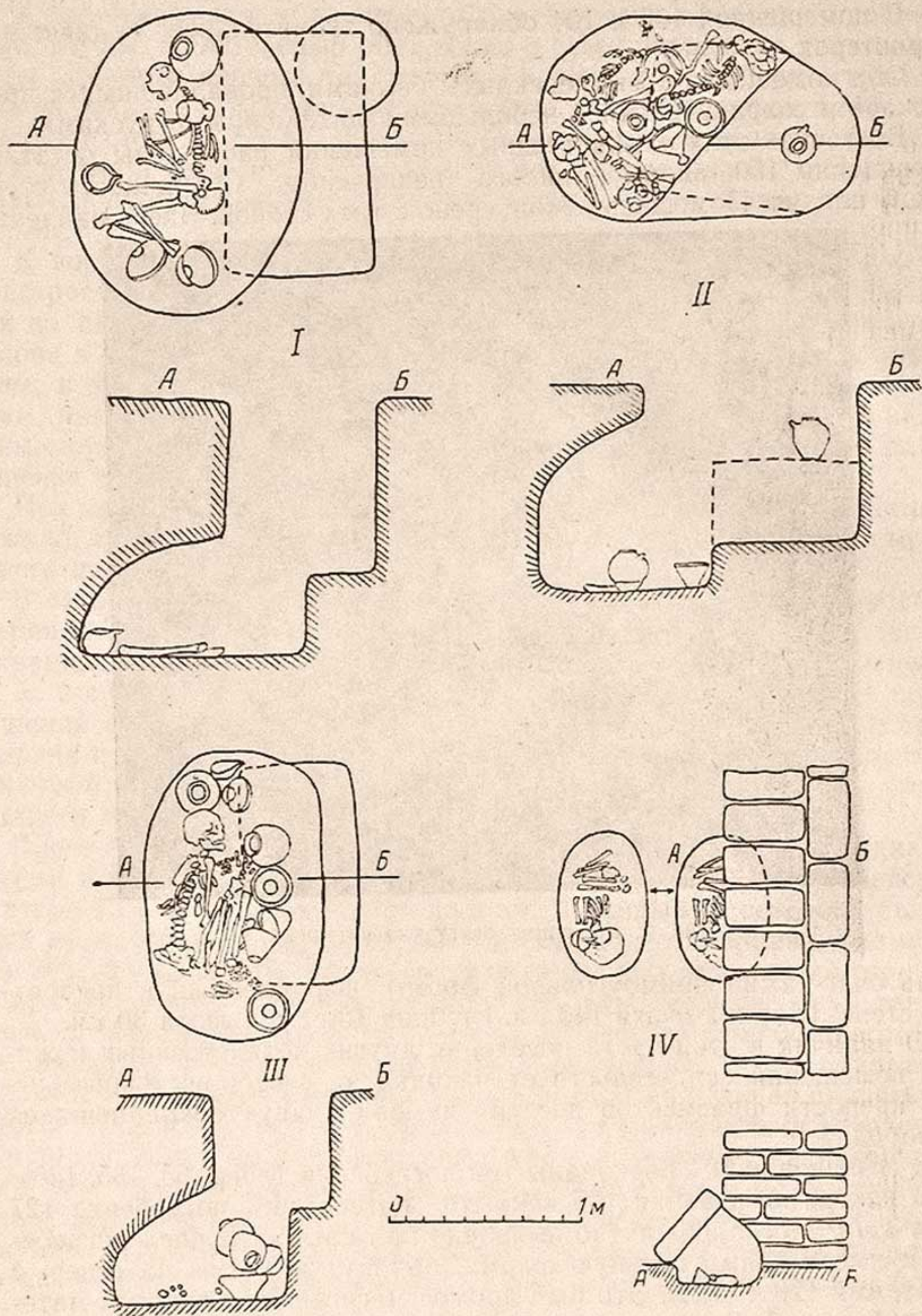

Рис. 3. Планы и разрезы погребений: I—погребение 127; II—погребение 65; III—погребение 136; IV—погребение 135

мерами 150×115 см. Скелет погребенного лежал в центре камеры на правом боку, головой на север. Кисти рук — около лица. Ноги поджаты. В северо-восточной части камеры около черепа стоял большой кувшин. На лопатках погребенного, с восточной стороны, лежал кубок. В южной части могилы у ног скелета были поставлены две чаши конической формы, а у левого колена — чаша со сливом. Это погребение относится ко второму периоду.

Могильное пятно погребения 65 выявлено на глубине 50 см от дневной поверхности и имеет овальную форму, вытянутую с востока на запад (рис. 3, II). На глубине 20—30 см от пола помещения найдено несколько фрагментов крупных сосудов, в том числе фрагмент таза конусовидной формы. Погребальная камера имеет овальную форму. Длина ее до 160 см, ширина до 100 см. Западная часть камеры глубже восточной на 20 см. В восточной части под полом обнаружен крупный чайникообразный сосуд с трубчатым носиком. В западной части кости были перемещены, что свидетельствует о повторном захоронении (об этом же свидетельствует и заполнение дромоса, которое носило следы потревоженности).

В камере расчищены два скелета и отдельный череп от третьего захоронения. Первый скелет находился под западной стенкой камеры и лежал на левом боку в скорченном положении, головой на север. Череп разбит и находился в северо-западном углу, тазовые кости оказались потревоженными, кости обеих рук найдены в южной части ямы. В юго-восточном углу находился другой разбитый череп без скелета. Второй скелет лежал в северо-восточной части камеры на правом боку в скорченном положении, головой на северо-восток. За спиной погребенного стояла чаша конической формы с надломленным венчиком, а за тазовыми костями — ваза на высокой ножке и второй чайник с трубчатым носиком. Еще один сосуд поставлен на место головы в первом погребении, вместо выброшенной плечевой кости положено донце таза. Сохранность костей скелетов очень плохая.

По предварительному определению антрополога Т. К. Ходжайова, первый скелет принадлежал взрослой женщине, второй скелет и отдельный череп — мужчинам. Сопровождающий инвентарь ничем не отличается от керамического материала, найденного в помещении 104.

Могильное пятно погребения 136 обнаружено при зачистке пола (рис. 3, III). Дромос могилы — прямоугольной формы, с размерами 110×60 см с юга на север. Глубина дромоса 54 см. Отверстие в погребальную камеру заложено шестью сырцовыми кирпичами. Размеры погребальной камеры 140×90 см.

Сопровождающий инвентарь расположен в два слоя. В нижнем слое на полу погребальной камеры находился скелет и 8 керамических сосудов. В верхнем слое найдено 11 глиняных сосудов (вазы, кувшины, кубки, небольшая чаша), лежавших на сосудах и костях нижнего слоя. Скелет лежал под западной стеной камеры в скорченном положении на левом боку, головой на север. Руки

были поджаты, кисти лежали около черепа. В ногах оказалось несколько ребер барана. У головы поставлен крупный сосуд с поддоном, чаша со сливом и чаша конической формы. Остальные сосуды стояли в ряд вдоль восточной стороны скелета. Напротив черепа установлен большой кувшин, около колен — тагара. У костей ног лежали две конические чаши. В южном углу камеры у спины скелета поставлена тагара. Погребение по инвентарю и стратиграфии относится к третьему периоду.

Погребение 135 (рис. 3, IV) обнаружено под восточной стеной помещения 104, в 70 см от дверного проема. В этом подбойном за-

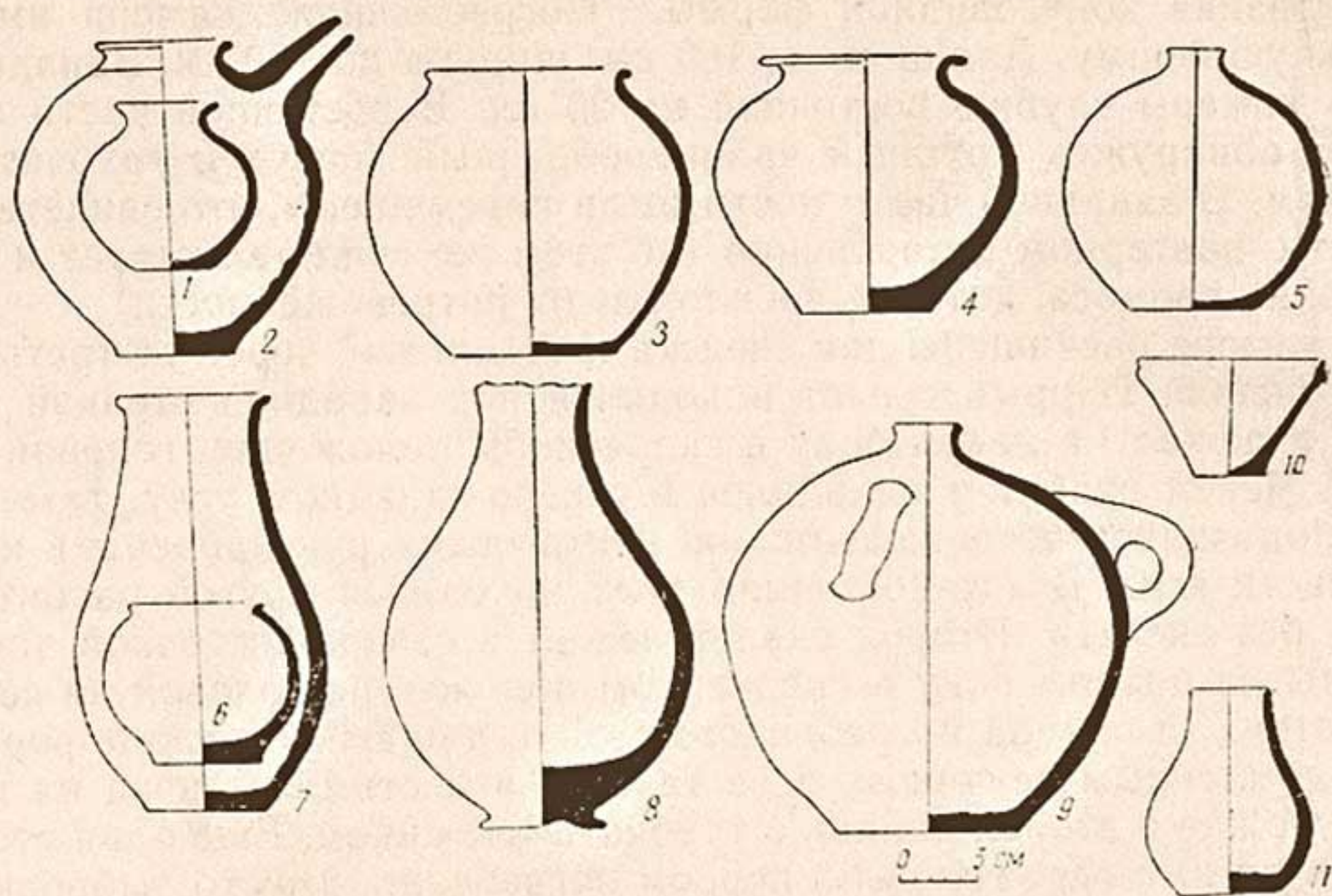

Рис. 4. Керамика из помещений

хоронении найдены останки ребенка в возрасте 3—4 лет. Могильная яма углублена под стену и имеет размеры 70×40 см. Погребенный лежал на левом боку в скорченном положении, головой на юг. Около головы была поставлена небольшая чаша конической формы (пиала). Отверстие погребения перекрыто сырцовым кирпичом. Сохранность костей хорошая.

Полученный из помещений и могил археологический материал можно разделить на две группы и отнести их, соответственно, ко второму и третьему периоду.

Большая часть материалов — кухонная керамика — хумы, горшкообразные кухонные котлы, небольшие лепные горшки, сковородки, подставки.

Хумы — с округлым туловом, скошенной придонной частью и валикообразным венчиком. Горшкообразные лепные кухонные котлы (рис. 4, 3) имеют невысокий прямой, слегка отогнутый наружу венчик, округлое тулово и плоское дно. Толщина стенок до 1 см.

Черепок в изломе темно-серого цвета. Все горшки представлены фрагментами. Найден также небольшой лепной горшок грушевидной формы с прямым венчиком, слегка отогнутым наружу. Диаметр венчика 9 см. Дно выражено нечетко. Высота сосуда 9 см. Небольшими фрагментами представлены круглые плоские сковородки с низким толстым, наклоненным наружу бортиком и кольцевые подставки в виде усеченного конуса. Края бортиков сковород сглаженные, дно плоское, толщина стенок до 2,5 см, высота бортика до 4,5 см, диаметр не менее 30 см.

Вторая большая группа керамики — столовая посуда, представленная вазами, кувшинами шаровидной формы, чайниками, чашами типа пиалы, кувшинами грушевидной формы, горшкообразными сосудами.

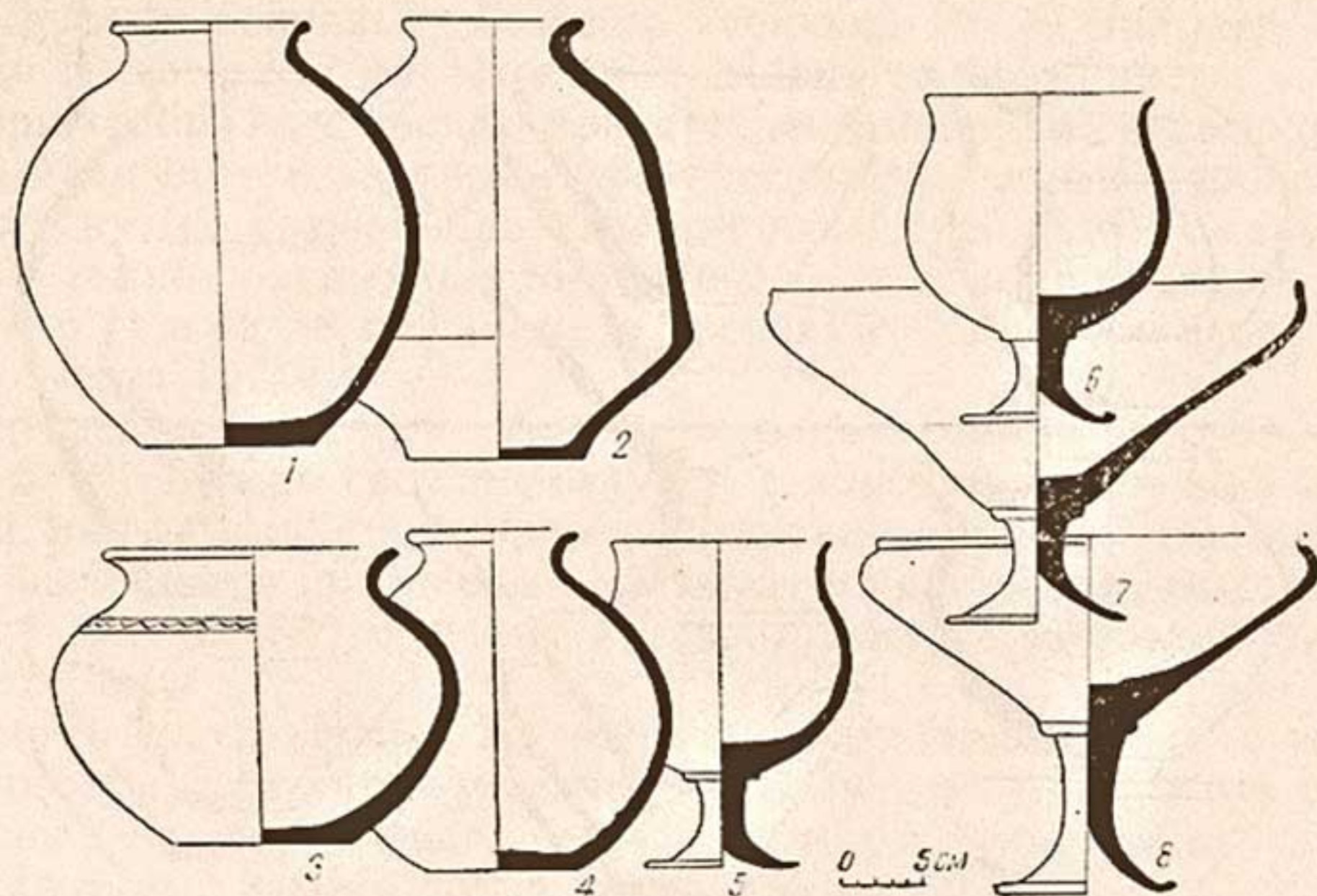

Рис. 5. Керамика из погребений

Вазы (рис. 5, 7, 8) представлены тремя экземплярами на высокой, иногда профилированной ножке. Тулово округлое, с подломленным краем венчика. Черепок в изломе розового цвета.

Кувшинов шаровидной формы с очень узкой горловиной и отогнутым венчиком встречено всего два (рис. 4, 5, 9).

Среди керамики имеется один большой сосуд с двумя лепными петельками и отпечатком от третьей. Ручки расположены вертикально на плечиках сосуда. Поверхность сосуда слегка рифленая, особенно на плечиках, диаметр наиболее широкой части тулова 27 см, диаметр горловины 3,5 см, высота 25 см (рис. 4, 9).

Три чайника (рис. 6, 2, 3) по форме можно разделить на два варианта:

1. Чайник с вытянутым туловом и отогнутым наружу венчиком (рис. 4, 2). Диаметр тулова 18,4 см, диаметр венчика до 8,4 см, диаметр донца до 7,2 см, высота сосуда 18 см.

2. Крупный чайник со сферическим туловом и выделенным венчиком подтреугольной формы (рис. 6, 2). Диаметр тулова 21 см, диаметр венчика 10 см, диаметр донца 9,4 см, высота сосуда 17,5 см.

Чаши (рис. 6, 4, 5, 7, 10—13) представлены тремя вариантами:

1. Чаши конической формы с желобчатым бортиком, надломленным краем венчика и плоским дном (3 экз.). Диаметр венчика 20,6 см, диаметр донца 6,6 см, высота 13 см. Большая чаша с внешней стороны покрыта вертикальным лощением.

2. Чаши сфероконической формы с желобчатым бортиком, округлым венчиком и плоским дном (3 экз.). Черепок в изломе розового цвета. Вариант относится к III периоду.

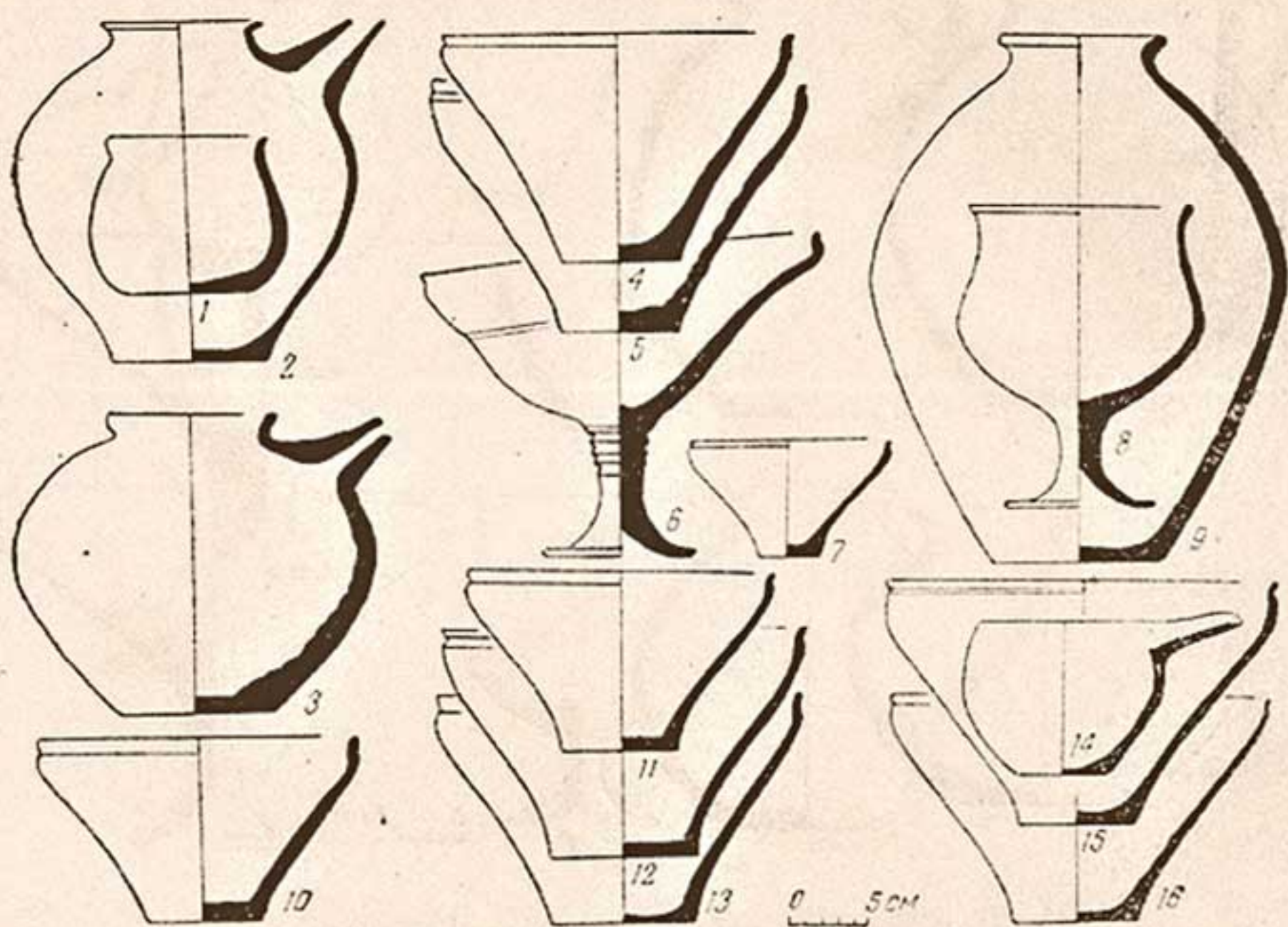

Рис. 6. Керамика из погребений

3. Маленькие чаши конической формы (2 экз.). Диаметр венчика до 12 см, диаметр донца до 3,6 см, высота до 7 см. Черепок в изломе красного или розового цвета (рис. 4, 10; 6, 7).

Первый и третий вариант продолжали бытовать и в третий период.

Сосуды грушевидной формы представлены тремя экземплярами. У первого сосуда тулово плавно переходит к узкой горловине (рис. 4, 8). Хорошо выражен кольцевой поддон. На внешнюю сторону сосуда нанесено вертикальное полосчатое лощение. Черепок в изломе красного цвета. Диаметр тулова 18,6 см, диаметр донца 7,8 см, высота не менее 26 см, диаметр горловины 5 см.

У второго сосуда (рис. 4, 7) грушевидное тулово плавно переходит в прямой, со слегка согнутым краем венчик. Сосуд покрыт

грязно-белым ангобом, по которому нанесено вертикальное полосчатое лощение. Черепок в изломе розового цвета. Диаметр тулова 15 см, диаметр донца 7,5 см, диаметр венчика 9,4 см, диаметр горловины 7 см, высота сосуда 25,4 см.

Третий сосуд (рис. 4, 11) имеет высокую вытянутую горловину и широкое плоское дно. На донце сосуда заметны следы вихревой розетки. Диаметр тулова 10,2 см, диаметр донца 6,2 см, диаметр горловины 4,8 см, высота 12,6 см.

Три кувшинообразных сосуда найдено в погребении 136. Два из них имеют округлую форму, слегка вытянутую вниз, хорошо заметную горловину и выгнутый наружу округлый венчик. Высота сосудов до 21,8 см, диаметр венчика до 10,8 см, диаметр донца до 10,2 см. Черепок в изломе красного цвета. Третий сосуд — биконической формы, с хорошо выраженным поддоном и выгнутым наружу округлым венчиком. Диаметр венчика 10 см, диаметр донца 10,4 см, высота 25,7 см. Черепок в изломе розового цвета.

Горшкообразные сосуды представлены четырьмя экземплярами. Первый сосуд — с раздутым сферическим туловом и широким низким отогнутым крючкообразным венчиком (рис. 5, 4). Снаружи он покрыт темно-красным ангобом. Черепок в изломе красного цвета. Диаметр тулова 18 см, диаметр венчика 12 см, диаметр донца 8 см, высота 12 см.

Интересен по своей форме и орнаментации второй сосуд (рис. 5, 3). Тулово сосуда раздутое, с высокой горловиной и отогнутым наружу краем венчика и широким горлом. На плечиках четко выделяется поперечный орнамент в виде волны. Высота сосуда 18,6 см, диаметр венчика 17 см, диаметр в наиболее широкой части 24,8 см.

Третий сосуд (рис. 4, 1) имеет сферическое тулово с тонким, сильно выгнутым наружу венчиком. В нижней части сосуд вогнут. Черепок в изломе розового цвета. Диаметр тулова 11,8 см, диаметр венчика 8 см, диаметр донца 6,6 см, высота 10 см.

У четвертого сосуда (рис. 4, 4) сферическое тулово слегка приплюснутое и плавно переходит к слегка отогнутому венчику. Поверхность покрыта полосчатым лощением. Цвет черепка светло-коричневый.

Диаметр тулова 10,5 см, диаметр венчика 6,2 см, диаметр донца 4,5 см, высота 9,8 см.

Интересен кубок (рис. 5, 5. 6; 6, 8) с раздутым туловом округлой формы и слегка отогнутым венчиком, на высокой ножке, также найденный в погребении 136. Внешняя часть тулова носит следы лощения. Черепок в изломе розового цвета. Высота кубка 19,5 см, диаметр венчика 12,8 см. Подобные сосуды характерны для переходного этапа от Сапалли к Джаркутану.

В тандыре № 1 найдена глиняная печать с изображением орла на одной стороне. Голова орла повернута направо, крылья раскрыты и полусогнуты. На хвосте и крыльях оперение показано мелкими штрихами. Изображение натуралистическое, на отпечатке заме-

тен орлиный клюв. Другая сторона печати сохранилась очень плохо, поэтому изображение разобрать не удалось.

Таким образом, археологический материал раскопок хозяйственных помещений и могил дает нам возможность осветить некоторые вопросы материальной и духовной культуры жителей Сапаллитепа. Так, например, здесь впервые обнаружены тандыры, аналогичные тандыру с памятника эпохи поздней бронзы Тахирбай 3³.

Печать с изображением орла свидетельствует о продолжении традиций эпохи энеолита. Изображение орла в подобной позе отмечено на керамике Намазга III⁴.

Керамический материал дает большое количество аналогий на памятниках древнеземледельческих культур Южной Бактрии и Южной Туркмении⁵.

Классификация керамики позволила нам выделить керамику второго и третьего периодов обживания Сапаллитепа. Третий период имеет особо важное значение, так как он синхронен с первым периодом поселения и могильника Джаркутан и позволяет проследить развитие керамического производства культуры Сапалли.

³ В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы, МИА, вып. 73, М.—Л., 1959, стр. 14.

⁴ В. М. Массон. Кара-депе у Артыка, ТЮТАКЭ, т. X, Ашхабад, 1961, стр. 359.

⁵ И. Т. Кругликова, В. И. Сариниди. Совместная археологическая экспедиция, АО 1971 г., М., 1972; Г. А. Пугаченкова. Археологические исследования Узбекистанской искусствоведческой экспедиции, АО 1970 г., М., 1971, стр. 421; В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы; Он же. Памятники культуры археологического Дахистана, ТЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1958; Б. А. Литвинский. Намазга, СЭ, 1952, № 4; А. Я. Щетинко. Раскопки мелких поселений эпохи бронзы, сб. «Каракумские древности», вып. III, стр. 42; И. Т. Кругликова, В. И. Сариниди. Древняя Бактрия в свете новых археологических раскопок, СА, 1971, № 4, рис. 4; И. Масимов. Изучение керамических печей эпохи бронзы на поселении Улуг-депе, сб. «Каракумские древности», вып. IV, Ашхабад, 1972, стр. 41.

Б. АБДУЛЛАЕВ

РАСКОПКИ ПОЗДНИХ ПОГРЕБЕНИЙ МОГИЛЬНИКА ДЖАРКУТАН

В 1974 г. Шерабадский археологический отряд Института археологии АН УзССР под руководством А. Аскарлова проводил стационарные раскопки на могильнике эпохи поздней бронзы Джаркутан.

Могильник расположен на двух естественных адырообразных возвышенностях вдоль левого берега древнего русла Бустансая, на территории колхоза им. В. И. Ленина Шерабадского района Сурхандарьинской области.

Между холмами пролегает широкая ложбина, разделяющая могильник на две части — северную и южную.

Южная часть могильника расположена на трех небольших холмах, условно названных Джаркутан IV а, б, в.

Все могильное поле заполнено грунтовыми могилами, на поверхности которых прослеживаются лишь неглубокие овальные и округлые углубления. Поэтому исследуемую территорию разбили на квадраты и снимали верхний слой до появления контуров могил.

Объектом для сплошной раскопки был выбран могильник Джаркутан IV а площадью около 1 га. Могильник в плане овальный, вытянутый с северо-востока на юго-запад. В 1973 г. во время разведочных работ здесь были раскопаны 3 могилы. В 1974 г. вскрыто еще 146 захоронений, давших богатый археологический материал. Таким образом, в целом на могильнике вскрыто 149 погребений разной степени сохранности.

Типологический анализ археологических материалов показал, что на одном могильном поле оказались могилы двух хронологических этапов, отличающихся друг от друга по составу инвентаря.

Комплекс погребального инвентаря первой группы сходен с материалами верхнего строительного периода поселения Сапаллитепа. Материалы же второй группы совершенно отличны от инвентаря раннего Джаркутана. На основе их сопоставления нам удалось установить два облика материальной культуры Джаркутана, названных условно «ранним» и «поздним».

Статья посвящена анализу археологических материалов позднего Джаркутана. Из 149 исследованных могил Джаркутана 61 по

гребение оказалось относящимся к позднему этапу. Все могилы состоят из одиночных захоронений. Из 61 погребения 40 оказались ограбленными. Сопровождающий инвентарь и кости скелетов в большинстве ограбленных могил раздавлены и разбросаны по всей площади могильных ям.

В 47 могилах были захоронены взрослые, а в 11 — дети (погр. 28, 51, 63, 64, 66а, 70, 107, 112). В пяти случаях зафиксированы кенотафные захоронения (погр. 8, 15, 36, 101, 122), в одном (погр. 32) — погребение с трупосожжением.

Устройство могил позднего Джаркутана (как и раннего) — катакомбное. Дромос могил закладывался сырцовыми кирпичами размерами $50 \times 22 \times 10$ см. Дно погребальных камер несколько ниже дна дромоса. Свод камер овальный, вытянут в большинстве случаев с запада на восток. Все скелеты лежат на боку в скорченном положении: мужчины на правом боку, женщины — на левом.

Как было отмечено выше, из 61 захоронения лишь в 14 могилах скелеты не были потревожены и лежали в анатомическом порядке. В остальных могилах они найдены в мелких фрагментах по всей площади могильной ямы, поэтому не удалось установить их ориентацию. В нетронутом состоянии в шести случаях (погр. 3, 7а, 27, 41, 51, 68) погребенные лежали головой на запад, в трех — на юг (погр. 42, 49, 138), в двух — на юго-запад (погр. 23, 70), а в трех — на восток (погр. 34, 82, 87).

В восьми погребениях (погр. 54, 56, 57, 85, 87, 105, 108, 137) сопровождающего инвентаря не обнаружено. В остальных 53 погребальных инвентарь состоял в основном из 16 глиняных сосудов. В отдельных могилах встречены различные бронзовые изделия: шпильки, браслеты, бритвы, серьги, лопаточки, орудия труда. В погр. 112 найдена золотая серьга.

Наиболее интересны четыре бронзовые булавки (шпильки) из погр. 49, изготовленные из длинной круглой в сечении проволоки. По форме они существенно отличаются друг от друга.

1. Шпилька-печать с квадратным навершием, на лицевой части которого симметрично расположены глазки-ямки для вставки камней, образующие в углах квадрата изображение креста (рис. 1, 1).

2. Гвоздеобразная шпилька со шляпкой, надетой на стержень. На шляпку нанесены вертикальные насечки (рис. 1, 2).

3. Гвоздеобразная шпилька с конической головкой (рис. 1, 3).

4. Шпилька с инкрустацией и цилиндрической агатовой бусинкой, насаженной на навершие (рис. 1, 4).

В двух погребениях (погр. 23 и 34) найдены каменные бусы каплевидной, цилиндрической, плоскоцилиндрической и ромбической формы, изготовленные из лазурита и кальцита и сопровождавшиеся подвесками в форме зубов марала (рис. 1, 16—19).

Наиболее распространенные женские украшения в могильнике — бронзовые браслеты с несомкнутыми концами, сделанные из круглой в сечении проволоки (рис. 1, 5—7).

Обнаружены также бронзовые височные кольца с несомкнуты-

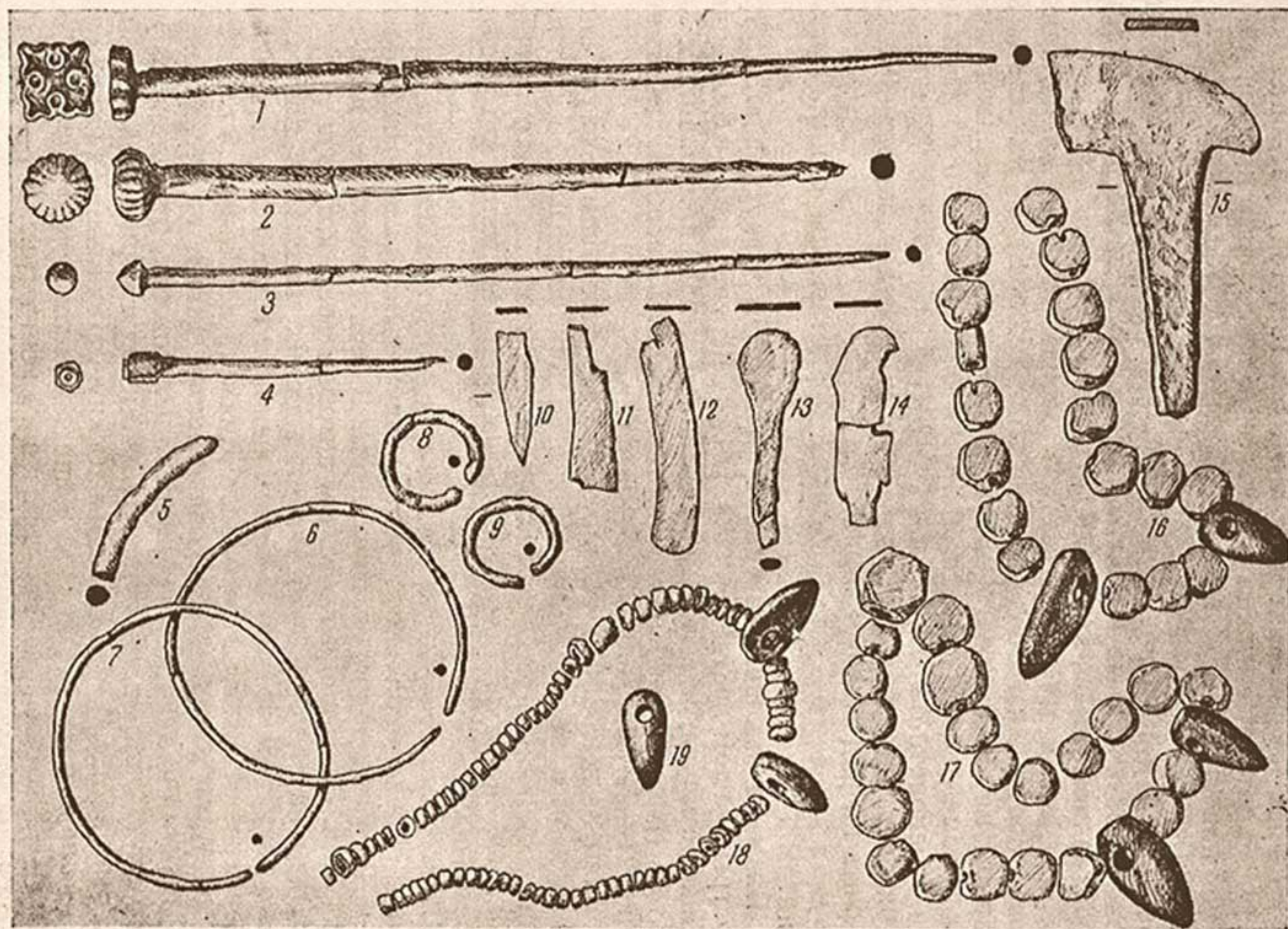

Рис. 1. Бронзовые и каменные изделия позднего Джаркутана

ми концами (рис. 1, 8, 9) и миниатюрная лопаточка (рис. 1, 13). В погр. 112 найдена золотая серьга с затупленными буферобразными несомкнутыми концами. Среди бронзовых предметов выделяется небольшой набор орудий труда. В погр. 36 обнаружена бронзовая бритва (сапожный нож?) с длинным литым черешком и полуовальным лезвием (рис. 1, 15).

В четырех погребениях (погр. 51, 62, 122, 138) раскопаны миниатюрные вотивные ножи, изготовленные из тонкой и узкой ножевидной пластины, со слегка изогнутыми лезвиями (рис. 1, 10—12, 14).

Из погр. 8 и 15 извлечены 2 пряслица биконической формы со сквозными отверстиями в центре. Одно из них (из погр. 8) сделано из обожженной глины, другое — из белого мрамора.

Керамический материал состоит исключительно из парадной столовой посуды, изготовленной из глины хорошего качества на гончарном круге быстрого вращения. Обжиг равномерный, черепок в изломе — белого цвета, снаружи большая часть сосудов покрыта зеленовато-белым ангобом.

При раскопках из могил извлечено 207 сосудов, которые можно разделить на ряд типов и вариантов.

1. Вазы на ножках (69 экз.) представлены одиннадцатью вариантами.

1. Вазы на высокой массивной ножке, с загнутым во внутрь под острым углом краем венчика. Ножка перевернута — балясинообразная, с круглым плоским основанием и профилированным перехватом (рис. 2, 1—1). Вазы покрыты белым ангобом. Диаметр венчика 21—24 см, высота 23,5—29 см.

2. Вазы на высокой массивной ножке, с загнутым во внутрь под острым углом краем венчика. Ножка балясинообразная, с круглым плоским основанием и желобчатым перехватом. Диаметр венчика 20—23,5 см, высота 22,5—25 см. Вазы покрыты зеленовато-белым ангобом (рис. 2, 1—2).

3. Вазы на высокой ножке, с овально загнутым во внутрь краем венчика. Ножка балясинообразная, с круглым массивным основанием и профилированным перехватом. Диаметр венчика 21 см, высота 21,5 см. Вазы покрыты белым ангобом (рис. 2, 1—3).

4. Вазы на сравнительно низких плоских массивных ножках, с овально загнутым во внутрь краем венчика и небольшим валиком при переходе от ножки к туловищу. Диаметр венчика 21,5 см, высота 20 см. Вазы покрыты зеленовато-белым ангобом (рис. 2, 1—4).

5. Вазы на низких плоских массивных ножках, с овально загнутым во внутрь краем венчика, глубокой полусферической чашей и кольцевым валиком, отделяющим ножку от тулова. Диаметр венчика 18 см, высота 16 см. Часть ваз покрыта белым ангобом, остальные — ангобом красновато-розового цвета (рис. 2, 1—5).

6. Вазы на низкой профилированной ножке, с овально загнутым во внутрь краем венчика и глубокой полусферической чашей. На

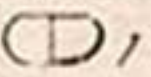
I	Вазы на ножках	
II	Кувшины	
III	Миски	
IV	Горшки	
V	Банки	
VI	Чашечки	

Рис. 2. Керамика позднего Джаркутана

стволе ножки выступает кольцевой валик. По краю основания ножки — узкий бортик. Диаметр венчика 19 см, высота 16 см. Часть ваз — красновато-розового цвета, остальные покрыты белым ангобом с зеленоватым оттенком (рис. 2, I—6).

7. Вазы на низкой полый ножке, с овально загнутым во внутрь краем венчика и глубокой полусферической чашей. По краю венчика прочерчены горизонтальные линии. Выступающее валикообразное ребро отделяет ножку от тулова. Диаметр венчика 20 см, высота 18 см. Часть ваз покрыта красновато-розовым ангобом, другая — белым ангобом с зеленоватым оттенком (рис. 2, I—7).

8. Вазы на низких профилированных ножках, с широким желобчатым отогнутым краем венчика и глубокой конусовидной чашей. По краю основания ножки двумя рядами расположены бортики. Диаметр венчика 23 см, высота 18 см (рис. 2, I—8).

9. Вазы на высокой ножке, с сильно отогнутым краем венчика и ярко выраженным ребром на тулове чаши. Венчик основания ножки овально-отогнутый и образует небольшой бортик. В середине ствола ножки образован валикообразный уступчатый бортик с тремя рядами опоясывающих горизонтальных линий. Диаметр венчика 24 см, высота 20 см (рис. 2, I—9).

10. Вазы на высокой перевернуто-балясинообразной ножке, с плоским основанием и с желобчатым переходом к открытому венчику. На плечиках вазы по выступу прочерчена вертикальная линия. Диаметр венчика 14 см, высота 16 см. Вазы покрыты белым ангобом с зеленоватым оттенком (рис. 2, I—10).

11. Вазы на низком и плоском кольцевом поддоне, с загнутым во внутрь под острым углом венчиком. По краю основания ножки выступает овальный бортик. Диаметр венчика 12,5 см, высота 9 см (рис. 2, I—11).

II. Кувшины (37 экз.) представлены пятью вариантами.

1. Кувшины с высоким, широко отогнутым горлом и скошенной придонной частью. Тулово вытянуто-овальной или округлой формы. На плечиках двумя группами прочерчены горизонтальные линии, иногда внутри линии — зигзаг. Кувшины покрыты белым ангобом зеленоватого оттенка. Диаметр венчика 11—13,5 см, высота 25—27,5 см, диаметр донца 9,5—10,5 см (рис. 2, II—1, 2).

2. Кувшины с широким, слабо выраженным горлом, отогнутым наружу венчиком и скошенной придонной частью. Кувшины покрыты темно-красным ангобом. Диаметр венчика 14 см, высота 24 см, диаметр донца 11 см (рис. 2, II—3).

3. Кувшины с высоким широким горлом, сильно отогнутым заостренным краем венчика и шаровидным туловом с плавным переходом к плоскому дну. На плечиках прочерчена группа горизонтальных линий. Черепок покрыт светло-зеленым ангобом. Диаметр венчика 10,5 см, высота 17 см, диаметр донца 8 см (рис. 2, II—4).

4. Кувшины с низким широким горлом, шаровидным туловом и узким плоским поддоном. Край венчика сильно отогнут, часто заострен, иногда утолщен. Часть кувшинов покрыта белым ангобом

с зеленоватым оттенком, другая — кирпичного цвета. Диаметр венчика 11—11,5 см, высота 19,5—21 см, диаметр донца 6,5—7,5 см (рис. 2, II—5, 6).

5. Вытянутый кувшин с ярко выраженным широким горлом и отогнутым полуовальным венчиком. Тулово плавно переходит к плоскому дну. Поверхность покрыта белым ангобом. Диаметр венчика 11—12,5 см, высота 21—25 см, диаметр донца 8,5—9,5 см (рис. 2, II—7, 8).

III. Миски (33 экз.) представлены четырьмя вариантами.

1. Миски с широко открытым устьем, желобком по краю венчика и плоским узким дном. Диаметр венчика 12—23 см, высота 4,5—8 см, диаметр донца 5—7 см (рис. 2, III—1).

2. Миска с острым ребром плечика, переходящим к овальному венчику с широким желобком и плавным переходом от тулова к невысокому сплошному поддону. Диаметр венчика 16—17 см, высота 7—9 см, диаметр донца 5—5,5 см (рис. 2, III—2).

3. Глубокие миски с коническим туловом и переходящим в желобок уплощенным венчиком. Диаметр венчика 15 см, высота 8,5 см, диаметр донца 4,5 см.

4. Глубокие сфероконические миски с сильно вогнутым внутри плечиком. Часть мисок покрыта светло-зеленым ангобом. Диаметр венчика 13 см, высота 7 см, диаметр донца 5 см (рис. 2, III—4).

IV. Горшки (68 экз.) составляют подавляющую часть керамики. По форме они подразделены на 8 вариантов.

1. Горшки уплощенной формы с низким широким горлом и сильно отогнутым овальным венчиком, покрытые светлым ангобом. Диаметр венчика 16 см, высота 17 см, диаметр донца 10 см (рис. 2, IV—1).

2. Горшки уплощенной формы со слабо выраженным отогнутым краем венчика и скошенной придонной частью, покрытые белым ангобом с зеленоватым оттенком. Диаметр венчика 15 см, высота 14 см, диаметр донца 7 см (рис. 2, IV—2).

3. Биконический горшок с резким сужением устья и двумя отверстиями вдоль венчика. Диаметр венчика 11 см, высота 16,5 см, диаметр донца 7,5 см (рис. 2, IV—3).

4. Горшки с округлым туловом и стройно вытянутой придонной частью. Часть горшков покрыта белым ангобом. Диаметр венчика 6,5—8,5 см, высота 9—14,5 см, диаметр донца 4—4,5 см (рис. 2, IV—4).

5. Вытянутые горшки с усеченной нижней частью округлого тулова. Диаметр венчика 8,5—10 см, высота 13—16 см, диаметр донца 5—6,5 см (рис. 2, IV—5).

6. Биконические тонкостенные, звонкие горшки со слегка сужающимся переходом к открытому заостренному венчику. Диаметр венчика 9,5—10 см, высота 9—11,5 см, диаметр донца 4,5—6,5 см (рис. 2, IV—6).

7. Горшки шаровидной формы со слегка выделенным горлом, покрытые светло-зеленым и светло-красным ангобом. Диаметр венчика 10 см, высота 13 см, диаметр донца 6 см (рис. 2, IV—7).

8. Миниатюрные горшки с широким устьем и тупым краем венчика, покрытые белым ангобом с зеленоватым оттенком. Диаметр венчика 11 см, высота 5,5 см, диаметр донца 4,5 см (рис. 2, IV—8).

V. Цилиндрические банки с открытым устьем и слегка сужающимся переходом ко дну. Часть банок покрыта белым ангобом. Диаметр венчика 6,5—8 см, высота 14—15 см, диаметр донца 5—6 см (рис. 2, V—1, 2).

VI. Уплощенная чашечка с овальным туловом и слабо выраженным венчиком. Диаметр венчика 7,5 см, высота 3,5 см, диаметр донца 5 см.

Бронзовые изделия и керамика позднего Джаркутана хорошо сопоставимы с материалами ряда памятников древнеземледельческих культур Древнего Востока.

Так, например, шпильки аналогичные джаркутанским, известны на многих памятниках (Анау I и II, Кара-депе, Алтын-депе, Тахирбай 3, Гиссар I—III, Анатолия и др.)¹.

Вотивные ножи, подобные джаркутанским, известны в могильнике Заманбаба в низовьях Зарафшана и в третьем слое Анау в Туркмении². Миниатюрные косметические лопаточки часто встречались в Сапаллитепа, Раннетулхарском могильнике, Кара-депе времени Намазга II, Алтын-депе у Чача Миана, а также в могильнике Заманбаба³.

Ярким датирующим источником является керамика. Керамика позднего Джаркутана находит широкие аналогии среди керамического инвентаря на поселении Тахирбай 3 в Мургабском оазисе, в могильнике Молали, Нурекском могильнике, Раннетулхарском могильнике, в комплексе Дашлы, т. е. в памятниках, датируемых второй половиной II тысячелетия до н. э.⁴ Следовательно, и поздний этап существования могильника Джаркутан можно отнести к XIV—X вв. до н. э.

¹ Е. Е. Кузьмина. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии, САИ, вып. В 4—9, М., 1966, табл. XVI, 6, 41, 46—49; В. М. Массон. Кара-депе у Артыка, ТЮТАКЭ, т. X, Ашхабад, 1961, стр. 376; Он же. Древнеземледельческая культура Маргианы, МИА, вып. 73, М.—Л., 1959, табл. XIV, 1; E. F. Schmidt. Excavations of Tepe Hissar, Philadelphia, 1937, H 4704, H 3053, H 2876, H 3083.

² Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аскарров. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана, Ташкент, 1966, табл. V, 4, табл. XVI, 1—5, 11, 12, 18, табл. XVII, 27; Е. Е. Кузьмина. Металлические изделия..., стр. 50, табл. X, 5, 7, 8, табл. XVI, 19.

³ А. Аскарров. Сапаллитепа, Ташкент, 1973, табл. 32, 17; А. М. Мандельштам. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане, МИА, вып. 145, Л., 1968, табл. VIII, 3—4; В. М. Массон. Кара-депе у Артыка, стр. 329, табл. XV, 9—11.

⁴ В. М. Массон. Древнеземледельческая культура..., табл. VI, 1—3, 5—7, 9, 11, 14, табл. VII, 1, 8, 10, табл. VIII, 5, табл. IX, 1, табл. X, 4; Л. Т. Пьянкова. Нурекский могильник эпохи бронзы, АО 1974 г., М., 1975, стр. 542—543; А. М. Мандельштам. Памятники эпохи бронзы..., табл. XII, 6—8; табл. XIII, 1—4, табл. XIV, 3—7, табл. XVIII, 1, 2; В. И. Сарияниди. Бактрия в эпоху бронзы, СА, 1974, № 4, табл. VIII, 1; Т. В. Беляева, З. А. Хакимов. Древнебактрийские памятники миршаде, сб. «Из истории античной культуры Узбекистана», Ташкент, 1973, стр. 35—52, рис. 10.

Т. К. ХОДЖАЙОВ, Х. ХАЛИЛОВ

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА ДЖАРКУТАН

Бронзовый век на территории Узбекистана характеризуется развитием земледельческих и скотоводческих культур.

В восточной части Узбекистана были распространены чустская и кайраккумская культуры. Чустская земледельческая культура (Чуст, Дальверзин) сложилась под влиянием более развитой южно-туркменской культуры крашеной керамики¹. В южной части Ферганской долины доминировала кайраккумская культура племен степной бронзы (Буадиль)². Центральная часть Узбекистана представлена заманбабинской культурой, которая стоит особняком среди земледельческих культур эпохи бронзы Средней Азии и в которой сочетаются черты степной тазабагъябско-андроновской и земледельческой культур расписной керамики анауского типа³. В Хорезмском оазисе развивались суярганская и тазабагъябская культуры. Тазабагъябская культура включала в себя черты степных культур бронзового века Юго-Восточной Европы и смежных областей Азии, а суярганская — южных земледельческих культур крашеной керамики Анау⁴.

Юг Узбекистана (Сурхандарьинская обл.) в эпоху бронзы был заселен земледельческими племенами культуры Сапалли⁵.

Могильник Джаркутан (вторая половина II тысячелетия до н. э.), расположенный в Сурхандарьинской области УзССР, также входит в круг памятников культуры Сапалли. Стационарные раскопки на могильнике Джаркутан, начатые весной 1974 г. Шерабадским археологическим отрядом Института археологии АН УзССР,

¹ В. И. Спришевский. Чустское поселение эпохи бронзы, КСИИМК, вып. 69, М., 1957.

² Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов. Древности Кайраккумов, Труды ИИ АН ТаджССР, т. 33, Душанбе, 1962.

³ Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аскаров. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана, Ташкент, 1966.

⁴ М. А. Итина. Раскопки могильника тазабагъябской культуры Кокча 3, МХЭ, вып. 5, М., 1961.

⁵ А. Аскаров. К вопросу о выделении культуры Сапалли. Древняя Бактрия. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана, Л., 1974, стр. 26—32.

наряду с богатым археологическим инвентарем дали палеоантропологический материал из 55 погребений подбойно-катакомбного типа.

Антропологический материал вследствие засоленности почвы сохранился плохо. Пригодными к изучению оказались 14 хорошо сохранившихся черепов (4 мужских, 9 женских и 1 детский). Измерительные данные черепов описаны в табл. 1.

Приводим краткие характеристики черепов.

Погребение № 7. Мужчина 35—40 лет. Череп долихокраний, с большими продольным и высотным, малым поперечным диаметрами. Лоб среднеширокий и средненаклонный. Надпереносье и надбровные дуги развиты сильно. Лицевая часть ортогнатная, средневысокая и узкая, по указателю мезопрозопа, сильно профилирована в горизонтальной плоскости. Нос мезоринный. Орбиты низкие по абсолютным размерам и по указателям. Угол носа большой.

Погребение № 29. Мужчина 40—45 лет. Черепная коробка мезокраний, с очень большими продольным, высотным и поперечным диаметрами. Лоб широкий, покатый, надпереносье и надбровные дуги развиты слабо. Лицевая часть ортогнатная, очень высокая и широкая, по указателю лептопрозопа, среднепрофилированная в горизонтальной плоскости. Нос лепторинный. Орбиты высокие. Угол выступания носа большой.

Погребение № 41. Мужчина 35—40 лет. Череп долихокраний, с большим высотным и малым поперечным диаметрами. Лоб среднеширокий и умеренно наклонный. Надпереносье и надбровные дуги развиты слабо. Лицевая часть ортогнатная, средневысокая и узкая, со средней профилировкой в горизонтальном плане. Нос мезоринный. Орбиты низкие. Угол носа средний.

Погребение № 53. Мужчина 35—40. Сохранность черепа плохая. Надпереносье и надбровные дуги развиты очень сильно. Лицо низкое и узкое, по указателю мезопрозопа. Нос мезоринный. Орбиты низкие. Угол носа большой.

Погребение № 5. Женщина 20—22 лет. Череп мезокраний, с большими высотным и поперечным диаметрами. Лоб широкий, покатый. Надпереносье и надбровные дуги развиты очень слабо. Лицо ортогнатное, средневысокое и узкое, по указателю мезопрозопа, с сильной горизонтальной профилировкой. Нос мезоринный. Орбиты низкие. Угол выступания носа к профилю лица большой.

Погребение № 23. Женщина 25—30 лет. Черепная коробка мезокраний, с большими продольным и высотным, малым поперечным диаметрами. Лоб среднеширокий, средненаклонный, со слабо развитыми надпереносьем и надбровными дугами. Лицевая часть ортогнатная, средневысокая и узкая, по указателю мезопрозопа. Горизонтальная профилировка лица сильная. Нос мезоринный. Орбиты низкие по абсолютным размерам и указателям. Угол выступания носа средний.

Индивидуальные данные черепов из Джаркутана

Таблица 1

Признак	Мужчины				Женщины								Мин. — макс.
	Погр. 7	Погр. 29	Погр. 41	Погр. 58	Погр. 5	Погр. 23	Погр. 25	Погр. 27	Погр. 38	Погр. 45	Погр. 48	Погр. 55	
	35—40 лет	40—45 лет	35—40 лет	35—40 лет	20—22 года	25—40 лет	18—20 лет	25—30 лет	25—30 лет	30—35 лет	20—25 лет	35—40 лет	
1 Продольный диаметр	186	188	2—	—	181	175	178	183	175	133	—	183	173—183
8 Поперечный диаметр	136	145	137	—	139	133	133	132	133	—	—	—	132—139
17 Высотный диаметр	137	135	140	—	145	125	131	—	131	127	—	138	125—145
9 Наименьший лобный диаметр	99	97	95	—	95	93	—	94	97	94	—	—	93—97
48 Верхнелицевой диаметр	68	79	72	67	68	65	69	64	65	64	68	70	64—70
45 Скуловой диаметр	127?	130	129	130?	116	120	118?	117?	126	123	—	122	116—126
< Zm' Зигомаксиллярный угол	125	135	125	—	121	135	—	132	132	127	—	—	121—135
77 Назомалярный угол	140	140	141	—	144	143	—	—	136	142	—	—	136—144
54 Ширина носа	22	25	26	24	24	24	—	24	26	25	24	—	24—26
DS Дакриальная высота	13	12	12	13	10	10	—	10	11	10	10	13	10—13
SS Симметрическая высота	—	4	4,5	5,5	6	4	—	5	6	5	4	6	4—6
52 Высота орбиты	33	40	31	33	31	32	—	32	32	33	35	35	31—35
32 Угол лба от назиона	83	77	84	—	88	83	90	88	89	87	—	89	87—90
72 Общий угол лица	85	85	84	—	80	82	—	87	89	83	—	86	80—89
75 (1) Угол выступания носа	42	26	26	32	29	20	28	35	27	33	24	30	20—35
У к а з а т е л и:													
8:1 Черепной	73,2	76,7	—	—	76,7	76,0	74,7	72,1	76,0	—	—	—	72,1—76,0
17:1 Высотно-продольный	73,7	71,9	—	—	80,2	71,5	73,7	—	74,8	73,5	—	75,5	71,5—80,2
48:45 Верхнелицевой	53,7	60,7	55,8	51,6	58,7	54,2	57,5	54,8	51,6	52,0	—	57,3	51,6—58,7
54:55 Носовой	49,0	43,8	50,0	49,0	48,0	51,1	—	51,1	54,2	49,2	48,0	—	48,0—54,2
52:51 Орбитный (mf)	73,7	90,8	73,8	73,3	81,6	82,1	—	80,0	74,3	76,7	81,4	84,3	74,3—84,3
52:51a Орбитный (d)	78,6	97,3	83,8	80,3	86,2	89,0	—	84,1	78,0	82,5	87,5	89,7	78,0—89,7
48:17 Вертикальный кра- ниофациальный	49,6	58,5	51,5	—	46,9	52,0	52,7	—	47,7	50,4	—	50,7	46,9—52,7
Надпереносье (1—6)	4	3	2	6	1	2	2	2	3	2	2	2	1—3

Погребение № 25. Женщина 18—20 лет. Череп долихокраний, с большими продольным и высотным, малым поперечным диаметрами. Лоб средненаклонный, со слаборазвитыми надпереносьем и надбровными дугами. Лицо высокое и узкое, по указателю лептопрозопное. Угол выступания носа к профилю лица большой.

Погребение № 27. Женщина 25—30 лет. Череп долихокраний, с большим продольным и малым поперечным диаметрами. Лоб среднеширокий, покатый. Надпереносье и надбровные дуги развиты слабо. Лицевая часть ортогнатная, средневысокая и узкая, по указателю лептопрозопная. Лицо сильно профилировано в горизонтальной плоскости. Нос мезоринный. Орбиты низкие. Угол носа большой.

Погребение № 38. Женщина 25—30 лет. Череп мезокраний, с большими продольным и высотным, малым поперечным диаметрами. Лоб широкий, средненаклонный. Надпереносье и надбровные дуги развиты средне. Лицевая часть ортогнатная, очень высокая и среднеширокая, мезопрозопная. Нос широкий, по указателю хаме-ринный. Орбиты низкие. Угол выступания носа большой.

Погребение № 45. Женщина 30—35 лет. Череп долихокраний. Лоб среднеширокий, покатый. Надпереносье и надбровные дуги развиты слабо. Лицевая часть ортогнатная, средневысокая и широкая, по указателю мезопрозопная. Лицо в горизонтальной плоскости выступает сильно. Нос мезоринный. Орбиты средневысокие по абсолютным размерам и низкие по указателям. Угол выступания носа очень большой.

Погребение № 48. Женщина 20—25 лет. Сохранность черепа плохая. Лицо среднеширокое и средневысокое. Орбиты средневысокие. Угол выступания носа по отношению к профилю лица большой.

Погребение № 55. Женщина 35—40 лет. Череп долихокраний, с очень большими продольным и высотным диаметрами. Лоб сильнонаклонный. Надпереносье и надбровные дуги развиты средне. Лицевая часть ортогнатная, высокая и среднеширокая, по указателю лептопрозопная. Орбиты низкие. Угол выступания носа очень большой.

В среднем краниологическая серия Джаркутана долихо-мезокраний при больших продольном, поперечном и высотном диаметрах. Лоб средненаклонный, с сильно развитыми надпереносьем и надбровными дугами. Лицо мезогнатное, узкое и средневысокое, с сильной горизонтальной профилировкой. Нос мезоринный, сильно выступающий по отношению к профилю лица. Глазницы низкие.

Все погребения Джаркутана по погребальному инвентарю, ориентации костяков и т. п. разделены на два исторических этапа: молалинский и собственно джаркутанский. Археологические материалы этих этапов существенно отличаются друг от друга. Малочисленность краниологического материала пока не позволяет нам рассматривать черепа двух периодов отдельно.

Среди серий черепов Средней Азии III—II тысячелетий до н. э. мы выбрали для сравнения серии из Сапаллитепа, Кокча 3 и Дальверзина с территории Узбекистана⁶, из Тигровой Балки и Раннего Тулхара Юго-Западного Таджикистана, из Кара-депе и Алтын-депе Южной Туркмении (табл. 2, рисунок).

Мы сопоставляем черепа из могильника Джаркутана с краниологическими материалами Сапаллитепа. Сапаллитепинская серия, хронологически более ранняя, чем джаркутанская, представляет

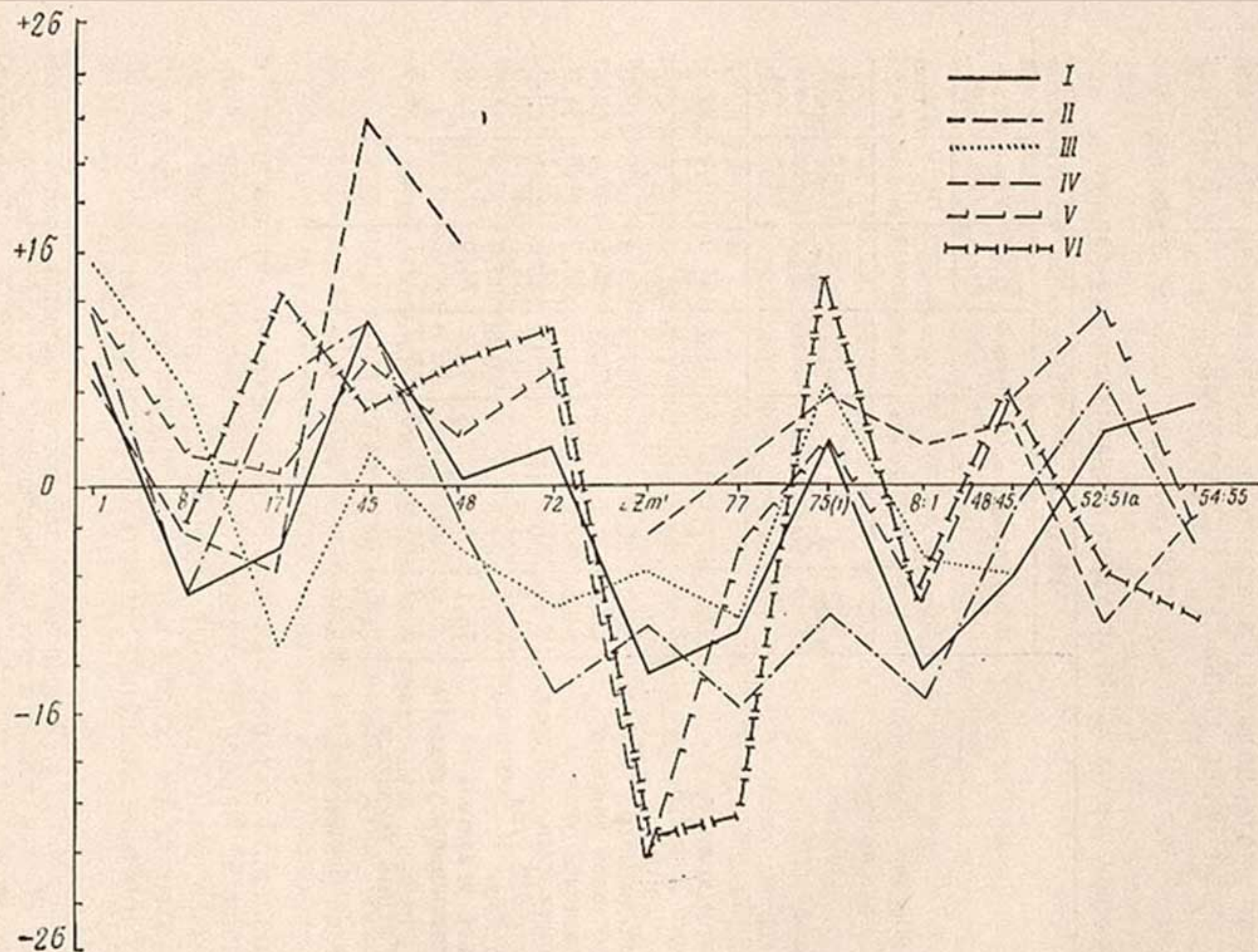
Таблица 2

Женские черепа из Джаркутана и сравнительные данные

Признак	Узбекистан			Таджикистан		Туркменистан	
	Джаркутан	Сапаллитепа	Дальверзин	Ранний Тулхар	Тигровая Балка	Кара-депе	Алтын-депе
	II тыс. до н. э.	II тыс. до н. э.	II—I тыс. до н. э.	II тыс. до н. э.	II тыс. до н. э.	III—II тыс. до н. э.	II тыс. до н. э.
	Ходжайов, Халилов	Ходжайов	Гинзбург	Кияткина	Кияткина	Гинзбург, Трофимова	Трофимова, Кияткина
1 Продольный диаметр	178,3	181,1	181,7	181,2	184,0	183,0	182,8
8 Поперечный диаметр	134,0	133,1	131,8	135,0	136,0	132,1	134,8
17 Высотный диаметр	132,8	128,9	131,5	131,0	129,5	134,9	133,0
45 Скуловой диаметр	120,3	121,8	123,8	128,0	121,0	123,8	118,0
48 Верхнескуловой диаметр	66,6	68,7	66,7	70,6	65,5	67,6	67,4
72 Общий лицевой угол	84,5	86,4	85,3	—	83,0	81,9	84,0
<Zm' Зигомаксиллярный угол	129,4	121,2	125,5	128,2	127,2	126,1	120,8
77 Назомалярный угол	141,2	135,0	138,3	141,5	138,5	136,9	140,0
75 (1) Угол носа	28,3	32,5	29,4	30,3	30,0	25,8	34,7
8:1 Черепной указатель	75,1	73,5	72,6	74,5	74,0	72,2	73,5
48:45 Верхнелицевой указатель	55,3	56,6	54,0	55,2	54,1	54,9	56,5
52:51a Орбитный указатель (d)	85,3	83,5	83,9	82,0	—	83,1	89,8
54:55 Носовой указатель	52,7	50,3	46,3	46,3	53,3	51,7	47,7

для нас большой интерес как морфологически очень сходная с джаркутанской. Черепной коробке сапаллитепинской серии свойственен более низкий высотный диаметр. Строение лицевого скелета сапаллитепинской серии близко к джаркутанской также по скуловому и верхнелицевому диаметрам, но обнаруживает отчетли-

⁶ Т. К. Ходжайов. Антропологический состав населения эпохи бронзы Сапаллитепа, «Тезисы докладов сессии, посвященной этнографическим и антропологическим исследованиям 1974—1975 гг.», Душанбе, 1976; Т. А. Трофимова. Черепа из могильника тазабагъябской культуры Кокча 3, МХЭ, вып. 5, М., 1961; В. В. Гинзбург. К антропологии населения Ферганской долины в эпоху бронзы, Приложение к кн.: Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура Ферганы, МИА, вып. 118, М.—Л., 1962, стр. 201—218.

Сравнение по средним данным серий женских черепов из Средней Азии (по Моллисону).

Основа — женские черепа из Джаркутана.

I — Дальверзин; II — Ранний Тулхар; III — Тигровая Балка; IV — Кара-депе; V — Алтын-депе; VI — Сапаллитепа.
 Признаки: 1 — продольный диаметр черепа; 8 — поперечный диаметр; 17 — высотный диаметр от базиса; 45 — скуловой диаметр; 48 — верхнелицевой диаметр; 72 — общий угол лица; $\angle Zm'$ — зигомаксиллярный угол; 77 — назомаллярный угол; 75 (1) — угол выступания носа; 8:1 — черепной указатель; 48:45 — верхнелицевой указатель; 52:51a — орбитный указатель от дакриона; 54:55 — носовой указатель

вые различия по черепному указателю, углам вертикальной и горизонтальной профилировки лица и углу выступания носа.

Серия черепов из Дальверзина (Ферганская долина) отличается от черепов Джаркутана более удлиненной формой черепа и чуть сильнее профилированным лицом в подносовой области. Как видим, различия между этими двумя сериями невелики.

Близка исследуемая серия женских черепов к черепам из могильника Тигровая Балка. При идентичных размерах средних величин многих основных размеров джаркутанская серия отличается от черепов из Тигровой Балки малым продольным диаметром и более низким сводом черепа. Другая краниологическая серия Юго-Западного Таджикистана (Ранний Тулхар) отличается от джаркутанской очень широким и высоким лицом, узким носом.

Более ранняя по времени серия черепов из Южной Туркмении (Кара-депе), как и следовало ожидать, отличается удлиненной черепной коробкой, более узким и выступающим в вертикальной плоскости лицом. Серии черепов II тысячелетия до н. э. из Алтын-депе и Джаркутана очень близки. Однако у второй серии шире нос, ниже орбиты и меньше угол выступания носа.

Изучение и сравнение небольшой краниологической серии из Джаркутана с другими сериями с территории Средней Азии показало, что основной расовый тип черепов эпохи бронзы из Джаркутана определяется как восточномедиземноморский.

Археологами было высказано предположение, что поселение Джаркутан было основано жителями Сапаллитепа, которые после высыхания русла горной речки полностью переселились на Джаркутан. Очень близкие морфологические особенности черепов Джаркутана и Сапаллитепа, видимо, не противоречат этому положению.

На Сапаллитепа черепа с выраженным альвеолярным прогнатизмом были единичны, а на Джаркутане процент их заметно увеличивается. Аналогичные черепа найдены и в других синхронных и более ранних могильниках (Кара-депе, Кокча 3, Дальверзин и др.).

По сравнению с более ранними сериями Северной Бактрии, в Джаркутане увеличиваются черепной указатель и углы горизонтальной профилировки лица, понижается лицо и угол выступания носа, что, возможно, указывает на приток в Джаркутан населения, характеризующегося чертами северного протоевропейского типа.

Х. ДУКЕ

РАСКОПКИ ПАМЯТНИКОВ БУРГУЛЮКСКОЙ КУЛЬТУРЫ В 1975 г.

Туябугузская группа Шаш-Илакского отряда Института археологии АН УзССР в последние годы изучала памятники малоизвестной бургулюкской культуры, выявленные в бассейне р. Ахангарана. В 1974 г. на правом берегу реки были исследованы 20 землянок¹. В данной статье освещаются результаты исследований, проводившихся в 1975 г.

На левом берегу Ахангарана раскопки производились на двух объектах, причем на объекте № 1 были обнаружены 4 стерильные землянки, не перекрытые более поздними отложениями.

Объект № 1 расположен в 2 км к юго-юго-западу от плотины водохранилища и представляет собой невысокую возвышенность, которая тянется с севера на юг на 260 м, а с запада на восток — на 100 м. На объекте зарегистрировано более 10 землянок, из которых исследовано 4. До начала раскопок здесь собрано 4149 фрагментов керамики бургулюкского облика, из них более 20 — с росписью и 12 — с отпечатками ткани на внутренней стороне. Кроме того, на поверхности встречены 5 зернотерок, фрагмент булавы, бронзовые ножи, фрагмент бронзового серпа.

Землянка № 1 обнаружена в 82 м к югу от северного края объекта и состоит из четырех отсеков, разделенных паховыми перегородками. Назначение отсеков неясно. В землянке собрано более 2400 фрагментов керамики, в том числе и расписной. Кроме того, здесь найдены 2 бронзовых ножа и бронзовые шлаки. Изучение жилища еще не завершено.

Землянка № 2 находится в 85 м к югу от землянки № 1. По форме она почти овальная, ориентирована с запада на восток. До глубины 20 см землянка заполнена желтоватым лёссом, глубже идет лёсс более темного цвета. Длина с севера на юг 3,85 м, ширина 2,75 м, глубина 0,5 м. Восточная стенка, где, видимо, был вход, размыта водами водохранилища. Остальные стены выявлены четко, но пол прослеживается лишь в отдельных местах. На глубине 15—

¹ К. Алимов, Ю. Буряков, Э. Бурякова, Х. Дукее. Работы в Ташкентской области, АО 1974 г., М., 1975.

20 см найден 51 фрагмент керамики. Ниже находок не было. Все фрагменты относятся к бургулюкской культуре. Среди фрагментов один с отпечатками ткани на внутренней поверхности.

Землянка № 3 расположена в 71 м к юго-востоку от землянки № 2 и ориентирована с запада на восток. Форма землянки прямоугольная с закругленными углами. Длина 6,35 м, ширина 3,5 м, глубина у восточной стены 20 см, у западной — 45 см. Заполнение аналогично второй землянке. Близ юго-восточной части стены внутри землянки обнаружены две хозяйственные ямы. Первая, диаметром 1,3 м и глубиной до 0,8 м, вплотную подходит к восточной стене. Вторая, диаметром 0,6 м, глубиной 0,5 м, — к западу от первой. В ямах найдены десятки фрагментов керамики, целая круглодонная лепная миска и отдельные кости животных.

Расчищены два очага. Первый очаг находился в 50 см к западу от второй хозяйственной ямы. Общая длина очага 1,15 м, ширина 0,75 м, длина устья 0,4 м, ширина 0,3 м, форма подковообразная. На расстоянии 2,2 м от восточной стены, у самого края северной стены стоял второй очаг диаметром 20 см и глубиной 10 см. Рядом с ним находились два маленьких очажка (лунницы) для плавки бронзы.

В 70 см к северо-востоку от землянки раскопана еще одна хозяйственная яма диаметром 0,9 м и глубиной 0,35 м. Найдено около 40 фрагментов керамики бургулюкского облика и 7 костей животных. Всего в землянке собрано 147 фрагментов керамики, 12 костей животных, очажная подставка.

Землянка № 4 находится в 22 м к востоку от землянки № 3. Форма почти прямоугольная. Все стены, кроме южной, выявлены четко. Южная стена вместе с входом размыта водами водохранилища. В заполнении землянки — лёсс. В северной части лёсс темного цвета, в остальных — светло-желтый. Длина землянки с запада на восток 5,1 м, ширина с севера на юг 4,2 м, глубина от 10 до 40 см. В юго-восточной части землянки на расстоянии 1,1 м от восточной и 3,1 м от северной стен находился очаг прямоугольной формы длиной 75 см, шириной 60 см, глубиной 20 см со стенками толщиной 10 см. Южнее очага находилась почти целая зернотерка, а севернее — большой фрагмент венчика с наклепной ручкой бургулюкского облика. В заполнении землянки и на полу найдено 76 фрагментов керамики.

Объект № 2 расположен в 1,8 км к юго-юго-западу от объекта № 1. Археологические раскопки здесь не производились. Мы ограничились лишь сбором подъемного материала. Собрано 1088 фрагментов керамики бургулюкского облика, среди них 9 — с отпечатками ткани на внутренней стороне поверхности и 13 — с росписью.

На правобережье Ахангарана работы велись на объектах № 3, 4а, 6, 7 и 8.

Объект № 3. На этом объекте в 1974 г. исследованы 10 землянок. В 1975 г. здесь велся только сбор подъемного материала на берегу водохранилища. Материал оказался обильным и на ред-

кость интересным: 2 бронзовых серпа, бронзовые втульчатый двухлопастный наконечник стрелы, шило, ложка-лопаточка, а также 3007 фрагментов керамики, 4 зернотерки, 2 терочки для растирания красок.

Объект № 6. Здесь обнаружена землянка № 5, исследованная в 1975 г. В. Аминовым.

Землянка № 5 расположена в 6 м к юго-востоку от землянки № 4 и имеет овальную форму. Длина ее с севера на юг 6,5 м, ширина 2,1—2,6 м, глубина 1,40—1,95 м. В южной части землянки — вход длиной 1,5 м и шириной в 0,9 м, а в юго-восточном углу землянки — круглый очаг диаметром 70 см и глубиной 90 см. В северо-западном углу на глубине 70 см расчищен пристенный очаг диаметром 70 см, глубиной в стену 1,5 м, высотой 65 см. В западной стене в 2 м от южного угла обнаружен пахсовый выступ шириной 65 см, который выдавался к востоку на 40 см. Вероятно, выступ — остаток стены, разделявшей две разновременные землянки: южную — бургулюкского времени, северную — средневековую. В пользу этого предположения говорит то, что в северной части землянки керамика относится в основном к средневековой, а в южной попадают фрагменты лепной керамики с носиком-сливом и налепной ручкой, характерной для бургулюкской культуры.

Объект № 7 расположен в 1 км от объекта № 4 а и тянется с запада на восток на 194 м, а с севера на юг — на 32—37 м. До начала раскопок здесь собрано 332 фрагмента керамики, большая часть которой относится к бургулюкской культуре, меньшая — к раннесредневековой.

Из раскопанных четырех землянок наиболее интересна землянка № 1, находившаяся в восточной части объекта. Землянка почти квадратной формы, длина ее с севера на юг 2,5 м, ширина 2,2 м, глубина 1,05 м. В заполнении землянки и на полу найдено 45 фрагментов керамики бургулюкского облика. В южной части землянки на глубине 0,85 м обнаружено впускное погребение, видимо, каунчинского времени. Костяк лежал на спине в вытянутом положении параллельно реке и ориентирован головой на запад. Правая рука вытянута вдоль грудной клетки, левая — согнута в локтях. В правой руке расчищен сломанный железный браслет, а у левой ноги, ниже таза — 4 кости барана (альчики), рядом с ними — каменный оселок, пуговица и фрагменты железного ножа.

Объект № 8 находится в 20 км к востоку от объекта № 7. Археологические раскопки здесь не производились, так как следов жилищ не обнаружено. На поверхности собрано 644 фрагмента керамики и 2 терки для растирания красок. Среди фрагментов керамики 46 — с отпечатками ткани на внутренней поверхности, 5 — сделаны на гончарном круге и относятся к средневековой. Поражает большой процент керамики с отпечатками ткани.

Таким образом, в результате археологических работ и разведок, проведенных туябугузской группой Шаш-Илакского отряда в 1975 г., открыто два новых объекта бургулюкской культуры, собра-

но несколько тысяч фрагментов керамики, исследованы 9 новых землянок, среди которых 4 стерильные, не перекрытые более поздними отложениями, и, что особенно важно, в землянке № 1 найдено более 10 бронзовых орудий труда, в том числе 2 бронзовых ножа.

Бронзовые орудия труда и оружие представлены серпами, ножами, шильями, ложкой, наконечниками стрел.

Серпы (2 целых и фрагмент от третьего) — это слабоизогнутые массивные пластины с закругленной спинкой. Один конец серпа заострен, другой — закруглен. У закругленного конца проделано небольшое овальное или круглое отверстие, служившее для скрепления орудия с рукояткой. У одного серпа отломлен закругленный конец и часть отверстия, а фрагмент бронзового серпа представлен лишь закругленным концом с отверстием и частью спинки лезвия. Размеры целых серпов: 1 — длина 14 см, ширина 2,8 см; 2 — длина 12,7 см, ширина 2,5 см.

Наконечники стрел черешковые, с листовидным пером и жилкой, длина 3 см, ширина 1,2 см.

Бронзовые ножи (4 целых и 1 фрагмент) все однолезвийные. Среди них выделяются 3 типа.

1. Литой, рукоять отлита одновременно с лезвием, конец рукоятки закруглен, в рукояти литое отверстие, по центру слегка вогнутого заостренного на конце лезвия проходит едва заметное ребро. Длина ножа 13,8 см, ширина 2,5 см. Вариантом первого типа можно считать бронзовый нож, конец рукояти которого закруглен, а конец лезвия сильно оттянут назад.

2. Однолезвийный, лезвие литое, широкое и массивное, почти прямое. Рукоятка продолжает линию лезвия, которое несколько шире рукояти, конец клинка заострен, а конец рукояти обломлен. Длина ножа 15,5 см, ширина 2,8 см.

3. «Коленчатый», карасукского типа, с характерным изгибом лезвия. Рукоятка в виде плоского черешка, суживающегося к верхней части. Навершие отсутствует.

Бронзовые шилья представлены двумя фрагментами. Первый фрагмент прямоугольный в сечении, один конец заострен, второй отсутствует, сохранившаяся длина 7 см. Второй фрагмент такой же, но меньших размеров, сохранившаяся длина 4,5 см.

Бронзовая туалетная ложка-лопаточка овальной формы, с длинной круглой в сечении ручкой и плоским резервуаром, обнаружена в одном экземпляре. Общая длина ее 9,5 см, длина резервуара 3,7 см, ширина 3 см, диаметр сечения ручки 0,4 см.

На объектах собрано более 11 000 фрагментов керамики и 3 целых сосуда. Вся керамика оказалась лепная и круглодонная. Характерная особенность бургулюкской керамики — наличие на большинстве сосудов носика-слива с одной стороны и горизонтальной ручки-выступа с другой. Снаружи сосуды покрыты светлым ангобом с розовым или марганцевым оттенком.

Ведущие формы: 1) лепные котлы полусферической формы, круглодонные, со слегка отогнутым наружу венчиком и носиком-

сливом; 2) миниатюрные сосудики с носиком-сливом на одной стороне и горизонтальной ручкой-выступом на другой, круглодонные или с уплощенным дном; 3) лепные круглодонные горшки разных размеров с округлым или шаровидным туловом; часть горшков формовалась на матерчатом шаблоне, некоторые, как и котлы, имели под венчиком горизонтальную ручку-выступ; 4) полусферические круглодонные миски со сравнительно большим диаметром венчика, глубокие и мелкие, в большинстве своем покрытые темно-красным орнаментом в виде полосок, треугольников и др.

Бургулюкская культура открыта А. И. Тереножкиным в 1940 г. при строительстве Ташкентского канала на правом берегу р. Ахангарана. Первоначально А. И. Тереножкин относил эту культуру к III—I вв. до н. э., но позднее углубил ее датировку до VI—IV вв. до н. э.², выделив два этапа: ранний этап — Бургулюк I, к которому относятся случайные находки бронзовых изделий, и Бургулюк II, для которого характерны поселения с землянками, керамика, изготовленная от руки и на матерчатом шаблоне, обилие зернотерок, терок и пестов, а также кости домашних животных.

Для установления хронологии бургулюкской культуры особое значение имеют найденные на поселении бронзовые серпы, ножи разных типов, черешковый наконечник стрелы и шилья.

Бронзовый двухлопастный черешковый наконечник стрелы с листовидным пером и жилкой находит наиболее близкие аналогии среди наконечников треугольно-листовидной формы с жилкой и плоским, широким черешком из поселения Кайноват в Фергане³, а также среди двухлопастных черешковых наконечников стрел из Чустского и Дальверзинского поселений⁴. Наконечник стрелы этого типа найден и на поселении 6 в Кайрак-Кумах⁵. На поселении амирабадской культуры Якке-Парсан 2 обнаружена форма, в которой отливали листовидные черешковые наконечники стрел⁶.

² А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале, «Известия УзФАН СССР», Ташкент, 1940, № 9, стр. 33; Он же. Согд и Чач, КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, табл. на стр. 153 и рис. 69 на стр. 155.

³ Т. Г. Оболдуева. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала, Труды ИИА АН УзССР, Ташкент, 1951, вып. IV, стр. 17 и табл. VI, 8; Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура Ферганы, МИА, вып. 118, М.—Л., 1962, стр. 62, табл. XXXIII, 6; Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов. Древности Кайраккумов, Труды ИИ АН ТаджССР, Душанбе, 1962, стр. 222, табл. 45, 3.

⁴ Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура..., стр. 31, 68, табл. XXI, 5, 6; Е. Е. Кузьмина. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии, САИ, вып. В 4—9, М., 1966, табл. VI, 17, 29, 45, 51.

⁵ Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов. Древности..., стр. 219, 221, табл. 53, 3.

⁶ М. А. Итина. Поселение Якке-Парсан 2 (раскопки 1958—1959 гг.), МХЭ, вып. 6, Москва, 1963, стр. 124, рис. 12, 3.

К какому времени относятся памятники, приведенные в качестве аналогий? Памятники чустской культуры датируются концом II тысячелетия до н. э. и первой третью I тысячелетия до н. э. Б. А. Литвинский, А. П. Окладников и В. А. Ранов отмечают, что основная часть бронзовых изделий с территории Кайрак-Кумов датируется серединой II — серединой I тысячелетия до н. э.⁷ Е. Е. Кузьмина датирует этот тип наконечников стрел эпохой поздней бронзы, XII—VIII вв. до н. э. Но большинство исследователей относит их к началу I тысячелетия до н. э.⁸ Поселение Якке-Парсан 2 датируется IX—VIII вв. до н. э.⁹ Приведенные аналогии позволяют нам датировать бронзовый наконечник стрелы из бургулюкского поселения в пределах IX—VII вв. до н. э.

Бронзовый нож, аналогичный бургулюкскому ножу первого типа, найден А. И. Тереножкиным около с. Урта-аул на Ташкентском канале и отнесен им к бургулюкской культуре¹⁰. Е. Е. Кузьмина отнесла его к пластинчатым ножам с отверстием в рукояти¹¹. К этому же типу относится нож, найденный Т. Г. Оболдуевой около пос. Лугумбек¹², а также видимо, ножи из Чустского поселения¹³. Близкие аналогии ножам первого типа находят и в комплексах Западной Сибири (в частности, в карасукских погребениях на Долгой Гриве и в могильнике на Ближних Ельбанах)¹⁴. Е. Е. Кузьмина относит эти ножи к концу эпохи бронзы¹⁵.

Второй тип ножей находит наиболее близкие параллели среди ножей из долины р. Узун-Ахмат Джалалабадской области и из Чустского поселения. Правда, чустские ножи отличаются от бургулюкских тем, что по одной стороне их рукояти проходит рельефный волнистый орнамент¹⁶.

Третий тип ножей и его варианты были довольно широко распространены в Сибири, Забайкалье и Центральной Азии¹⁷. М. П. Грязнов относит их к каменноложскому этапу карасукской

⁷ Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов. Древности..., стр. 231.

⁸ Е. Е. Кузьмина. Металлические изделия..., стр. 33.

⁹ М. А. Итина. Поселение Якке-Парсан 2..., стр. 128.

¹⁰ А. И. Тереножкин. Согд и Чач, КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, рис. 69, табл. XVI, 1.

¹¹ Е. Е. Кузьмина. Металлические изделия..., стр. 46.

¹² Т. Г. Оболдуева. Отчет о работе первого отряда..., стр. 21, табл. VIII, 1; Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура..., стр. 63, табл. XXXIII, 12.

¹³ В. И. Спришевский. Раскопки Чустского поселения в 1956 г., СА, 1958, № 3, стр. 46, табл. IX, 25, 28.

¹⁴ М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка, МИА, вып. 48, М.—Л., 1956, табл. V, 25, рис. 7, 27, 28.

¹⁵ Е. Е. Кузьмина. Металлические изделия..., стр. 46.

¹⁶ Там же, стр. 49, табл. IX, 10, 11.

¹⁷ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, МИА, вып. 9, М.—Л., 1949, стр. 70, табл. XII, 1; Э. А. Новгородова. Центральная Азия и карасукская проблема, М., 1970, стр. 67—82, рис. 17, 1—6; 19.

культуры, датируемой X—VIII вв. до н. э.¹⁸ Таким образом, «коленчатый» нож из бургулюкского поселения может быть датирован тем же временем или чуть позже, IX—VII вв. до н. э.

Бронзовые изогнутые серпы из бургулюкских поселений находят наиболее близкие параллели среди серпов, обнаруженных на Большом Чуйском канале, серпов из Чустского и Дальверзинского поселений¹⁹. Серпы этого типа обнаружены в Восточном Казахстане в слоях поселений Усть-Нарым, Трушниково и др.²⁰ Бургулюкские серпы сходны и с серпами карасукской эпохи Минусинской котловины в Сибири²¹. Е. Е. Кузьмина датирует этот тип бронзовых серпов XII—VIII вв. до н. э. и отмечает, что они получили широкое распространение в эпоху поздней бронзы, а с начала железного века эта форма везде исчезает, кроме Минусинской котловины²². Аналогии позволяют нам датировать бронзовые серпы из бургулюкских землянок X—VIII вв. до н. э., но, учитывая весь комплекс сопоставлений, их скорее всего можно отнести к IX—VII вв. до н. э.

К керамическим материалам из раскопок бургулюкской культуры наиболее близки материалы Северной и Южной Бактрии: Яз-Депе I, Кучуктепа, Мурадтепа, Бандихан I, верхний слой поселения Джаркутан, Тиллятепа. Близкие параллели наблюдаются на Чиракчинском поселении, расположенном на южном берегу Чимкурганского водохранилища в Кашкадарьинской области²³. Некоторые черты сходства можно заметить и в керамике Чуста и Дальверзина.

Поскольку материалы бургулюкской культуры находят близкие аналогии среди вышеприведенных памятников, которые датируются в основном началом I тысячелетия до н. э., мы считаем, что датировка, предложенная А. И. Тереножкиным, требует пересмотра в сторону углубления. Бургулюкскую культуру следует предварительно датировать IX—VII вв. до н. э.

¹⁸ М. П. Грязнов, Г. А. Максименков, Б. П. Пяткин. Карасукская культура, «История Сибири», т. I, Л., 1968, стр. 180—181; Зиеп Динь Хоа. Местная основа карасукской культуры (в связи с новыми работами Красноярской экспедиции АН СССР), Автореферат канд. дисс., Л., 1966, стр. 18; Х. Дукее. Вопросы периодизации эпохи поздней бронзы в степях Средней Азии, Казахстана и Сибири, Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1970, стр. 17, 21.

¹⁹ А. Н. Бернштам. Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина», МИА, вып. 14, М.—Л., 1950, табл. XXXV, 4, 5; табл. XXXVI, 1—3; В. И. Спришевский. Каталог археологических материалов эпохи камня и бронзы, Ташкент, 1974, стр. 35, рис. 26; Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура..., табл. XXI, 7.

²⁰ С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы, МИА, вып. 88, М.—Л., 1960, табл. XXXVI, 19; табл. XXXVII, 3.

²¹ С. В. Киселев. Древняя история..., стр. 74—75; Ю. С. Гришин. Производство в тагарскую эпоху, МИА, вып. 90, М., 1960, стр. 122, рис. 1, 6.

²² Е. Е. Кузьмина. Металлические изделия..., стр. 55.

²³ «Успехи среднеазиатской археологии», вып. 2, Л., 1972, стр. 55.

Р. Х. СУЛЕЙМАНОВ, Б. УРАКОВ

РЕЗУЛЬТАТЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ АНТИЧНОГО ГОРОДИЩА СЕЛЕНИЯ РАМИШ

В полевой сезон 1973 г. Зарафшанский археологический отряд произвел предварительное изучение археологических памятников селения Рамиш. В северной части кишлака Рамиш возвышается два крупных холма. Центральный прямоугольный носит название Шайхи-калон. В плане он вытянут с севера на юг, имеет размеры 130×90 м. Вершина сдвинута к востоку, восточный склон крутой, западный пологий. Второй — Гулисангтепа находится к западу от первого. Его восточный склон у подошвы смыкается с юго-западным углом центрального холма. Он ниже — высота до 10 м, но по размерам больше — 130×130 м. В плане округлый, несколько асимметричный, верхняя часть приближается к квадрату, ориентированному по странам света. Восточный и южный склоны более пологие.

К юго-востоку от Шайхи-калона на расстоянии около 60—70 м находится большое плоское всхолмление Ходжа Рамиш высотой 3—4, длиной более 150 и шириной 50—70 м. Дуговидное в плане, оно как бы окружает центральный холм с юго-восточной стороны. Сейчас Ходжа Рамиш превращен в мазар. На поверхности его небольшие холмики могил, в центре два туга.

К северу от центрального холма на расстоянии 50 м находится еще один невысокий плоский холм длиной 90—100, шириной 50, высотой около 1,5 м, вытянутый с запада на восток.

В свое время все четыре холма представляли собой единую систему. В центре возвышался самый высокий прямоугольный холм, по периметру окруженный крупными строениями, а также жилыми и производственными массивами, — это Ходжа Рамиш и всхолмление к северу от Шайхи-калона. Видимо, когда-то они соединялись между собой единой оборонительной внешней стеной. Таким образом, здесь было довольно крупное городище античного времени размером не менее чем 300×300 м. При осмотре поверхности холмов, сплошь покрытых 20—30-сантиметровым слоем рыхлого солончака и кое-где поросших кустарниками, собран выразительный подъемный материал в виде керамики I в. до н. э., смешанной с фрагментами глазурованной керамики плохого качества XVIII в.

Во время полевого сезона 1973 г. заложены два небольших разведочных раскопа на Гулисангтепа: I — на вершине близ реперной точки к северо-западному углу и II — на западном склоне на расстоянии около 15 м от первого.

Размер раскопа I приблизительно 15×15 м. После снятия 30—50 см толщи верхнего рыхлого грунта вскрыты остатки архитектурной кладки и система монументальных стен, ориентированная по странам света. В южной части обнаружено прямоугольное помещение размером 8×6 м, разделенное широкой стеной на две комнаты. К северу находилось вытянутое в широтном направлении коридорообразное помещение шириной более 2 и длиной около 8 м. Далее к югу параллельно коридору выявлена еще одна стена. Вскрытые архитектурные остатки носят монументальный характер: толщина их стен достигает 2 м и более.

Продолжив раскоп I в западной половине северного помещения до уровня середины VI яруса, мы вскрыли целиком помещение размером 3×6 м. На уровне середины XI яруса в северной части был оставлен первый уступ, на уровне конца X яруса — второй и на уровне середины XV яруса — третий. Ширина всех трех уступов достигала 1,5 м. С XV яруса до конца шурф продолжал углубляться в крайней южной части, слегка сужаясь к низу.

Западная, южная и северная стены северного помещения покрыты в три слоя плотной саманной штукатуркой. Более поздняя стена, делившая помещение на две половины, оштукатурена в один слой и сложена из разнообразного нестандартного сырцового кирпича размером 46×30×9; 38×22×9; 46×25×9; 45×29×9 и 43×33×10 см на толстом глиняном растворе. Расстояние между кирпичами 5—7 см, толщина промазки между двумя их рядами 6—8 см. Аналогичен характер кладки у южной, западной и северной стен там, где опала штукатурка. Основания этих стен приходятся на уровень конца VII — начала VIII яруса¹. В их нижней части фундамент утолщен на 5 см до высоты ~ 0,5 м. На уровне, где начиналась стена и завершался фундамент (граница VI—VII ярусов), вскрыт хорошей сохранности пол, выложенный двумя рядами сырцового кирпича с глиняной обмазкой. Размеры кирпича 43×33×10; 30×30×13; 40×31×10; 38×(?)×11 и 30×(?)×12 см. Поверхность пола покрыта четко выраженной золисто-углистой прослойкой толщиной 3—5 см, поверх которой возведена делящая помещение на две части восточная поздняя стена. Прослойка и основание этой стены находились на уровне 20—30 см VI яруса. Выше вплоть до I яруса помещения заполнены завалом от оплывших верхних частей стен. Таким образом, обнаруженные здесь архитектурные остатки можно подразделить на два строительных периода.

После возведения стены второго периода в помещении накопилась толща в 20 см довольно рыхлого слоя земли, перекрытая тон-

¹ Для удобства фиксации стратиграфии мы приняли систему условных ярусов по 0,5 м, отмеряемых от наивысшей точки холма вниз, — I, II, III и т. д.

кой и ровной золистой прослойкой толщиной в 1 см. Выше этого уровня оплывы и завалы — это самый верхний, первый горизонт, под ним в конце VI яруса второй золистый подстилающий позднюю стену и пол, выложенный двумя рядами сырцового кирпича. Ниже кирпичной выкладки плотный утрамбованный слой глины толщиной в 25 см. Под ним на 40 см VII яруса тоненькая прослойка золы. Затем опять до середины VIII яруса плотный слой желтой глины с комками голубоватого ила. Этот горизонт на уровне середины VIII яруса подстилается золистой прослойкой, под которой небольшой горизонт земли толщиной около 15 см. На уровне 40 см VIII яруса ровный пол хорошей сохранности, покрытый глиняной саманной штукатуркой желтого цвета толщиной около 1 см. Под ним слой утрамбованной комковатой земли темного цвета толщиной более 1 м. В этом горизонте чаще чем в верхних встречаются угольки, кости, следы сгнивших органических веществ, белые крупинки гипса. На уровне середины IX яруса и на 40 см X яруса две тоненькие горизонтальные золистые прослойки. Ниже идут характерные ярко выраженные отложения толщиной более 1,5 м: тоненькие чередующиеся между собой ярко-красные и коричневые прослойки обожженной земли и песка, голубоватые и серые золы, местами черные углистые.

Верхний горизонт на уровне XI яруса отличался особенной насыщенностью золы, а на уровне XIV яруса — ровной зеленоватой прослойкой плотной илистой глины. Ниже от начала XV до конца XXIII и начала XXIV ярусов шла сплошная плотная темно-серая глина, местами с зеленоватыми пятнами.

На уровне XV, начала XVII и XIX ярусов прослеживались очажные прослойки и линзы. Мощные прослойки золы встречены в XXIII ярусе. На уровне 10 см XXIV яруса этот слой перешел в материк, вскрытый на 0,5 м до начала XXV яруса. Он состоял из мягкой темно-серой илистой лишенной находок глины с песком, в котором встречены отдельные твердые известковые конкреции. Здесь же на уровне верхней части материка выступили грунтовые воды. На следующий день после прекращения работ в шурфе дно его до уровня конца XXIII яруса оказалось залитым водой.

Полученный керамический материал охватывает длительный период с IV—III вв. до н. э. по V в. н. э. Вся стратиграфическая колонка по залеганию слоев и содержащимся в них материалам подразделена нами на пять этапов, условно обозначаемых Рамиш I (Р-I), Рамиш II (Р-II) и т. д. (рисунок).

В комплекс Р-I включены находки самых нижних двух метров культурного слоя — XXIII—XX ярусов. Керамика представлена небольшим, но характерным материалом.

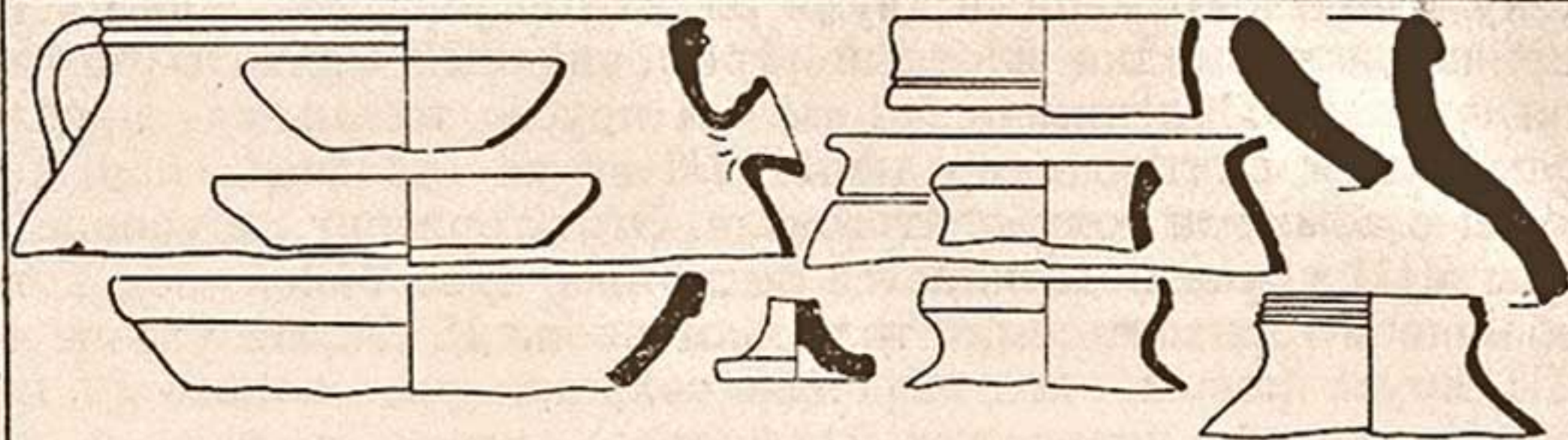
Хумы представлены фрагментами. Это крупные, широкогорлые сосуды, фактический венчик завершает верхнюю часть широкого сужающегося к низу тулова. Венчики толстые, валикообразные, круглые в разрезе или слегка уплощенные, отделяемые от тулова широкой ложбинкой. Толщина стенок хумов 1,5—2, диаметр вен-

Керамика Рамиштепа

Түрлү керамика

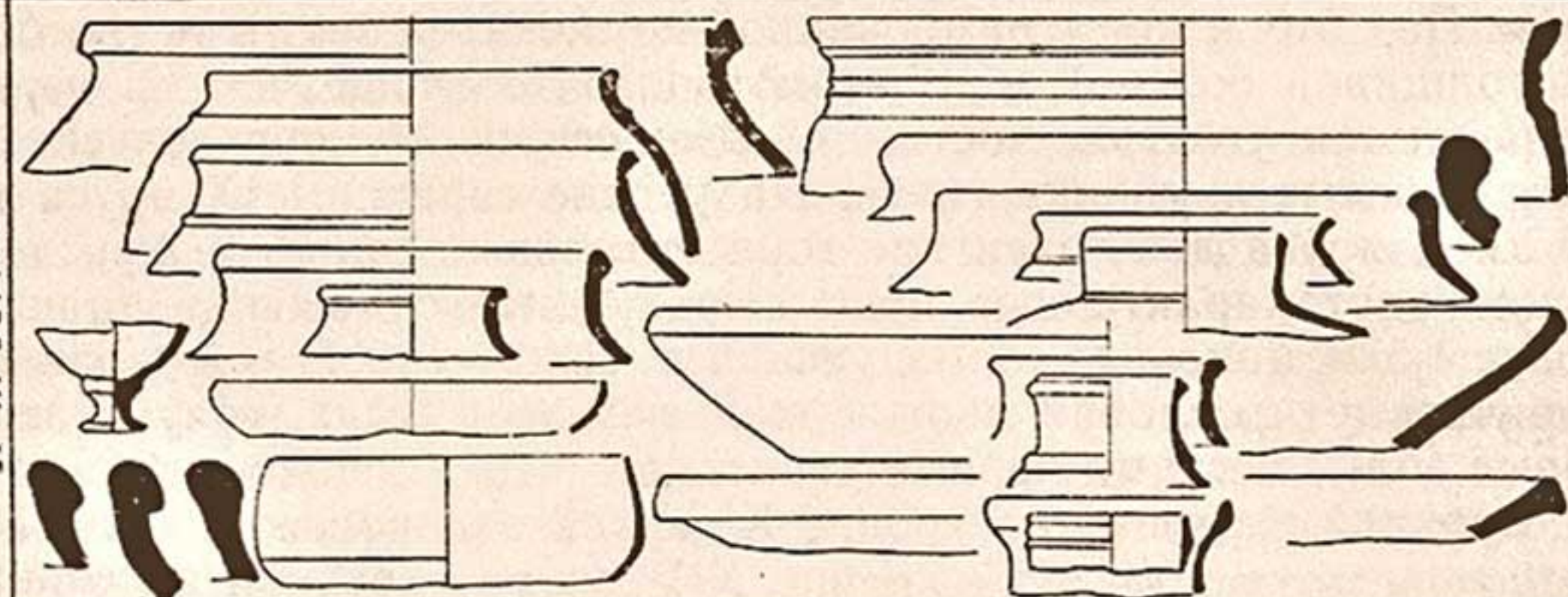
Рамиш V

IV-V 88. н.э.

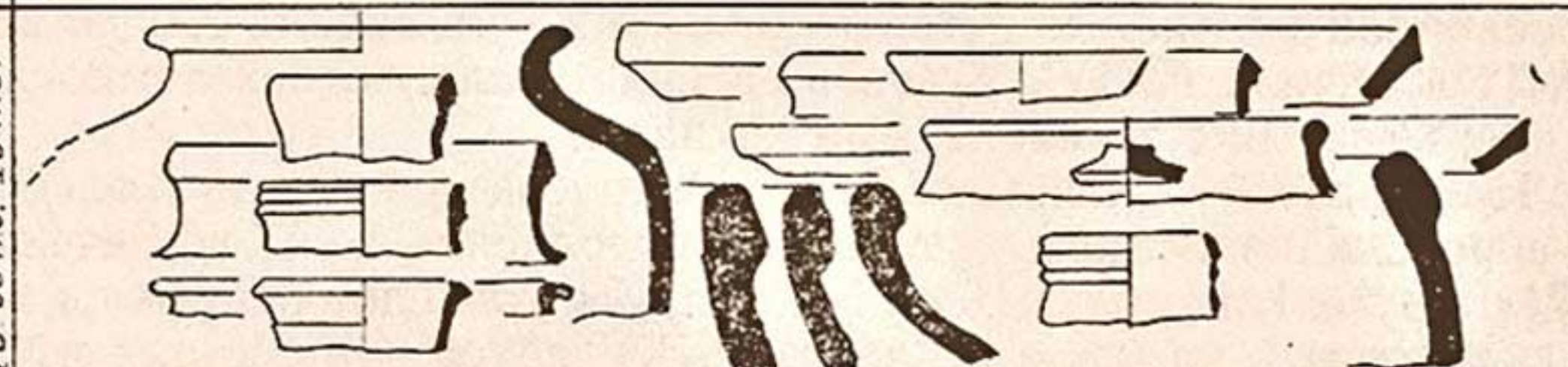
Рамиш IV

II-III 88. н.э.

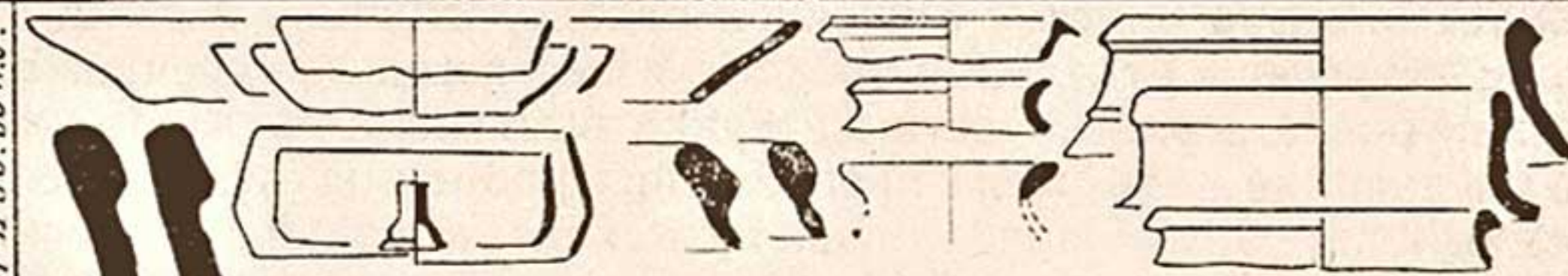
Рамиш III

I 8. до н.э. - I 8 н.э.

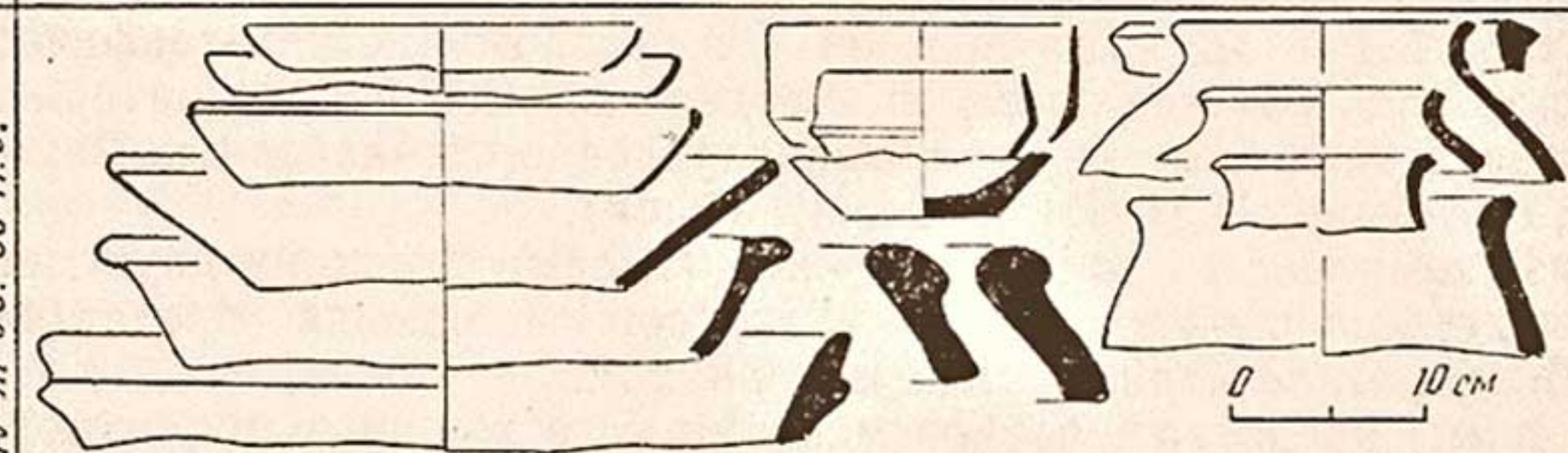
Рамиш II

III-II 88. до н.э.

Рамиш I

IV-III 88. до н.э.

0 10 см

Типы керамики Рамиштепа

чика 50—70 см и более. Тесто и ангоб красного или светло-кремового оттенков. Кроме того, выявлено два фрагмента венчика хумча. Первый, диаметром более 20 см, имел утолщающийся и слегка загнутый внутрь край и был с внешней стороны окружен выпуклым валиком. Второй, диаметром около 20 см, отличался невысокой вертикальной горловиной с подтреугольным в сечении венчиком.

Мелкие формы керамики представлены тремя основными типами: округлыми горшочками с широкой плавно отогнутой наружу горловиной, сосудами с диаметром венчика от 16 до 6 см (тесто и ангоб красных или светло-серых, желтоватых оттенков), кубками или тонкостенными чашами цилиндро-конической формы диаметром $\approx$ 12—14 см. Кроме того, сюда отнесены два фрагмента крупных блюд или широких ваз диаметром 35—40 см и три фрагмента крупных мисок. Венчик первого из них в виде оттянутого наружу валика, уплощенного сверху. У второго край, как и у чаш, слегка утолщен с внешней стороны. Венчик третьего более сложный: по окружности ниже края он окольцован резко выступающим валиком. К этой же нижней толще отнесено несколько фрагментов лепных котлов с вертикальными стенками и краями.

Комплекс Р-II стратиграфически отделен от Р-I условно, литологически это единое целое, однако, он явно отличается своими керамическими находками. В отличие от Р-I хумы комплекса Р-II с несколько утолщенными в сечении подквадратными венчиками, четко отделенными от тулова ложбиной. Найден крупный обломок хума с валикообразным венчиком, на внешней стороне которого ребристый «орнамент» — следы вмятин пальцем. Почти половину всех венчиков составляли фрагменты горшкообразных форм, различных по величине и диаметру. Они отличались четкой формой в виде валика с заостренным гребнем в нижней части. Для всех фрагментов данного комплекса характерна тенденция к выделению шейки. Так, у крупных сосудов она отделена тоненьким рельефным валиком от тулова сферических форм. Некоторым горшкам свойствен архаический профиль, закраины, пористость теста.

В комплексе Р-II также обнаружены экземпляры венчиков (в виде плоского манжета или Г-образные отогнутые наружу) небольших тонкостенных баночек или широкогорлых светлоангобированных горшочков, незначительное число фрагментов чаш широких, тонкостенных, плавно профильных, кубков цилиндро-конических форм или светло-желтоватого или кремового теста и светлого ангоба, бокалов из красного и редко темно-коричневого ангоба.

Комплекс Р-III включал находки верхней части нижней глинистой однообразной толщи отложений шурфа — XVII—XV ярусов. Керамический материал характерен для I в. до н. э. — I в. н. э. Заметную эволюцию претерпели хумы — отмечено четкое выделение шейки. Плоские или валикообразные венчики соединялись с расширяющимся туловом почти вертикальной шейкой или ложбинкой, произведенной двумя пальцами. Диаметр их несколько умень-

шился. Плечики хумов стали более крутыми. Ангоб светло-красный или кремоватый.

Встречавшиеся в комплексе Р-III горшкообразные или близкие к кувшинам широкогорлые формы также претерпели изменения. В основном, это крупные, широкогорлые горшки или корчаги с венчиками двух типов — в виде плоского и подтреугольного валика. Кроме того, выявлен венчик, отогнутый наружу в виде широкой площадки. В дальнейшем в позднеантичных памятниках Бухарского оазиса Кзыл-Кыр и Сеталак данная форма венчика корчаги становится массовой. Второй не менее важный признак для комплексов Р-III — уступ венчика с внутренней стороны для крышки сосудов. Кувшины имеют сложнопрофилированный венчик в виде трех параллельных валиков с внешней стороны, с более или менее четко выделенной шейкой; диаметр венчика от 16 до 20 см, а горловины кувшинов от 8 до 10 см. Кроме того, фрагменты ручек кувшинов в виде плоской дужки с продольной ложбиной на внешней стороне.

Комплекс Р-III представлен множеством мелких красноангобированных фрагментов тонкостенных кубков, покрытых плотным вертикальным лощением. Обнаружены плоская, широкая ножка со слегка вогнутым поддоном, незначительное число обломков цилиндро-конических светлоангобированных бокалов и тонкостенных темно-красно- или коричневоангобированных чаш с лощением. Найдено 6 фрагментов широких блюд диаметром более 35 см с подтреугольным в сечении венчиком, ангоб светлый, желтовато-серый. В Р-III вскрыты новые формы — 3 фляги со светлым, желтовато-серым, черным и красным ангобом. Из них наиболее крупная черноангобированная, диаметром более 0,5 м, высотой около 30—40 см, горловина с венчиком в виде резкого отогнутого валика — диаметром в 20 см.

Комплекс Р-IV представлен находками XIV—XII ярусов. Вскрытым керамическим изделиям присущи традиции гончарного искусства предыдущего времени. Хумы красного теста (более пористого) покрыты розовым или светло-серым ангобом. Обжиг менее качественный. Венчики диаметром 35—40 см в виде отогнутого наружу округлого валика с тоненьким выступающим гребнем по нижнему краю. Невысокая шейка обычно переходит в круто расширяющиеся плечики.

Формы венчиков корчаг разнообразны: квадратные или прямоугольные в сечении, в виде отгибающегося наружу валика с четким заостренным гребнем с внешней стороны, с уступом на внутренней стороне для крышки, в разрезе близкие квадратным. Обнаружены и более сложные, тонкие венчики. Одни из них (2 экз.) представляли в разрезе небольшое утолщение края сосуда, слегка уплотненное сверху, другие (тоже 2 экз.) — расширенную и слегка отогнутую наружу горловину, т. е. здесь отчетливое влияние формы венчика кухонного котла или горшка ручной лепки. Диаметры горловин корчаг 15—20 см.

Кувшины, судя по фрагментам верхних частей, сохранили приземистые пропорции: широкие невысокие горловины и раздутое тулово. Некоторые из них напоминают корчагу. Формы венчиков нескольких типов: в виде тройного валика, характерного для Бухарского оазиса, плоского широкого манжетовидного валика, свойственного Р-III, тоненького и в сечении подтреугольного окружавшего горловину сосуда на 1—2 мм и располагавшегося ниже его края с внешней стороны. Большой серией представлены отогнутые наружу валикообразные тоненькие венчики. По нижнему краю некоторых из них (около 30%) едва выделившийся продольный гребень. Во всех случаях венчик сверху уплощен так, что отдельные из них в разрезе становятся подквадратными. Эти кувшины более крупны и приземисты, диаметр их венчика 10—14 см, в то время как первые имеют диаметр 9—12 см. У большинства кувшинов шейка отделялась от плечиков тоненьким рельефным валиком. Их ручки в виде плоской дужки с внешней стороны имели широкую продольную ложбинку.

Заметно изменилась типология столовой посуды. Чаши стали изготавливаться широкими, плоскими, тонкостенными, с плоским донцем, иногда с едва выделенным тонким кольцевым поддоном. На ее невысоком крае, слегка загнутом вовнутрь, изящный коленчатый излом. Нередко край чаши с внешней стороны покрывался черным ангобом. Диаметр чаши достигал 15—18 см. Лощеных предметов в комплексе Р-IV не было.

Кубки представлены двумя фрагментами одного светлоглиняного сосуда, по форме более широкого и объемного, чем в нижних слоях, с диаметром венчика 18 см. Найден бокал на невысокой полый ножке с плоским кольцевым поддоном, покрытый густым темно-коричневым ангобом. Кроме того, выявлено множество фрагментов крупных тарелок или блюд-сосудов конического профиля. В большинстве случаев их края были без специально выделенного венчика. На нескольких экземплярах с внешней стороны едва прослеживалось подтреугольное утолщение, а с внутренней — валикообразное.

В комплексе широко представлена лепная посуда, в основном, двух форм: шаровидные котлы с невысокой вертикально поставленной горловиной и широкие плоские жаровни диаметром ~40 см. Тесто пористое с примесью дресвы и шамота. Кроме того, вскрыто несколько фрагментов миниатюрных горшков, изготовленных на гончарном круге, ножки крупной красноангобированной вазы, пряслице. На уровне XIII яруса обнаружен фрагмент крупной корчаги и кувшина ручной лепки, покрытого светлым ангобом и орнаментированного потеками черной краски.

Комплекс керамики Рамиш V, происходивший из верхней 5-метровой толщи раскопа, не характеризовался четкими морфологическими признаками, что не позволяло обоснованно подразделить его на периоды. Однако, исходя из небольших различий венчиков хумов, особенностей типов кувшинов и корчаг, его можно пред-

варительно разделить на два горизонта. Стратиграфически нижний, более ранний горизонт где-то на 40 см VIII яруса отдален от верхнего, более позднего желтой обмазкой пола хорошей сохранности. Комплекс верхнего горизонта включал все находки от VIII яруса до дневной поверхности, исключая лишь керамику XVIII в., обнаруженную по поверхности холма.

Нижний горизонт отличался совершенно новым типом хумов с плоским манжетообразным венчиком, отделенным от плечиков вдавленной ложбиной шириной в палец. Венчик и ложбина орнаментированы косыми ребристыми вмятинами пальцем. Поверх светлого ангоба поверхность хумов покрыта неравномерными пятнами и потеками черной или темно-коричневой поливы. Стенки хумов в изломе в большинстве случаев серого цвета, как результат некачественного обжига. Продолжали, однако, сохраняться и хумы с традиционным древним венчиком в виде круглого валика, слегка нависающего с внешней стороны над шейкой. Найдено несколько фрагментов венчиков промежуточного типа. Толстый валик несколько уплощен с внешней стороны и покрыт вмятинами от пальца.

В нижнем горизонте изредка встречались невыразительные фрагменты хумча, отсутствовавшие выше, а также корчаги. Из них выделялась самая крупная красноангобированная с диаметром венчика около 30 см и тулова около 40 см. Венчик в виде резко отогнутого наружу узкого двойного валика. С одной стороны под ним был короткий конически расширяющийся слив, а с обратной — к нему прикреплялась дужка от толстой ручки с продольной ложбинкой. Одни корчаги имели резко отогнутый наружу прямоугольный венчик, а другие — плавно отогнутый наружу без резкого коленчатого излома или треугольный и валикообразный в сечении. На некоторых фрагментах стенок корчаг прочерчен орнамент в виде кольцевых или волнистых линий.

В комплексе Р-V есть несколько десятков фрагментов венчиков кувшинов — приземистых сосудов с невысокой широкой горловиной. Здесь выявлены различные варианты валикообразных венчиков — плоских и округлых в сечении. Наиболее типичен для нижних слоев сложный венчик с тройным валиком или с одним, расположенным ниже горловины, покрытый красным ангобом. Сосуды покрыты светло-сероватым или желтоватым ангобом.

Более 70 фрагментов венчиков чаш дали один твердо установленный четко выраженный тип в виде широкого конуса в нижней части с плавным закруглением слегка утолщенных краев кверху, иногда едва загнутого внутрь. Все они покрыты красным или черным ангобом. В отдельных случаях сосуд покрывался красным ангобом, а слегка загнутый с внешней стороны край — черным. Большинство сосудов имели исключительно плавную линию профиля, хотя в редких случаях сохранен характерный когда-то излом стенки в верхней части. Диаметр чаш около 16—18 см. Среди нескольких десятков донеч чаш большинство имели тоненький

кольцевой часто едва выделяющийся поддон диаметром 4—6 см. К этому же комплексу отнесены два фрагмента краев блюд или крупных тарелок того же типа, что и в нижних слоях, а также фрагмент крупной округлой миски. Кроме того, обнаружен фрагмент поддона ножки диаметром 9 см, видимо, вазообразного сосуда, аналогичного известным на Афрасиабе III—IV вв. н. э.

Характерен набор фрагментов лепной керамики, так называемых очажных подставок и плоскодонных горшков или котлов, с налепными ребристыми валиками, лепных крышек с небольшой налепленной плоской ручкой с бугорками.

Верхний горизонт Р-V дал сравнительно меньше находок. Хумы имели венчики тех же самых типов, что и в нижнем горизонте. Однако среди валикообразных венчиков появилась новая разновидность — в разрезе округлый или плоский валик, переходящий плавным изгибом в крутые плечики. Шейка отсутствовала.

Корчаги представлены двумя фрагментами венчиков в виде резко отогнутого двойного валика. Один из них светлоглиняный с невысокой вертикальной слегка расширенной горловиной по типу лепного горшка. Выявлено несколько фрагментов венчиков приземистых и широкогорлых кувшинов, в разрезе имевших вид плоского валика, подтреугольного с внешней стороны.

В комплексе Р-V обнаружен лишь один фрагмент края цилиндрической стенки кубка, происходящего, видимо, из вторичного залегания. Чаши в верхнем горизонте того же типа, что и в нижнем, плавных очертаний с ангобом черного и красного цветов. Поддоны здесь более выступающие. Лепная керамика представлена обломками котлов и очажных подставок.

Стратиграфия Рамиштепа включала весь древний период, начиная, видимо, с конца IV в. до н. э. по IV—V в. н. э. Керамические находки отразили картину непрерывной и преемственной эволюции, фиксируя все крупные изменения и характерные тенденции материальной культуры оазиса в эпоху античности.

Целый ряд керамических форм Рамиш I — хумы с плоскими венчиками, чаши, бокалы с изломом стенки, кувшины и горшки с отогнутыми наружу горловинами — нашел аналогии в керамике IV—III вв. до н. э. на Афрасиабе². Архаической керамике Хорезма во многом близки чаши и кубки³.

Сосуду, обнаруженному З. Усмановой на поселении V—III вв. до н. э. Кашкадарьинской области, аналогична крупная миска типа тагары с резко выступающим валиком под отогнутым наружу краем. Очень близок по форме чаш и венчиков кувшинов и хумов керамический материал Гяур-калы IV—III вв. до н. э.⁴

² М. И. Филанович. К характеристике древнейшего поселения на Афрасиабе, сб. «Афрасиаб», вып. I, Ташкент, 1969, стр. 214, 218, рис. 3, 4.

³ М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода, ТХАЭЭ, IV, М., 1959, стр. 73, рис. 4, 1, 2; 6—8.

⁴ К. Кацурис, Ю. Буряков. Изучение ремесленного квартала античного Мерва у северных ворот Гяур-калы, ТЮТАКЭ, т. XXII, Ашхабад, 1968, стр. 123.

Исходя из перечисленного, а также учитывая наличие единичных фрагментов, покрытых плотным красным лощением, комплекс Р-I следует, видимо, отнести к периоду конца IV — начала III вв. до н. э. Своеобразное отличие бухарской керамики этого времени — наличие крупных очень широкогорлых хумов с валикообразным венчиком.

Комплекс Р-II обнаруживает аналогии с керамикой III—II вв. до н. э. перечисленных выше пунктов. В частности, крупные корчаги с кольцевым валиком в верхней части плечиков близки аналогичным сосудам Гяур-калы II в. до н. э.⁵ Характерны небольшие тоненькие валики, опоясывающие верхнюю часть хумов под ложбиной, отделяющей плоский венчик от тулова. Этот признак характерен для раннекангюйских хумов древнего Хорезма (IV—I вв. до н. э.)⁶.

Комплекс керамики Р-III—широко распространенная тонкая краснолощенная столовая посуда — судя по характеру профилировки чаш и кувшинов, корчаг и хумов, можно отнести к I в. до н. э.—I в. н. э. Аналогию ему мы видим в керамике группы Баштепа и нижнем слое Варахши⁷.

В комплексе Р-IV отсутствовало лощение по красному ангобу, что характерно и для кушанской керамики Хорезма и Афрасиаба. В целом комплекс Р-IV следует отнести к II—III вв. н. э.

Самый поздний комплекс Р-V, оба горизонта которого можно отнести к III—V вв., дал яркую картину появления новой посуды и дальнейшего сочетания двух культурных традиций в изготовлении керамики, в частности хумов. Наряду с хумами гончарной работы местной традиции с круглым валикообразным венчиком появились лепные с плоским ребристым венчиком, орнаментированные черными потеками краски, в дальнейшем появился промежуточный тип. Характерны очажные подставки и корчаги с коротким цилиндрическим сливом. Местные традиции продолжали развиваться, несколько трансформируясь под влиянием привнесенных. Аналогии всем вновь появившимся, чуждым для предыдущих этапов типам и признакам мы видим в керамике, найденной по среднему течению Сырдарьи и, прежде всего, в культуре Каунчи, где их первоначальные формы отнесены к первым векам до н. э.⁸

Следовательно, можно констатировать, что городище Рамиштепа — одно из крупнейших в древнебухарском оазисе — обживалось непрерывно где-то с конца IV—начала III в. до н. э. вплоть до V в. н. э.

⁵ З. Усманова. Раскопки мастерской ремесленника парфянского времени на городище Гяур-кала, ТЮТАКЭ, т. XII, Ашхабад, 1963, стр. 194.

⁶ М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма..., стр. 217.

⁷ В. А. Шишкин. Варахша, 1963, стр. 117, 138, 141.

⁸ Л. М. Левина. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э., ТХАЭЭ, т. VII, М., 1971.

.. М. ИСАМИДДИНОВ, Р. Х. СУЛЕЙМАНОВ

КОМПЛЕКС РИТУАЛЬНО-КУЛЬТОВОЙ КЕРАМИКИ IV—V вв. ИЗ ЮЖНОГО СОГДА

Кашкадарьинский археологический отряд Института археологии АН УзССР в течение 1973—1974 гг. производил раскопочные работы на городище Ер-Курган—самом древнем и крупном в низовьях Кашкадарьи. Общая площадь его 150 га. Оно окружено двумя рядами мощных оборонительных стен, имеющих развитую фортификацию. Большая часть территории городища занята системой холмов — остатков городской архитектуры общественного, жилого и производственного назначения¹.

Важным объектом был раскоп I — «восточный холм», представляющий собой руины городского храма, по всей видимости, посвященного женскому божеству. Он возведен где-то во II—III вв. н. э., окончательное запустение его приходится на VI в. н. э. В раскопе I вскрыта значительная часть центрального святилища храма и айванный портик, оформляющий фасад здания. Святилище представляет собой крупный зал площадью 15×7 м, перекрытие которого поддерживали две мощные кирпичные колонны, сохранившиеся на высоту 2 м, оштукатуренные ганчем и окрашенные в ярко-красный цвет. Они покоятся на квадратных каменных базах.

Во всех стенах помещения отмечены большие и малые ниши, перекрытые циркульными арками. В центре южной стены зала вместо центральной ниши широкий вход. Все стены зала, включая и щечковые стенки ниш, покрыты красочными росписями по белой ганчевой грунтовке. Большой интерес вызывает крупное изображение лица бородатого мужчины с нимбом над головой, помещенное в центральной нише северной стены. В засыпке между вторым и третьим полами обнаружены разбитые и разрозненные остатки ганчевой и глиняной скульптуры, ганчевые обломки покрыты позолотой, глиняные — раскрашены.

В один из периодов, когда, видимо, в силу своих конструктивных недочетов все здание стало клониться к югу, возведены мощ-

¹ С. К. Кабанов. Поздние кушаны в Нахшебе, ВДИ, 1973, № 3; М. Е. Массон. Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен, Ташкент, 1973.

ные подпорки, а полы покрыты толстыми засыпками. Все ниши заложены. Выделяется пять строительных периодов, на последнем этапе в результате многочисленных закладок святилище сократилось до небольшого помещения площадью 7×6 м. У северной стены святилища возведен алтарь огня в виде крупного прямоуголь-

Образцы культовых сосудов городища Ер-Курган

ного кирпичного подиума, сверху оштукатуренного ганчем, со следами золы и огня на верху. Последний этап функционирования храма определяется монетой Шишпира (VI—начало VII вв.), найденной над самым верхним полом айвана недалеко от входа в святилище.

Раскопки дали яркий комплекс культового инвентаря (рисунок): серию керамических курильниц, светильников, жаровен, бронзовые зеркала, отдельные ювелирные изделия. Особого внимания заслуживают керамические сосуды для ритуальных возжиганий и воскурений, вазообразные курильницы на ножке, светильники в виде круглой лепной чаши с крупной петлевидной ручкой, жаровни в виде плоских лепных блюд с низким вертикальным бортиком². При раскопках храма обнаружено несколько десятков обломков этих сосудов, в то время как на других пяти раскопах за исключением № 2 и 5, где встречены единичные фрагменты, их вообще не найдено.

Так, курильниц целых и в обломках найдено около 40 экз. Среди них выделяется одна совершенно целая курильница, обнаруженная в восточной части центрального помещения на глубине 1 м от поверхности между восточной стеной и колонной. Эта ваза на широкой богато украшенной насечками и штампованным орнаментом ножке с двумя поясами насечек посередине. В ее верхней части вылеплен широкий округлый манжет, на котором резервуар, имеющий вид полусферической чаши со слегка загнутым внутрь краем. На широком венчике орнамент в виде ромбических насечек, под венчиком ряд штампованных колечек, опоясывающих чашу. Чаша курильницы поверх этого орнамента с трех сторон украшена налепными рельефными антропоморфными личинами. На дне ее сохранена углистая пленка от возжигавшихся в ней ароматических веществ. Высота курильницы чуть более 30 см.

Вторая курильница тоже на ножке, обнаружена в разбитом состоянии на ступенях алтаря центрального помещения. У нее широкая округлая ножка с вертикальным стержнем, на котором укреплена широкая коническая чаша, когда-то по краю украшенная лепными зубцами. На дне следы обильной копоти от сожженных веществ. Встречена также миниатюрная лепная курильница высотой 7 см. Остальные экземпляры курильниц, как изготовленные на гончарном круге, так и лепные, представлены обломками ножек или стенок их резервуаров. Судя по следам песчаной подсыпки на внутренней стороне, резервуары лепных курильниц изготавливались лепным способом на шаблонах конической формы, обсыпанных песком. Стенки их с внешней стороны украшены круглыми и радиальными рядами мелких круглых налепов, шипов прямых, волнистых и дуговидных валиков. Резервуары курильниц, изготовленных на гончарном круге, имеют вид небольших полусферических чаш с отогнутым наружу широким краем и следами копоти внутри. Некоторые из них украшены по краю венчика лепными треугольными зубцами. Ножки довольно массивны, расширены внизу в виде кольцевых уступов, в большинстве случаев покрытых штампованными зубцами или насечками, чередующимися со штампованными колечками.

² См.: С. К. Кабанов. Поздние кушаны в Нахшебе..., стр. 163.

Своеобразные крупные плоские блюда-жаровни представлены 20 большими и малыми обломками. Они все лепные и однотипные. Плоское дно диаметром до 50 см окружено бортиком высотой 3—5 см, кроме того, плоская поверхность жаровни разделена по диаметру на четыре равных секции аналогичным бортиком. Тесто жаровен с примесью шамота, сверху они покрыты розоватым или сероватым ангобом. Выделяется несколько богато орнаментированных экземпляров; их бортики украшены по гребню одним или двумя рядами выступающих зубцов, образованных защипами пальцем и дополнительно иногда рядом мелких круглых налепов. Одна из жаровен разделена на 4 сектора пересекающимися крест-накрест перегородками. В местах стыка последних и края жаровни помещены налепные головки животных, обращенные мордой внутрь. Иногда дно жаровни, разделенное на секции, также украшалось небольшими круглыми налепами. Некоторые из фрагментов жаровен со следами копоты на бортиках, что позволяет предположить, что на дне их производились ритуальные возжигания.

Третий тип культовых сосудов—светильники—представлен более 20 экз. фрагментов: сравнительно небольшие (диаметром 10—12 см) лепные чашки или кружки с невысокими (в 3—5 см) вертикальными или слегка расширяющимися краями с большой фигурной ручкой. Края всех светильников также орнаментированы зубчатыми защипами. Ручки имеют или зооморфный облик в виде схематической фигурки животного, или украшены одним либо двумя рядами лепных зубцов. На дне светильника в центре обычно крупный лепной шип.

Кроме описанных сосудов, найдено около 5 экз. схематических лепных головок животных, некогда прикрепленных к ручкам светильников и краям жаровен. Своеобразно навершие в виде миниатюрного лепного оленя или барана с рогами, украшенными шипами на небольшой конической формы горловине сосуда с зубчатыми краями.

Итак, перед нами характернейшая коллекция ритуальной утвари недвусмысленного назначения: разнотипные сосуды имели одно и то же значение, в них производились посвященные божееству воскурения масел и ароматических веществ. Хотя тот факт, что курильницы и светильники сильно обожжены и закопчены изнутри в отличие от жаровен со слабыми следами копоты, возможно, свидетельствует о несколько ином применении жаровен в процессе священного действия. Детального исследования заслуживают особенности орнаментики этих сосудов.

Мотивы лепных или штампованных украшений, опоясывающих рядами края и углы данных сосудов, характерны, в основном, двумя элементами—заостренным треугольным, а также круглым глазком налепного или штампованного. Часть тщательно изготовленных сосудов также украшена зооморфными головками, а целая курильница, найденная в верхнем слое близ колонны, отличается украшением налепными антропоморфными личинами.

По традиционным поверьям, заостренные концы треугольников или колючего растения (бута-кўз или кўз-тикан), подвешиваемые часто над входом в новый дом или над тучным урожаем на поле и т. п., должны были предохранять от вредного влияния дурного глаза или дыхания. Распространенные в прошлом тумары-обереги из металла, ткани и других материалов, вплетавшиеся вместе с украшениями в женскую косу, тоже обычно имели треугольную форму³.

Следует полагать, что частые ряды лепных шипов и штампованных треугольников, окружающие края встреченных в храме ритуальных сосудов, как раз и служили оберегом, должным предохранить воскурившийся в честь божества фимиам от дурного глаза и дыхания. Глазчатые штампованные и наlepные кружки имели то же самое назначение.

В зооморфных же изображениях и антропоморфных личинах, украшавших часть сосудов, следует, видимо, видеть символ «фарна» — носителя удачи и благополучия в зороастризме, долженствующего не только предохранить воскурение от вредных влияний, но и способствовать удачному проведению ритуала и достижению целей его.

³ А. К. Писарчик, М. А. Хамиджанова. Узорные изделия из кусочков материи (қурама или қуроқ), сб. «Таджики Каратегина и Дарваза», Душанбе, 1970, стр. 207.

Ю. Ф. БУРЯКОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ГОРОДИЩА КАВАРДАН

Значительный интерес среди памятников древнего Чача вызывают города, стоящие на границе со степью и предгорьями, культура которых формировалась под влиянием как оседлоземледельческих, так и кочевых скотоводческих элементов. К их числу относится городище Кавардан, открытое в 1972 г. в процессе работ при реконструкции канала Хамдам¹.

Памятник, заключающий площадь более 75 га, расположен в холмистой местности на адырах левобережья Чирчика близ с. Янгибазар. Он вытянут с севера на юг до 1150 м. С севера и запада его окружала излучина древнего русла Чирчика, занятого ныне Карасу, с юга—долина Околоксая². Со всех сторон, кроме западной, городище обнесено крепостной стеной. Дополнительная стена делила его на шахристан I (600×700 м) и II (600×450 м). Конфигурация городских стен неправильная. В центре западного фаса холм Хантепа диаметром 100 и высотой более 15 м, служивший цитаделью. С северо-востока примыкают скопления погребальных курганов с лёссовыми насыпями.

В 1973—1974 гг. на городище проводились предварительные исследования; стратиграфические раскопы в цитадели, шахристане I, северо-восточном фаса шахристана II, вскрытие стены северо-западного фаса и погребений близ крепостной стены.

Находки раннего слоя X—XVII ярусов раскопов 1 и 2, погребения раскопа 3 и подъемный материал представлены в основном лепной керамикой или изготовленной на круге медленного вращения. В погребении вскрыт самый ранний материал городища: чаша (рис. 1, I), изготовленная на гончарном круге, с заостренным краем, округлым неустойчивым донцем и резким перегибом стенки в придонной части. Верхняя часть стенки покрыта светлым ангобом, нижняя слегка залощена. Диаметр устья 13 см. Чаши характерны для Ташкентского оазиса первых веков н. э.: они встреча-

¹ Ю. Ф. Буряков, О. М. Ростовцев, Г. Д. Левен. Работы Шашилакского отряда, сб. «Археологические открытия 1972 г.», М., 1973, стр. 457.

² План городища см. в кн.: Ю. Ф. Буряков. Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса, Ташкент, 1975, стр. 88, рис. 31.

ются в слоях Каунчи I и Каунчи II³. Кроме того, выявлены красно-глиняные лепные с вертикальной ручкой кружки грушевидной формы различных пропорций и с раздутым туловом, приземистые и более стройные (см. рис. 1, 5—7), поясные бронзовые пряжки. Одна пряжка изготовлена в виде колечка овальной формы. Она прикреплена к двойной основе (рис. 1, 2—3) также овальной формы со срезанным краем в месте крепления. Кольцо держится с помощью стержня, проходящего через три выреза. Сама основа скреплена тремя металлическими штифтами. Другая пряжка изготовлена в виде замочка квадратной формы с вырезом (см. рис. 1, 4) из двух половин, внутри полая. Пластины скреплены четырьмя металлическими гвоздиками.

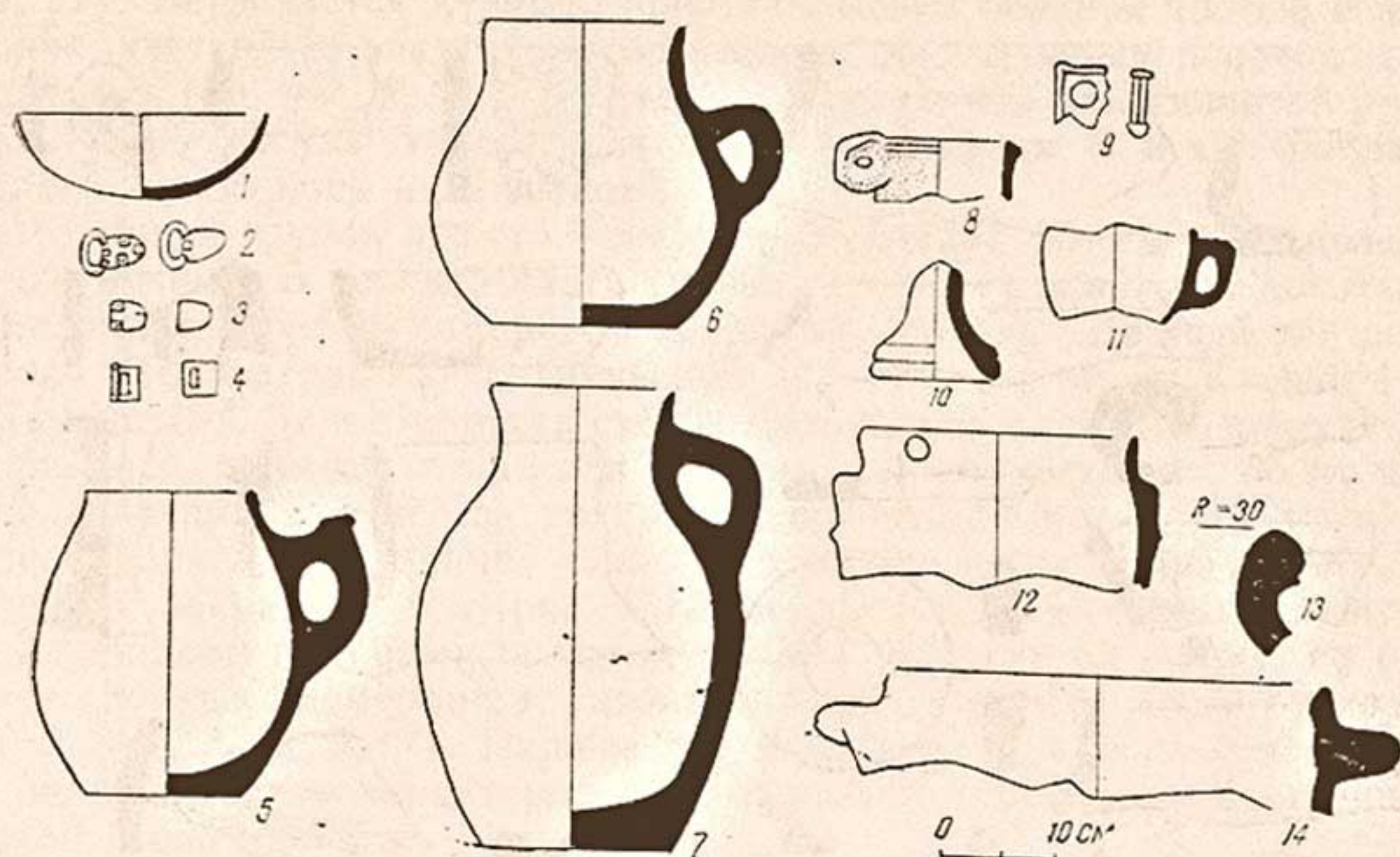

Рис. 1. Керамические и металлические находки из погребений и нижних слоев раскопа № 2.

Более разнообразен керамический материал, вскрытый в нижних слоях раскопов, а также синхронный подъемный. Хумы больших размеров высотой до 120 см сформованы крупными сращивающимися лентами на круге медленного вращения. Дно широкое, устойчивое, со следами зерновой подсыпки или грубоматерчатой подушки с четко сохранившимся плетением ткани. Тулово яйцевидное с крутыми плечиками и едва заметной горловиной — выкружкой к массивной прямо поставленной закраине, венчик утолщенный, подчетырехугольной формы с плоским бережком сверху и желобком снизу. Диаметр дна и устья 32—40 см. Стенки хумов украшаются налепами, елочным (рис. 2, 21) орнаментом, полоска-

³ Л. М. Левина. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э., М., 1971, стр. 181, 184.

ми, кружками, потеками черно-коричневой краски. На плечике одного из хумов процарапана тамга в виде треугольников, соединенных вершинами. Хумы этой формы имеют некоторые аналогии с материалами памятников эпохи Каунчи на последнем его этапе⁴. Их фрагменты в большом количестве найдены на Киндыктепа.

Встречаются хумы с обамленным в виде валика более открытым венчиком, также с желобком в его нижней части (см. рис. 1, 13; 2, 18). Диаметр устья их достигает 60 см. Аналогичный венчик найден Г. В. Григорьевым на Каунчи в раскопе 2⁵. Кроме того, обнаружен третий вариант венчика, образующийся неутолщенной прямо поставленной закраиной с легкой полочкой изнутри для крышки. Его аналогии мы находим в слоях Каунчи⁶.

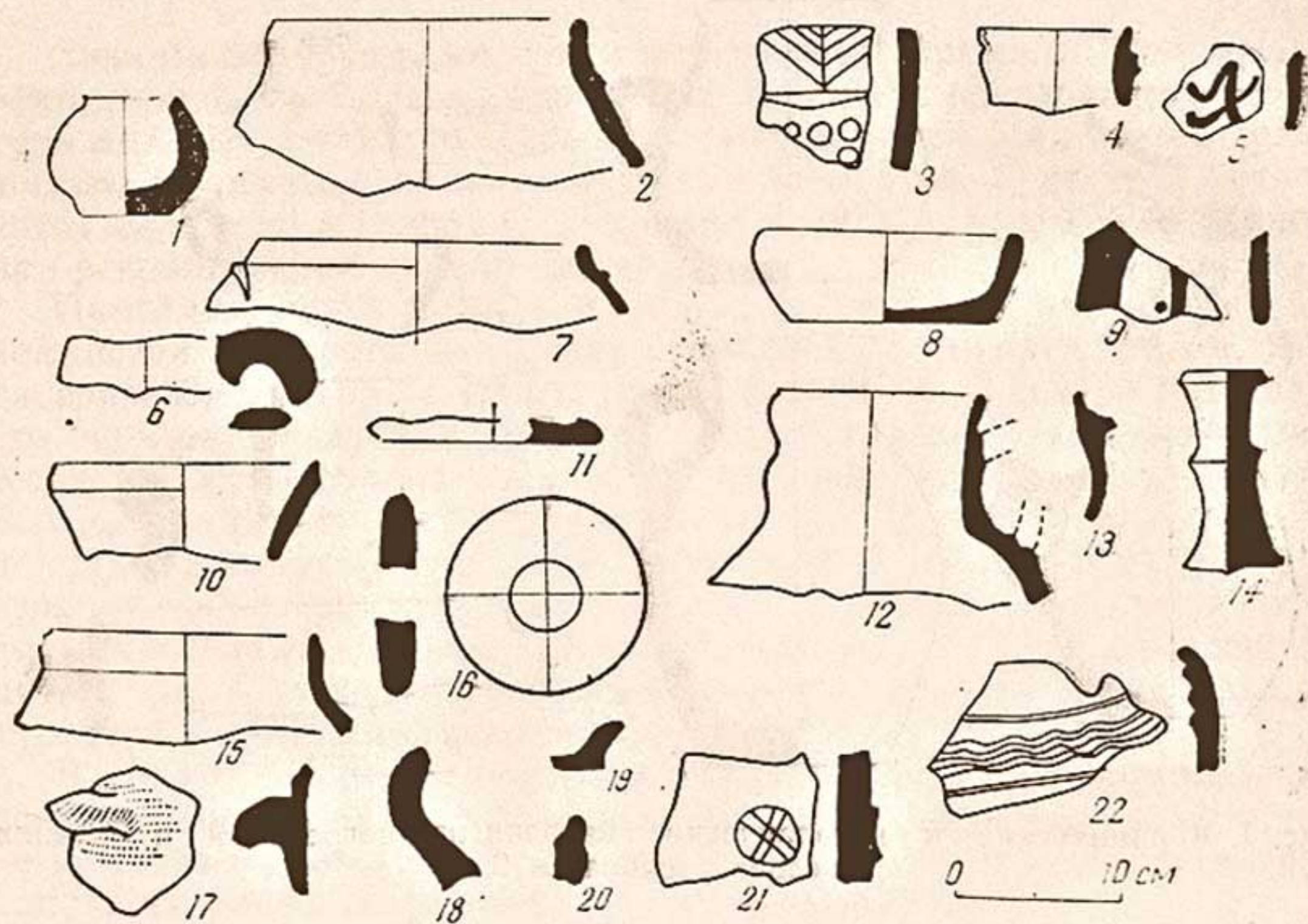

Рис. 2. Находки из ям 1, 2 раскопа № 1

Кувшины — крупные сосуды утяжеленных пропорций высотой 35 см. Донце широкое диаметром 22 см, тулово округлое с покатыми плечиками, небольшая сужающаяся горловина завершается отогнутой наружу утолщенной закраиной с диаметром устья 9—10 см. От венчика на плечико опускается небольшая пластинчатая ручка с желобком по наружной стороне. Напротив нее на уровне плечиков цилиндрический носик с легким раструбом диаметром

⁴ Там же, стр. 107, 180, рис. 31.

⁵ Там же, стр. 101, рис. 28, 6.

⁶ Там же, стр. 180, рис. 59, 70—76.

3,5 см. По тулову и плечикам сосуд орнаментирован несколькими поясами волнистых процарапанных полос.

По данным Л. М. Левиной, сосуды со слабо оттянутым краем-сливом, украшенные, помимо традиционных красно-коричневых мазков и потеков (см. рис. 2, 9), насечками, наколами, волнистыми линиями, изготавливаются с конца периода Каунчи I⁷. У сосудов Ташкентского оазиса носик появляется еще в бургулюкскую эпоху⁸.

Изготовленные на гончарном круге кувшины представлены утолщенными венчиками с профилированной горловиной, следами вертикальной ручки (их профиль сближается с кувшинами, формовавшимися от руки) и стенками, снаружи покрывавшимися светлым ангобом и прочерченным волнистым орнаментом (см. рис. 2, 4, 22). Встречается кувшин, представленный верхней частью с цилиндрической со вздутиями горловиной, расширенным переходом к плечу (см. рис. 2, 12, 13), следами петлевидной пластинчатой ручки. Такие сосуды характерны для поры Каунчи II и синхронных слоев Мингурюка и Шаштепа⁹.

Горшок грубой лепки — сосуд грушевидной формы с утяжеленным низом. В верхней части тулово слегка сужается к покатым плечикам с легким отворотом закраины наружу. Данный тип широко распространен в каунчинской культуре и в эпоху Каунчи I и Каунчи II¹⁰. Закопченность стенок большинства сосудов снаружи и обильные примеси отошителя в глине свидетельствуют об их использовании в качестве котлов. Встречаются котлы совершенно иной формы; груболепной с цилиндрическим туловом, прямо поставленной закраиной (см. рис. 1, 12) и ушковидными ручками, придавленными пальцами, а также котлы, близкие по форме, но более крупных размеров с горизонтальными петлеобразными ручками (см. рис. 1, 14; 2, 17). Первые под венчиком украшены наклепными шишечками, что характерно для горшкообразных сосудов каунчинской культуры¹¹.

В яме раскопа 1 (см. рис. 2, 2) найден фрагмент груболепного котла несколько иной формы с коническим стержнем горловины и легким отворотом закраины. Глина с обильной примесью отошителя. В нижнем слое раскопа 1 вскрыты также миски (см. рис. 2, 10), лепные сковородовидные жаровни с невысокими расходящимися вверх бортиками (см. рис. 2, 19, 21), ножка курильницы вазообраз-

⁷ Там же.

⁸ А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале, «Известия Узбекского филиала АН СССР», Ташкент, 1940, № 9, стр. 32—38.

⁹ См.: Ю. Ф. Буряков, Д. Г. Зильпер. Археологические наблюдения в 1957 г. на городище Минг-Урюк в Ташкенте, сб. «Труды Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина. Археология Средней Азии», вып. V. Ташкент, 1960, стр. 136; Н. И. Крашенинникова. Археологические наблюдения на Чаштепа, сб. «Труды Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина», стр. 153.

¹⁰ Г. В. Григорьев. Каунчитепа (раскопки 1935 г.), Ташкент, 1940.

¹¹ Л. М. Левина. Керамика нижней..., стр. 180—182.

ной формы, покрытая красным ангобом (см. рис. 1, 10; 2, 14), толстостенный кувшинчик, вылепленный из единого комка глины (см. рис. 2, 1), плоскодонная миска (см. рис. 2, 8), плоская груболепная крышечка лепешковидной формы (см. рис. 2, 11). Кроме сосудов в этих слоях найдены керамические грузила лепешковидной формы с отверстием в центре, использовавшиеся в ткачестве (см. рис. 2, 16), керамические подставки в виде головы быка, зернотерки с курантами и гальки прямоугольной формы с залощенными гранями. Эти керамические изделия находят аналогии с материалами культуры Каунчи I и II, т. е. относятся к переходному периоду¹². В это время появляются и рогатые подставки типа головы быка. Таким образом, если погребения могут быть отнесены к первым векам н. э., то самые нижние наслоения — ко II—IV вв. н. э. Материалы этого времени, особенно завершающего этапа, характерного для Каунчи II, встречаются на различных площадях памятника. Ареал распространения их свидетельствует об обширном освоении территории. Несомненно, в это время в округе городища продолжается захоронение в катакомбных могилах.

Следующий период особенно четко представлен в раскопе 1 и подъемным материалом из западных обрезах городища, связанных с расширением канала. В крупных хумах продолжают старые традиции. Количество венчиков несколько разнообразнее. Некоторые фрагменты их попали в верхние слои из ямы, опущенной до VIII яруса (рис. 3, 17—20; 5, 18), причем встречены хумы, покрытые потеками краски. Продолжают использоваться лепные жаровни (см. рис. 3, 21).

Крупные сосуды открытой формы типа тазообразных мисок снаружи имели подлепные горизонтальные ручки типа ушка, украшенного рельефным орнаментом. Сохраняются груболепные котлы с вертикальной ручкой, целиком подлепленной к тулову (см. рис. 3, 8), впервые встречаются котлы шаровидной формы, с утолщенным сдвоенным вечиком, резко отделенным от стенки (см. рис. 2, 7; 3, 4), или вертикально поставленным с утолщением закраины (см. рис. 2, 15; 3, 4, 5, 16). Сосуды открытого типа на ножках встречены в Шуралисае и других памятниках, отнесенных Л. М. Левиной к периоду Каунчи III, датируемому VI—началом VIII вв. н. э.¹³ Обнаруживаются миски с небольшим налепом на донной части, покрытой красной краской с лощением, светильник в виде плошки с закраиной, гофрированной девятью защипами.

В большом количестве представлены лепные кружечки, довольно тонкой формовки с покрытием стенок снаружи и изнутри красной окраской с тщательным лощением. Переход от тулова к горловине и плавный, и резко подчеркнутый. По плечикам ручки петлевидные с плоской площадкой сверху (см. рис. 1, 11), а также в виде налепа-отростка. Эта форма типологически увязывается с Ка-

¹² Там же, стр. 180.

¹³ Там же, стр. 184.

унчи I, но более изящна, с красным, а иногда полосчатым лощением.

Хронологически к этому периоду следует отнести башнеобразные сосуды цилиндрической формы, как тщательно сформованные на гончарном круге, так и грубо вылепленные от руки,—варианты курильниц, распространенных на памятниках Средней Азии от III—IV до VI—VII вв., особенно на последних этапах. Снаружи они покрыты серым ангобом, орнаментированы горизонтальными пальцевыми вдавлениями, как бы подчеркивающими гофры башен, и сквозными стреловидными бойницами.

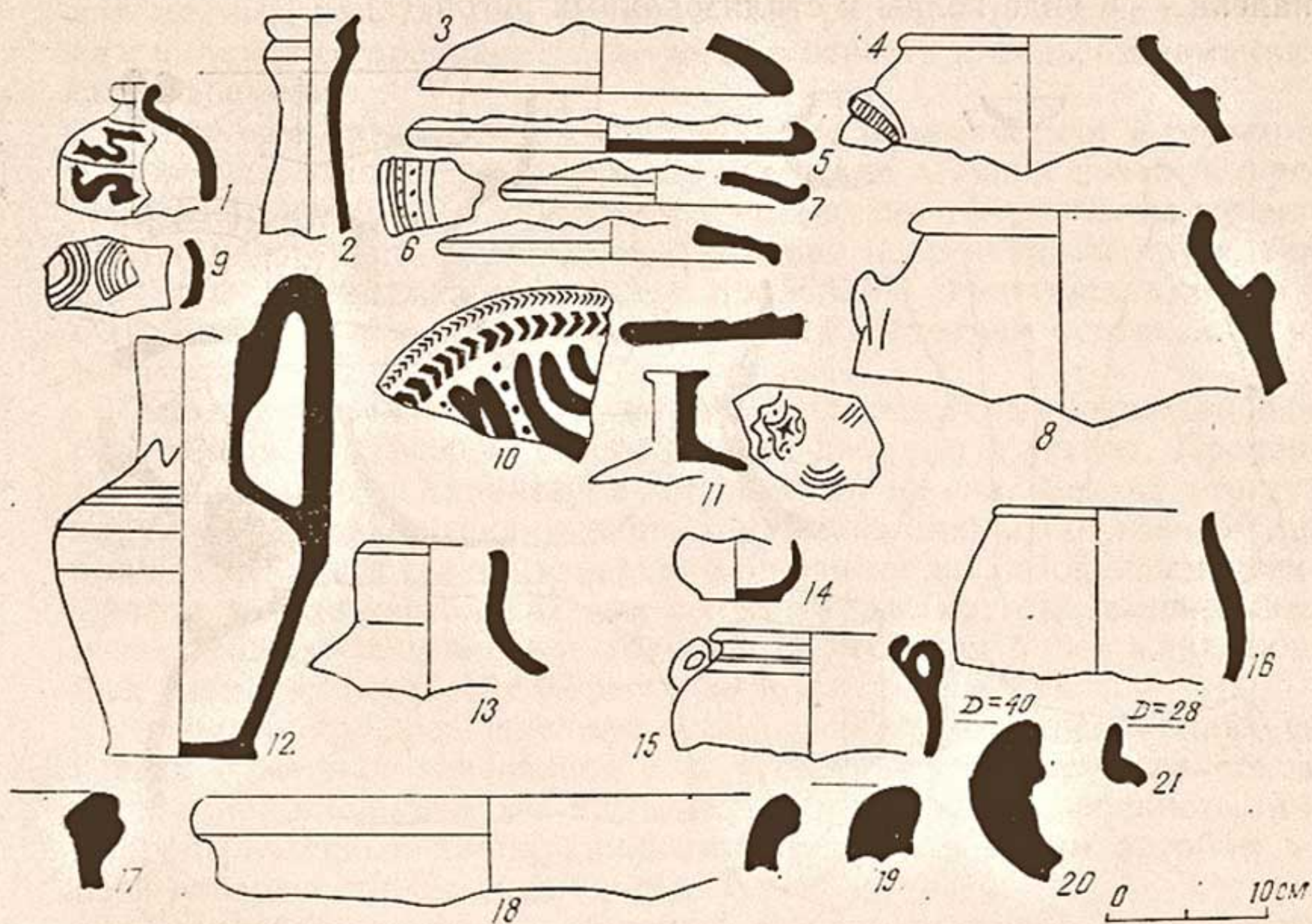

Рис. 3. Керамика VI—X вв. Раскоп № 1

В целом весь материал можно отнести к IV—VI вв. н. э. Для этого периода характерно распространение красно- и чернолощеной керамики, появление мисок и горшочков (см. рис. 3, 14) на плоском, иногда выступающем поддоне с подрезкой донца нитью, орнаментации пальцевыми вдавлениями, нанесением рельефных кружков, ломаных линий или волны (см. рис. 2, 3, 5).

Последующий период представлен культурным слоем с жилой архитектурой и монументальными стенами крепостного характера из крупноформатного сырцового кирпича и пахсы. Он характеризуется бытованием всех форм предшествующего периода и сосуществованием керамики, сформованной на гончарном круге и вылепленной от руки. Из найденных предметов следует отметить

вскрытую в яме, опущенной с VIII в XVI ярус раскопа 2, часть кружечки с ручкой-петелькой, оформленной налепом — площадкой сверху (см. рис. 1, 9), и венчик кувшина со сливом, оформленным носиком с раструбом (см. рис. 1, 8). Их можно датировать VII — началом VIII вв. н. э. Своеобразие данного городища для этого периода — преобладание краснолощеной и лепной керамики.

Интересна находка венчика толстостенного хума, снаружи украшенного рисунком от пальцевых вдавлений (см. рис. 5, 19), и толстостенной миски, с обеих сторон покрытой красно-коричневым ангобом (рис. 4, 9). Вдоль закраины снаружи два жгутообразных налёпа — в виде волны и стилизованных рогов (?).

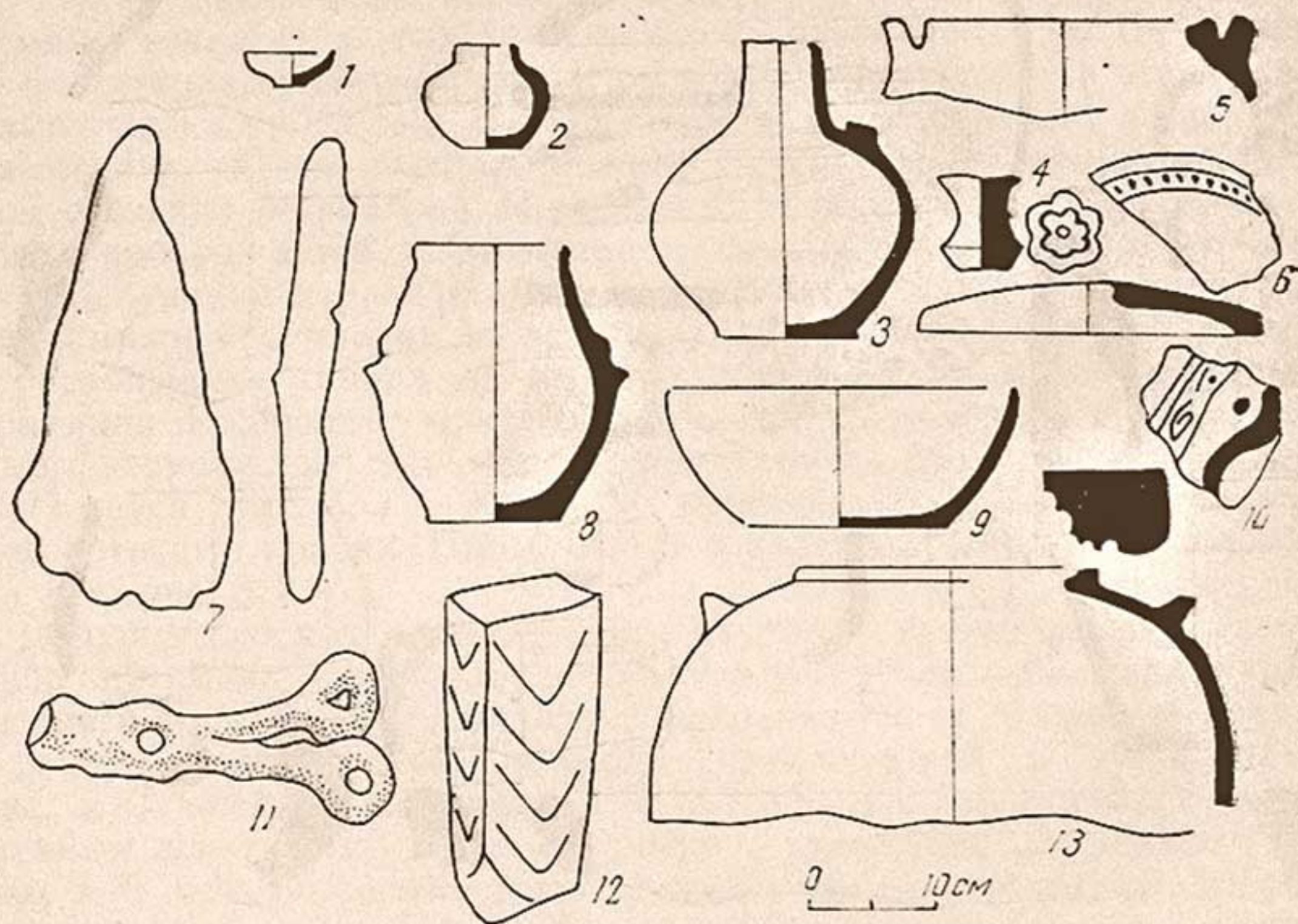

Рис. 4. Керамические и металлические изделия X—начала XI вв. Раскоп № 2

В верхних слоях выделяются материалы конца VIII — начала IX вв., хотя определение ареала распространения их по площади затруднительно в связи с тем, что многие формы неполивной керамики существуют с этого периода до конца жизни городища. Нижняя же граница его сливается с предшествующим этапом. Помещения этого времени более четко выявлены лишь в раскопе 2 и могут датироваться по сосудам с глазурью бело-серого цвета, характерного для конца VIII — IX вв. н. э., хотя встречаются и лепные сосуды (см. рис. 4, 2, 8).

Наиболее разнообразен материал верхнего слоя. Каменные изделия представлены жерновами, как для ручного вращения (диа-

метр 35—42 см), так и для использования или силой животных, или воды (диаметр 75—80 см). Довольно часто встречаются каменные подпятники дверей и ворот, ложила. Из металлических изделий наибольший интерес вызывают ножницы с обломанными рабочими краями (см. рис. 4, 11) довольно крупных размеров. Так, сохранившаяся часть их составляет 44 см. Кроме того, обнаружены железное орудие труда длиной 30 см, с заостренным рабочим краем, возможно, употреблявшееся в качестве мотыги (см. рис. 4, 7), обломки топора, однолезвийного железного ножа, крупный обломок шлака с большим содержанием железа и мелкие обломки.

Найдена монетка, но довольно невыразительная, представленная медным нечитаемым кружком. По размеру и отдельным знакам надписи ее предварительно можно отнести к фельсам саманидского времени.

Наиболее разнообразно представлены керамическая и стеклянная посуда. Неглазурованные керамические изделия почти не претерпевают изменений, поэтому их нельзя подразделить на хронологические группы. Изготовлены они как на гончарном круге, так и от руки, но имеют стандартные пропорции, свидетельствующие о бытовании ремесленного производства. Рассмотрим основные формы неполивной керамики.

Хумы и хумча — по сравнению с предыдущим периодом они более мелких размеров, с небольшими донцами и устьем. Пропорции их стройнее. Характерна высокая горловина. Венчик отогнут наружу, иногда профилированный с жгутовидным орнаментом по краю. Плечики и стенка изредка украшаются штампованным орнаментом в виде нескольких или целых групп круглых медальонов, выполненных специальным калыбом. Хумча при более миниатюрных размерах повторяет форму хумов (см. рис. 5, 12).

Корчаги крупные, преимущественно округлых пропорций со слегка суженной горловиной или отогнутые наружу с желобком по верхней площадке для крышки. Тулово украшено волнистыми и концентрическими процарапанными линиями и серым ангобом по всей поверхности (см. рис. 6, 25).

Многообразны формы крупных сосудов открытой формы типа тагора: и высокие, приближающиеся по размерам к корчагам, с округлым туловом и загибом устья внутрь, и тазообразной формы с конически расширяющимися стенками (см. рис. 5, 16, 17; 6, 28). Венчики разнообразны: и отогнутые наружу, и расширенные в обе стороны, с плоским бережком сверху, и валикообразные. Снаружи ниже венчика с двух сторон горизонтальные и вертикальные ручки. Близки к ним по форме горшкообразные двуручные сосуды — самые распространенные изделия как станковой работы, так и ручной. Они имеют широкое округлое тулово с диаметром (30 см), превышающим высоту сосуда (18—24 см) (см. рис. 3, 15; 5, 20, 21, 26, 32). Оно сужается и к донцу, и вверх к устью. Донце плоское, иногда с выступающим поддоном, диаметр его обычно равен диаметру устья. Последнее завершается прямо поставленным венчи-

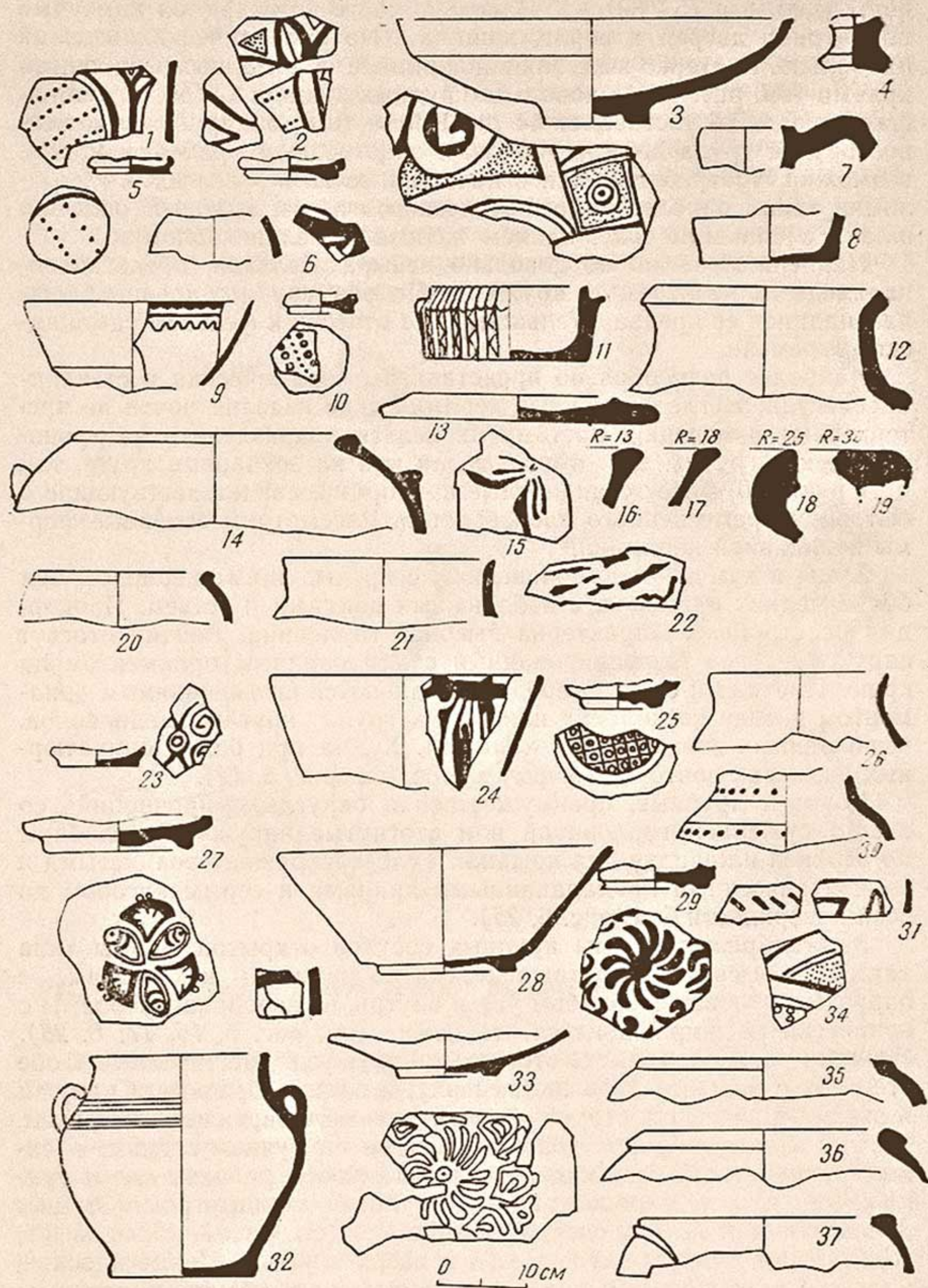

Рис. 5. Керамика X--начала XI вв. Раскоп № 2

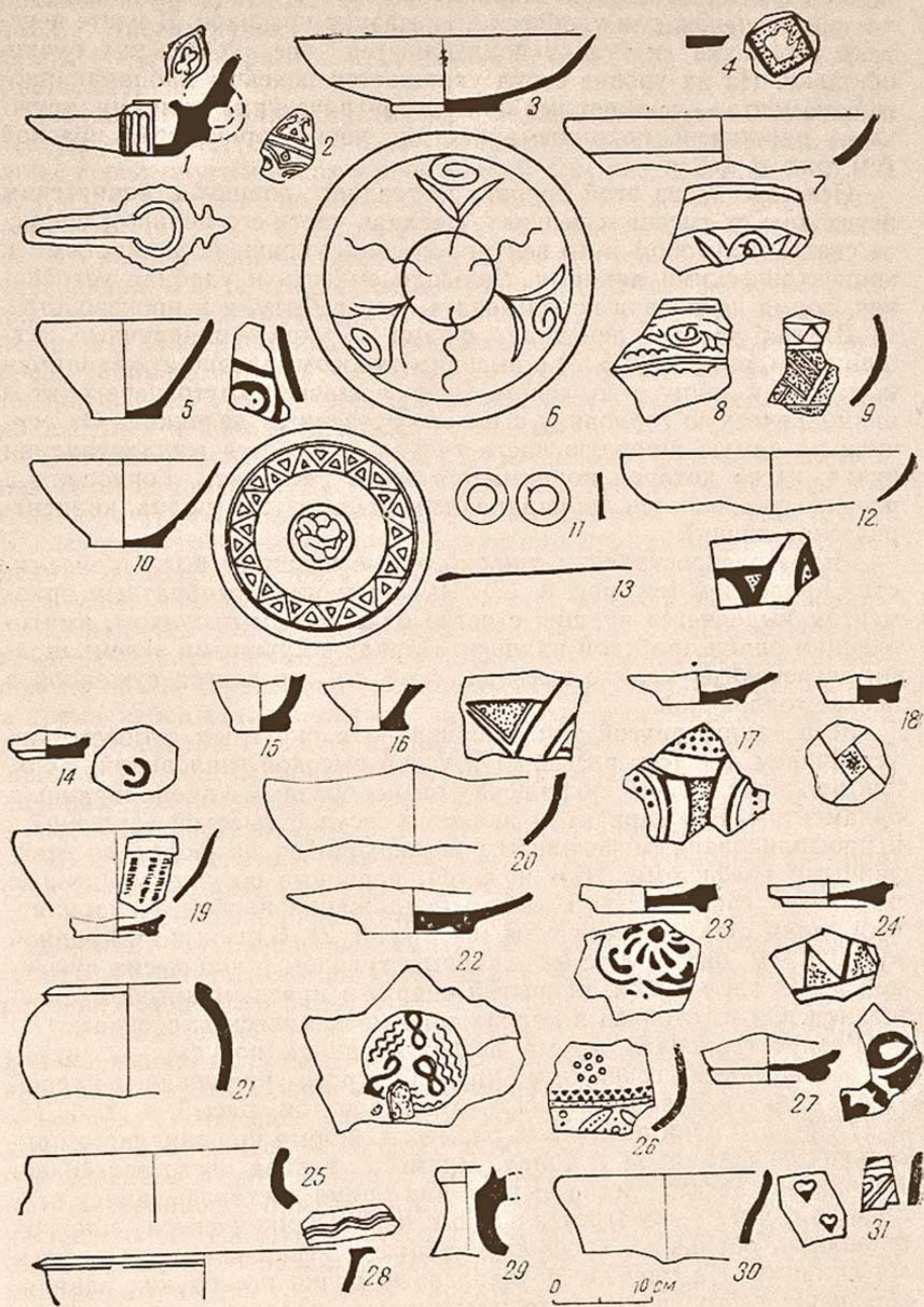

Рис. 6. Керамика и металлические изделия XI—XII вв.

жом со слегка отогнутой закраиной, образующей сверху широкий плоский бережок для удобства накрывания крышкой. В месте перехода горлышка к тулову подлепляются две небольших ручки-петельки. На их уровне сосуд украшается пояском процарапанного орнамента — волнистыми или концентрическими линиями, кружками, насечками, покрытыми иногда черно-коричневой краской (см. рис. 6, 26).

Исключение из этой группы составляет горшок с коническим переходом от тулова к венчику. Верхняя часть его целиком покрыта светлым ангобом и до венчика сплошь украшена волнистыми и концентрическими линиями. Большая емкость и удобная устойчивая форма позволяла использовать их и в быту, и в производстве.

Другая распространенная форма сосудов — одноручные кувшины (см. рис. 3, 12; 5, 7) с высоким туловом, плавно сужающимся к плоскому донцу с поддоном. Вверху плечико круто переходит в цилиндрическую горловину с плоско срезанным венчиком. От венчика на самую широкую часть тулова опускается миндалевидная ручка, изгиб которой поднимается выше венчика. Горловина и плечико украшаются процарапанным орнаментом (волна, концентрическая линия).

Менее распространены широкогорлые кувшины более приземистых пропорций (см. рис. 3, 13). Из них своим своеобразным орнаментом выделяется кувшин с четко вдавленным рисунком, имитирующим знаки арабской надписи. Наряду с крупными экземплярами встречаются мелкие высотой до 8 см, со слегка суженной в центре горловиной.

Встречается другой тип кувшина — с округлым туловом на устойчивом дне (см. рис. 5, 8) и узкой высокой горловиной. Верхняя половина тулова украшена разнообразным процарапанным орнаментом. Его вариантом является сосуд с высокой горловиной и профилированным венчиком, сближающийся по форме со стеклянными графинами. Нам кажется, подобные сосуды, найденные во многих городах Чач-Илака, — подражание наиболее популярным типам стеклянной посуды (см. рис. 3, 2). Близок к ним лепной кувшин (см. рис. 4, 3) с шаровидным туловом и конически суженной вверх горловиной, покрытой снаружи красным ангобом с лощением. Он изготовлен в подражание металлическим сосудам.

Распространенная форма неглазурованной посуды, — котлы, сформованные на гончарном круге быстрого вращения, из серой глины с интенсивной примесью отощителя (см. рис. 3, 4, 8; 4, 13; 5, 14, 35—37). Они различных размеров. Форма шаровидная с приостренным переходом к донцу. Диаметр тулова достигает 40 см. Венчик или загнут слегка внутрь, или прямо поставлен, имеет различную форму — подтреугольную с образованием сверху плоской площадки, овальную, профилированную с несколькими рельефными линиями. На плечике подлепленные ручки нескольких вариантов, чаще всего ушковидные полулунные налепы от рельефных налепов до рудимента. Реже — круглые в сечении ручки либо

подлепленные целиком к стенке, либо выделяющиеся в виде петель. Иногда ручки украшались зубчатым орнаментом. Найдены фляги — мустахара с кольцевой ручкой под венчиком (см. рис. 6, 29).

Сосуды накрывались крышками различных форм — плоскими лепешковидными (см. рис. 5, 13, 15), дисковидными и в форме тарелок с перевернутым вверх и вниз донцем (см. рис. 3, 3, 5, 6, 7, 10, 11; 4, 4, 6). В центре их подлеплялась ручка — стерженек, чаще с грибовидным (см. рис. 5, 4), но иногда и с фигурным навершием в форме розетки или четырехлепесткового цветка. Своеобразно ее завершение в виде стилизованной головки рогатого животного, являющееся живым отражением традиций зооморфных украшений керамики. Оно напоминает навершия крышек пскентских оссуариев. Снаружи крышки покрывались рельефным орнаментом — декоративными вмятинами, зубчатыми насечками, медальонами, волнистыми и концентрическими линиями.

Особняком среди неполивной керамики стоит плоскодонная лепная толстостенная миска с ручками — выступами и рельефными стенками, украшенными волнистым орнаментом (см. рис. 5, 11). К сосудам производственного назначения принадлежат многочисленные фрагменты симобкузача (см. рис. 3, 1, 9) с рельефным растительным и геометрическим рисунком по верхней части тулова.

К бытовым керамическим изделиям следует отнести и большую группу столиков-дастарханов, поделки дисковидной формы диаметром до 80 см, с рельефно оформленным бортиком (см. рис. 4, 10) и тремя небольшими ножками вдоль края или одной кольцевой ножкой в центре. Сторона дастархана, обращенная к ножке, украшалась рельефным орнаментом. Дастарханы на городищах Чача начинают встречаться по меньшей мере с III—IV вв. и особенно широко распространяются в X—XII вв.

Интересна керамическая поделка, найденная в раскопе 2, — подставка-«шашлычница» в виде усеченного прямоугольника (рис. 4, 12). Верх ее не сохранился. Она украшена насечками в виде ломаных линий — стилизованной имитации шерсти. Эта находка свидетельствует о переживании каунчинских традиций в периферийных районах Чача вплоть до X в.

Большим количеством на городище представлена глазурованная керамика. Сосуды изготовлены на гончарном круге быстрого вращения из пластичной плотноотмешанной и вымученной глины, тонкостенны. Черепок хорошо обожжен, коричневый в изломе, звонкий. При разнообразии форм четко намечается стандартизация определенных типов. В целом для керамики городища можно отметить стройность пропорций и красочную гамму цветов. Глазури чистых тонов. Рисунок нанесен рукой опытного мастера. Все это свидетельствует о развитом керамическом производстве, хотя для жилых комплексов городища характерно сочетание глазурованной керамики с лепной, краснолощеной. В отличие от неглазурованной

ее можно подразделить на следующие три более дробные хронологические группы:

I. Поливная посуда X — начала XI вв. Представлена в раскопках 1, 2, 4 и подъемном материале. В основном это сосуды открытых форм: ляганы — чаши крупных размеров, ножка на кольцевом поддоне. Невысокие стенки с округлой стенкой или легким изломом в переходе к венчику (см. рис. 5, 1—3, 5, 10, 23, 28, 29, 33, 34). Сосуды типа норин-тавак также крупных размеров, но с высокими стенками (рис. 5, 24, 27, 28), диаметром устья до 30, высотой 12—15 см. Донце небольшое плоское или с кольцевым поддоном и коническим подъемом стенки (см. рис. 5, 25; 6, 24).

Коса имеет два варианта форм. Первая близка к норин-таваку, отличаясь малыми размерами. Вторая представлена сосудами с округлоконическими стенками, к которым близки по форме маленькие сосуды — пиалы (см. рис. 5, 9).

Интересна орнаментация поливных сосудов Кавардана. В основном, рисунок украшал внутреннюю открытую плоскость и композиционно разрабатывался в двух планах. На поверхностях плоских сосудов — ляганов и кос он часто разворачивается от центра единой композицией, включающей (см. рис. 5, 22) растительные мотивы (стелющиеся стилизованные побеги, плоды), геометрические (круги, стрелы, квадраты и многоугольники), поля «гравировки», сложную плетенку витых лент, иногда заполненных перлами. В центре композиции нередко вихревая розетка, окруженная лепестками (см. рис. 5, 29, 33), или квадрат, «павлиний хвост» (см. рис. 5, 27) из сочетаний миндалевидных глазков и веерообразных разноцветных элементов.

Сосуды закрытых форм на первом этапе представлены в основном небольшими кувшинами, напоминающими одну из форм стеклянных сосудов с шаровидным туловом и узкой вытянутой горловиной и вертикальной ручкой. Донце для устойчивости утолщено, с небольшим кольцевым поддоном. Орнамент украшает наружную сторону и наносится по белому фону под бесцветной поливой. Он представлен геометрическими фигурами (см. рис. 5, 6, 31) или арабской надписью, нанесенной темно-коричневой краской. Поле рисунка окружено красными обводами и фигурами, заполненными точечным орнаментом «гравировки».

Глазурью украшены и светильники-чираги. Тулово в виде округлой площадки (см. рис. 4, 1) изредка граненное. По нему коричневый орнамент — подражание надписи. Напротив носика — небольшая петлевидная ручка.

По гамме цветов сосуды в свою очередь подразделяются на 2 типа. К первому относятся сосуды с бледным орнаментом болотного и фисташкового цветов, придающих мягкие приглушенные тона, а ко второму — белофонная керамика с красноватым, розовым, голубым, коричневым и черным рисунками, сочетание которых создает яркую цветовую гамму. Активную роль в ней играет

белый цвет ангоба, который служит не только как фон, но иногда и как рисунок резервом.

Особенно интересен орнамент «павлиний хвост». Миндалевидные глазки обведены нежно-розовым рисунком с черным контуром, внутри глазка черные полудужья. Веера павлиньего хвоста — голубого цвета по краям и белым рисунком резервом в голубом обводе в центре. На общем снежно-белом фоне голубой тон в сочетании с нежно-розовыми оттенками миндалевидных фигур создает приятный мягкий рисунок. Такое сочетание тонов характерно для керамики Чач-Илака, в частности, Тункета и Туккета X в. н. э.

На некоторых сосудах — эпиграфический орнамент. Надпись нанесена по внутренней части чаш вдоль бортика. Буквы коричневого цвета, вытянутые, вершины оканчиваются полулунными выкружками, характерными для куфического письма X в.

Интересно изредка встречающееся сочетание желто-болотного фона и коричневого рисунка, получившее при некотором изменении фона большое развитие на следующем этапе.

В целом керамика Кавардана входит в круг керамической школы Чач-Илака саманидского времени. В этот период вырабатываются стандарты основных типов поливной посуды, дисковидный поддон почти полностью заменяется кольцевым, наряду с округлыми формами тулова появляются, а затем и начинают господствовать более резкие линии излома стенки.

Среди описанных мотивов преобладает интенсивное заполнение белого фона красно- и черно-коричневым орнаментом. Излюбленный мотив заполнения донца — вихревая розетка на всю донную часть, сочный растительный орнамент, оплетающий стенки сосуда. Свободные поля заполнены гравировкой. Надпись иногда вплетается в общий фон, но чаще выступает самостоятельным орнаментом.

С конца X в. и особенно в первой половине XI в. свободная манера росписи уступает место орнаментальным эпиграфическим мотивам, нанесенным по шаблону, в которых угадывается прототип пожеланий ал-йумн.

II. Сосуды XI — первой половины XII вв. Самая распространенная форма — ляганы. Донце в основном с кольцевой ножкой, но встречается плоский выступающий поддон и кольцо с отростком в центре. Стенка с изломом в центре или в верхней трети (см. рис. 6, 3, 4, 6—8, 12, 17, 18, 22, 23, 27). Иногда выше излома проходит желобок.

Сосуды типа норин-тавак сохраняют, в основном, старую форму с высокими коническими стенками, хотя появляются крупные сосуды с высокой стенкой округлой формы (см. рис. 6, 20). В большом количестве представлены косы двух типов — с коническими стенками, как у норин-тавака, отходящими в нижней части от донца без излома (см. рис. 6, 5, 19, 30, 31), и с низкими, полого поднимающимися кверху с резким переходом к вертикально поставленной закраине стенки. Донца всех кос имеют плоский поддон. Пиалы повторяют форму кос первого типа (см. рис. 6, 5, 10, 14).

Появляется глазурованная посуда закрытых типов: широкогорлые кувшины (см. рис. 5, 30; 6, 9), корчажки с ручками-петельками на плечиках (см. рис. 6, 16, 21), чираги с граненым туловом, длинным носиком и ручкой-петелькой с упором бантиком на противоположной стороне (см. рис. 6, 1, 2).

Если формы на втором этапе претерпевают незначительную эволюцию, касающуюся абриса тулова ляганов, увеличения размеров закрытых сосудов, покрывающихся глазурью, то в орнаментации, наоборот, наблюдаются определенные изменения. Так, наряду с красочной орнаментацией по белому фону (в основном вихревых розеток и эпиграфического орнамента) появляется сплошное покрытие открытой формы изнутри и по верху снаружи темно-зеленой, бледно-зеленой, желтой, желто-зеленоватой или цвета слоновой кости глазурью по светлому фону с подглазурным орнаментом двух видов — красочным и процарапанным. Красочный рисунок включает разнообразные мотивы: сложный растительный (побеги, листья, завитки), эпиграфические. Но чаще всего он включает различные фигуры, заполненные крупными точками. Цвет рисунка — фисташковый, болотный, коричневый, красный.

Процарапанный по черепку рисунок, заполненный глазурью, создает темнорельефный орнамент нанесенной по белому ангобу поливы, резко выделяющейся на светлом фоне. Частично он повторяет красочный рисунок, в основном, в оформлении центра донца четырех-, шести- и многолепестковыми цветками, расходящимися от оформленного кругом центра растительными побегами, иногда с лотосовидными листьями, геометрическими фигурами, концентрическими поясами из контурных треугольников и ломаных линий.

Сосуды типа коса украшаются расходящимися от дна к венчику поясами зубчатых насечек. Изредка встречается сочетание красочного и процарапанного орнамента. Распространен процарапанный орнамент под глазурью цвета слоновой кости. Но особенно часто встречаются сосуды с желтой глазурью, покрывающей и ляганы, и косы, и сосуды закрытых форм, и чираги. Глазурь сочетается и с процарапанным орнаментом, особенно широко с красочным коричневым рисунком.

В украшении бантиков чирагов используются штампы—калыбы: растительный побег с листьями и бутонами, пояс надписи — благожелания.

Типы орнаментации и расцветка глазури находят некоторые аналогии на соседних территориях, и в то же время сочетания их настолько характерны для всех городов оазиса, что позволяют относить к Чач-Илакской керамической школе второй половины XI — первой половины XII вв.

III. Сосуды второй половины XII—начала XIII вв. Несмотря на бытование глазурованной посуды с темно- и бледно-зеленой глазурью и подглазурным процарапанным орнаментом, широкое распространение начинает получать коричневая роспись под желтой глазурью — полосы, пятна, завитки, сочетание коричневых тонов

с зелеными. Кроме того, появляется новый мотив — украшение донца и стенок открытой посуды зелеными, красными, голубыми каплями под желтой глазурью. Сосуды этого типа имеют огрубленные пропорции, более толстостенны и тяжеловесны. Данный мотив, не встречавшийся ранее, найден только в самом верхнем культурном слое городища. Такая керамика встречена С. Б. Луниной и З. И. Усмановой на памятниках Ташкента и также отнесена к комплексу второй половины XII в.

Интересны стеклянные изделия Кавардана. Формы их не столь разнообразны как керамические. Встречаются они в большом количестве в верхних слоях. Стекло прозрачное, слегка зеленоватое с обильной примесью мелких пузырьков. Лишь флаконы иногда выдувались из подкрашенного синеватого стекла. Основные формы следующие: тонкостенные графины с шаровидным туловом на

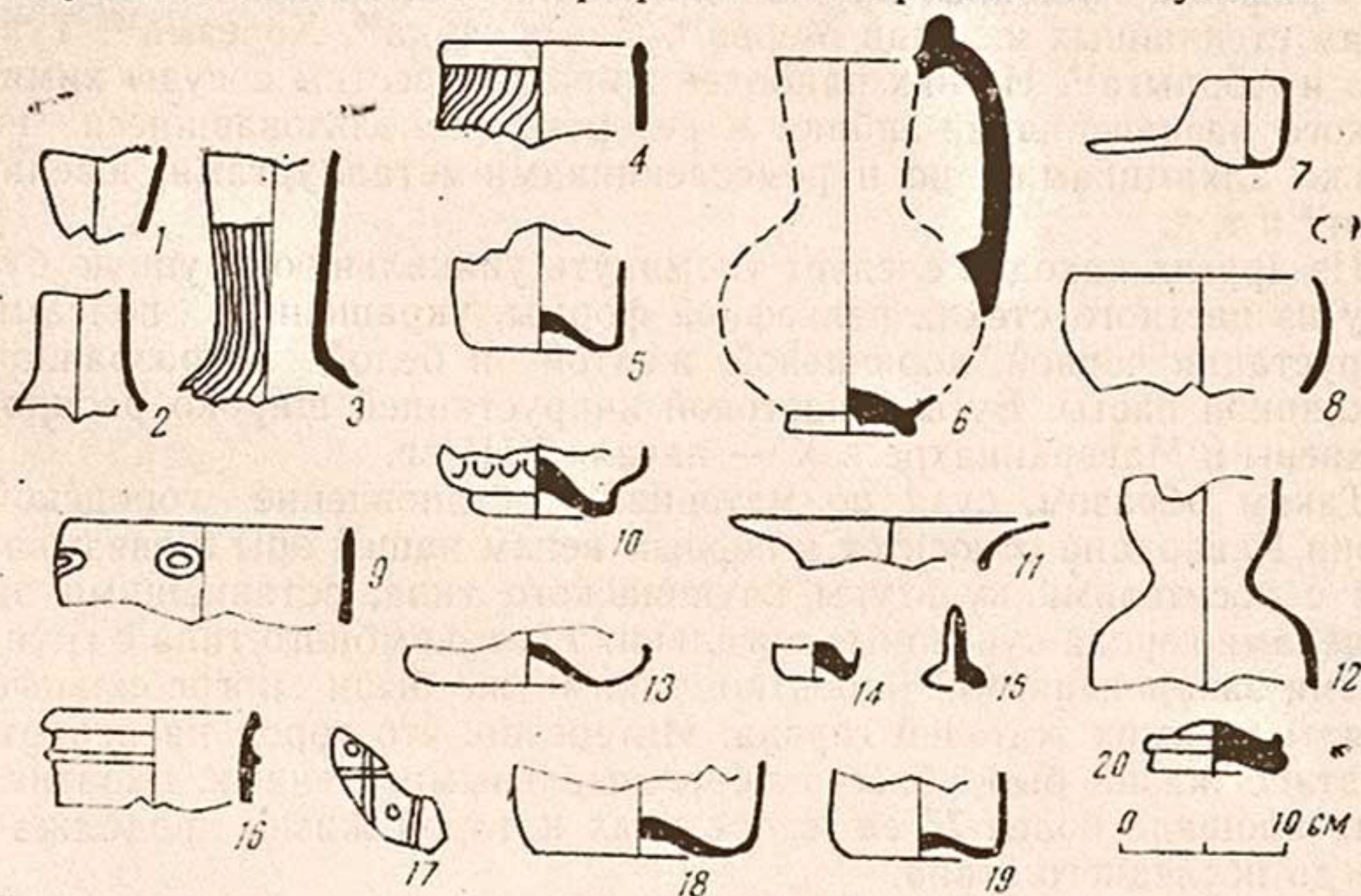

Рис. 7. Стеклянные изделия X—XII вв.

плавно изогнутом вверх в центре донце и тонкой слегка расширяющейся кверху горловиной (см. рис. 7, 1—3, 13). Вдоль тулова они иногда украшались продольным рифлением.

Кувшины также имеют округлое тулово, но донце утяжеленное с кольцевым поддоном. Горловина широкая. От венчика на тулово опускается массивная литая ручка с отростком (см. рис. 7, 6). Венчики некоторых кувшинов близки к керамическим (рис. 7, 16). Встречаются тонкостенные кувшинообразные сосуды без ручек со стенками, образующими внутри петли (см. рис. 7, 8, 12).

Значительную группу составляют стаканы и кружки—банкообразные цилиндрические сосуды с коническим вогнутым поддоном. Часто они выдуваются в форму и несут отпечаток штампованного

орнамента, но иногда украшаются жгутиками-налепами (см. рис. 7, 4, 5, 9, 17—19). В небольшом количестве найдены флаконы (рис. 7, 10, 20) с округлым гофрированным туловом на фигурном донце с поддоном. Сосуды этого типа украшаются рельефным орнаментом и подкраской стекла в синеватый цвет.

Интересна находка сосудика в форме колпачка с носиком — ал-анбика. Он предназначался для отвода паров легкоплавких веществ (см. рис. 7, 7, 14). Возможно, к этой же группе следует отнести пробиркообразный сосуд с небольшим резервуаром (см. рис. 7, 15). Не ясен фрагмент венчика открытого сосуда (см. рис. 7, 11).

Все стеклянные сосуды Кавардана входят в группу изделий, широко распространенных на городищах Хорасана и Мавераннахра. Графины, кувшины, кружки и стаканы относятся к ведущим типам стеклянных изделий Мерва¹⁴, Самарканда¹⁵, Хорезма¹⁶, Тункета и Абрлыга¹⁷. Из них наиболее широко известны сосуды химического назначения ал-анбики и реторты, использовавшиеся не только алхимиками, но и ремесленниками-металлургами, ювелирами¹⁸ и т. д.

Из других находок следует упомянуть уникальную крупную бусину из цветного стекла рельефной формы, украшенную поясами инкрустации черной, коричневой, желтой и белой непрозрачной стеклянной пасты. Бусы с пастовой инкрустацией широко распространены в Мавераннахре в X — начале XIII вв.

Таким образом, судя по материалу, становление городской жизни Кавардана относится к первым векам нашей эры и связывается с носителями культуры каунчинского типа, оставившими за пределами города курганные могильники катакомбного типа с грунтовыми захоронениями. Вероятно, такими же были погребальные обряды и самих жителей города. Интересно, что город на первом же этапе жизни был обнесен оборонительными стенами, охватившими площадь более 75 га, в пределах которой жизнь продолжалась до последнего этапа.

Становление города мы связываем с вхождением оазиса в состав Кангюя, для периода которого характерно развитие городской

¹⁴ Л. А. Мережин. К характеристике средневекового стекла из Мерва, в сб. «Труды САГУ им. В. И. Ленина», Ташкент, 1956, табл. 4.

¹⁵ В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда, Ташкент, 1927, стр. 60—63.

¹⁶ С. А. Трудновская. Стекло городища Шах-Сенем. Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1949—1953 гг., М., 1958, стр. 421—430.

¹⁷ Ю. Ф. Буряков. Археологические материалы к истории Тункета и Абрлыга, сб. «Материалы по истории Узбекистана», Ташкент, 1966, стр. 112—116, 139—145.

¹⁸ У. И. Каримов. Неизвестное сочинение ар-Рази «Книга тайны тайн», Ташкент, 1957, стр. 161, прим. 445; М. Т. Аманджанова. О некоторых стеклянных изделиях Мавераннахра, ИМКУ, вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 246—252.

культуры Чача. Непрерывная жизнь города продолжалась вплоть до XII в. Определенный подъем жизни Кавардана наблюдается в IX—XII вв., причем наряду с обилием керамики, изготовленной на гончарном круге, глазурованными сосудами и стеклянными изделиями в этот период широко бытует и лепная посуда, покрытая охрой, иногда с легким красным лощением. Разнообразие материала свидетельствует о развитии ряда ремесел, в первую очередь керамического, металлообработки, обработки продуктов животноводства, ткачества.

Изучение памятника показывает проникновение городской культуры Чача в районы предгорий, занятых ранее скотоводческими племенами. Дальнейшие работы позволят детально исследовать особенности структуры и материальной культуры городов, развивавшихся на границе земледельческой и скотоводческой культур.

М. М. ИСХАКОВ, Ш. С. ТАШХОДЖАЕВ, Т. К. ХОДЖАЙОВ

РАСКОПКИ КОШТЕПА

Территория Ургутского района Самаркандской области насыщена памятниками древней земледельческой культуры. В этом районе расположены памятники бронзового века и средневековья — могильник Муминабада, Кулдортепа и Каратепе, многочисленные древние оросительные сооружения и системы, памятники типа сельских поселений и отдельных укрепленных замков, к которым можно отнести Ястепе, Аджартепе и Коштепе.

В 1973 г. стационарные раскопки на Коштепе проводил Афрасиабский отряд Института археологии АН УзССР.

Коштепе находится на левом берегу старого русла Даргома близ селений Акмачит и Утамас. Ныне русло речки частично высохло, а частично превратилось в озерца. В позднеантичную и ранне-средневековую эпохи территория вокруг Коштепе была густо заселена, о чем свидетельствуют маленькие холмы приблизительно в 500 м к юго-востоку от него и могильники этой эпохи на левом берегу русла.

Коштепе (буквально «два холма»), как показывает само название, состоит из двух самостоятельных холмов, отстоящих на 50 м друг от друга. Оба холма вытянуты с северо—северо-востока на юго-запад. Коштепе 1—полуовал, частично срезанный с восточной стороны при планировке земель (рис. 1). Хорошо сохранилась основная часть холма, где и велись стационарные раскопки. Длина Коштепе 1 более 50 м, ширина в самом широком участке 18—20 м. Длина Коштепе 2 около 80 м, ширина 25—26 м. Холм Коштепе 2 сохранился почти полностью.

Памятник носит несколько названий, среди которых наиболее интересно «Тилла топди» (буквально «нашел золото»), связанное, по рассказам местных жителей, с находкой здесь клада золотых монет.

Название Коштепе дано двум этим памятникам при археологическом учете.

На Коштепе 1 сохранилось несколько западных помещений довольно крупного замкового комплекса. Эта часть памятника ока-

залась фактически нетронутой после его разрушения в первой половине VIII в. С запада памятник обрамлен земляной насыпью, образующей как бы примыкающий ступенчатый пояс шириной 1,5—2,0 м. Общая высота Коштепа 1 достигает 6 м от материка.

Вся поверхность холма усеяна многочисленными могилами, разрушившимися в результате оплыва. Только на южном склоне сохранилось несколько погребений. Из них два (погребения № 4 и 5) дали пригодные к изучению костяки и черепа.

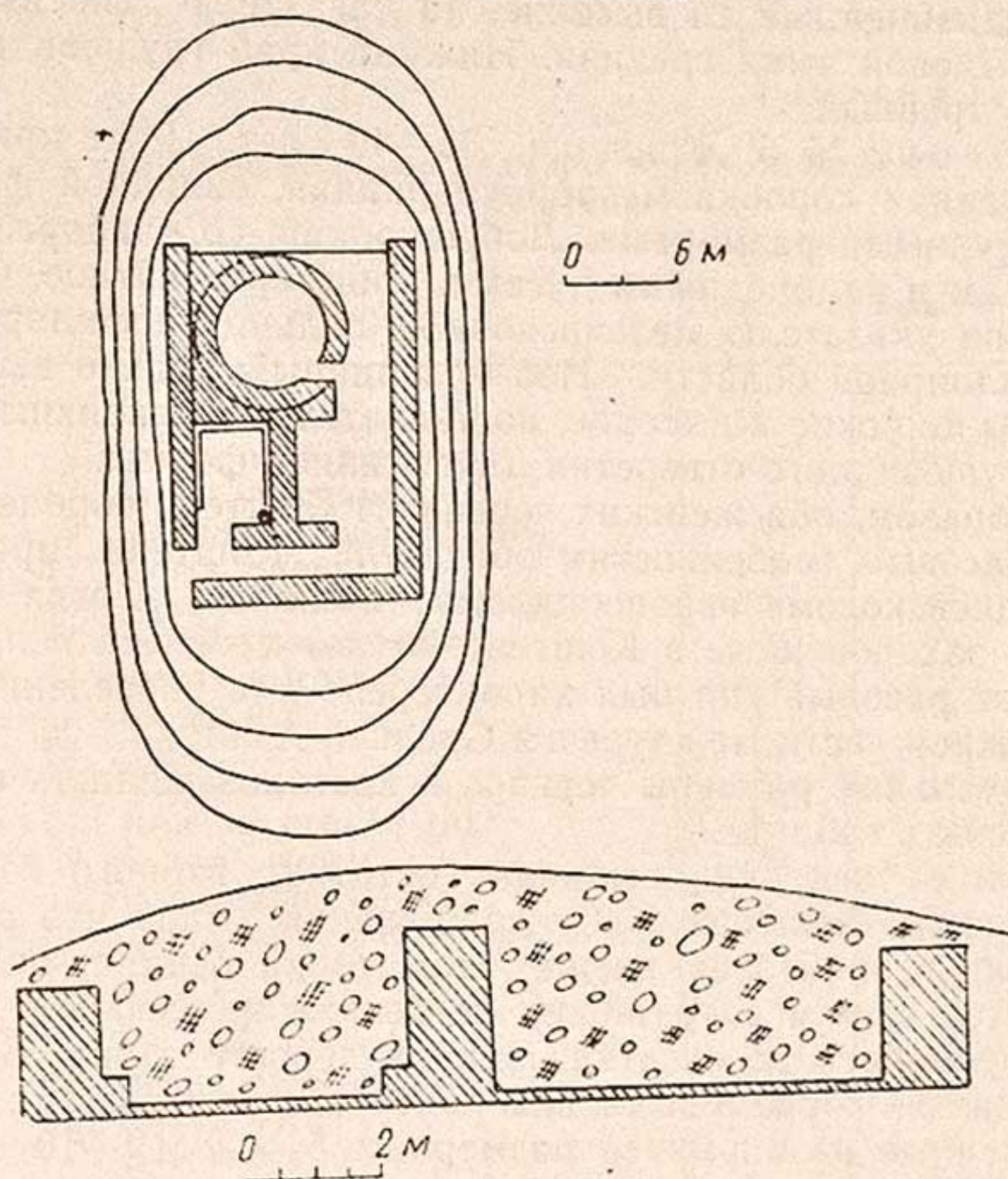

Рис. 1. План и поперечный разрез раскопа на Коштепа 1

Костяки ориентированы головой на север и повернуты лицом на запад. Сохранность одного скелета хорошая. Он лежит на спине в прямоугольной яме, вытянутой с севера на юг. Берцовые кости скелета врыты под миниатюрную арку, сложенную из сырцовых кирпичей. Голова уложена на ступенчатую площадку, соответствующую изгибу затылочной части позвоночного хребта. Такое трупоположение, по-видимому, является имитацией древнего обряда, связанного с оссуарным захоронением.

Результаты антропологического исследования костяков приводятся ниже.

Погребение № 4. Женщина 25—30 лет. Прижизненный средний рост, определенный по формулам Пирсона, Троттера и Глезера, Мануврие и Бунака,—155,3 см.

Продольный диаметр, длина и основание черепа — средних размеров. Надпереносье и надбровные дуги развиты слабо. Лицевая часть ортогнатная, среднеширокая и высокая, по указателю лептопрозопная. Подносовая область сильно профилирована в горизонтальном плане. Нос мезоринный, значительно выступающий. Орбиты среднеширокие и высокие, по указателю гипсиконхные. Глубина клыковой ямки средняя. Нижний край грушевидного отверстия заостренный.

Погребение № 5. Женщина 35—40 лет. Рост при жизни 163 см. Черепная коробка мезобрахикранная, овоидной формы, довольно крупными размерами. Лоб широкий, со слабо развитыми надпереносьем и надбровными дугами. Лицо ортогнатное, широкое и высокое, по указателю мезопрозопное, сильно профилированное в зигомаксиллярной области. Нос мезоринный, сильно выступающий. Орбиты широкие и высокие, по указателю мезоконхные. Нижний край грушевидного отверстия антропинной формы.

Таким образом, оба женских черепа из Коштепа европеоидные. По своим расовым особенностям обитатели Коштепа приближаются к средневековому европеоидному населению Согда и Бактрии¹. Люди, захороненные в Коштепа, имеют древнее происхождение, ибо этот расовый тип был характерен для населения эпохи бронзы в южной части междуречья Средней Азии².

Индивидуальные размеры черепов и костяков женщин из Коштепа приведены в табл. 1, 2.

Дальнейшие раскопки выявили остатки второго горизонта строительства на Коштепа 1. От сооружения мало что сохранилось, так как второй этап жизни памятника был, по-видимому, непродолжительным и сооружение не было укрепленным замком, хотя и базировалось на остатках здания первого этапа. В южной и северной частях хорошо выявлены контуры строительства второго этапа, сложенные из кирпичей размерами $54 \times 28 \times 9$ —10 см.

В южной части сохранились остатки крупного помещения со стеною в виде полукруга, выявлены основания колонн из уплотненной лёссовой глины и крупных булыг. Вероятно, на втором этапе эта часть памятника была большим открытым на юг навесом. В северной части памятника остатки второго горизонта сохранились очень плохо. О них можно судить лишь по упавшим блокам кладок сырцовых кирпичей. В завале северо-западного помещения встречен элемент арочной кладки кирпича.

¹ В. В. Гинзбург, Т. А. Трофимова. Палеоантропология Средней Азии, М., 1972, стр. 221—231.

² Т. К. Ходжайов. Антропологический состав населения эпохи бронзы Сапаллитепа, «Тезисы докладов сессии, посвященной этнографическим и антропологическим исследованиям 1974—1975 гг.», Душанбе, 1976.

Ниже удалось зачистить остатки монументального здания, сложенного из блоков пахсы. Между блоками выложены два ряда кирпичной кладки. Размеры кирпичей $54 \times 28 \times 10$ см. Во вскрытой части здание состоит из двух параллельных комнат с выходом в поперечный северный коридор (рис. 2). С южной стороны к комнатам примыкает круглый зал диаметром 8 м. Толщина стен комнат и зала 1,2 м.

В северной части Коштепа 1 раскопаны два помещения с общим коридором, идущим с востока на запад. В восточном конце кори-

Т а б л и ц а 1

Индивидуальные размеры черепов женщин
из Коштепа

Признак	Погр. № 4	Погр. № 5
1 Продольный диаметр	167	175
8 Поперечный диаметр	—	139
17 Высотный диаметр	—	135
9 Наименьшая ширина лба	—	100
11 Ушная ширина	118	128
45 Скуловой диаметр	126	132
48 Верхняя высота лица	70	69
47 Полная высота лица	114	110
55 Высота носа	48	50
54 Ширина носа	24	25
51 Ширина орбиты (mf)	41	44
51a Ширина орбиты (d)	38	41
52 Высота орбиты	35	36
77 Назомалярный угол	143	142
< Zm' Зигомаксиллярный угол	123	123
DS" Дакриальная высота	10	10,5
SS Симолическая высота	4	5
32 Угол лба (п—т)	—	82
72 Общий угол лица	86	87
75(1) Угол носа	34	31
Надпереносье (1—6)	2	2
8:1 Черепной указатель	—	79,4
DS: DC Дакриальный указатель	50,0	52,5
SS: SC Симолический указатель	57,2	50,0
Глубина клыковой ямки, мм	3,5	5,5

дора расположены два дверных проема. Один — вход в помещение № 1, а другой — выход под вестибюльный, открытый на север навес. Из-за сильного оплыва северной части памятника планировку навеса и его архитектурных элементов выяснить не удалось.

Длина помещений № 1 и 2 около 8 м, ширина 3,8 м. При подготовке площади для здания второго этапа помещения заполнялись грунтом. Поэтому раскопки здесь сначала почти не дали никакого характерного материала, только на глубине около 1 м стала появляться керамика, попавшая в помещения с массой заполнения.

В коридоре найдены две бронзовые монеты согдийского типа с квадратным отверстием в середине. Одна из них не поддается

Т а б л и ц а 2

Индивидуальные размеры женских костяков
из Коштепа

Признак	Погр. №4		Погр. № 5	
	прав.	лев.	прав.	лев.
П л е ч е в а я к о с т ь				
1 Наибольшая длина	—	295	311	315
2 Вся длина	—	289	309	312
7 Наименьшая окружность диафиза	55	53	51	55
6:5 Указатель сечения	75,0	75,1	76,0	76,0
7:1 Указатель массивности	—	17,9	18,0	17,0
Л у ч е в а я к о с т ь				
1 Наибольшая длина	—	—	—	240
2 Физиологическая длина	—	—	—	225
3 Наименьшая окружность диафиза	—	—	—	40
5:4 Указатель сечения	—	—	—	71,4
3:2 Указатель массивности	—	—	—	17,8
Л о к т е в а я к о с т ь				
1 Наибольшая длина	—	—	257	258
2 Физиологическая длина	—	—	231	231
3 Наименьшая окружность	—	—	35	34
3:2 Указатель массивности	—	—	15,0	14,8
11:12 Указатель сечения	—	—	—	—
13:14 Указатель платолении	—	—	76,2	85,2
Б е д р е н н а я к о с т ь				
1 Наибольшая длина	—	—	445	441
8 Окружность середины диафиза	—	—	81	84
8:2 Указатель массивности	—	—	18,3	19,1
6:7 Указатель пилястрии	—	—	104,0	104,0
10:9 Указатель платиметрии	—	—	85,7	85,7
Б о л ь ш а я б е р ц о в а я к о с т ь				
1 Полная длина	—	—	367	369
9a:8a Указатель сечения	—	—	77,4	76,7
Р о с т				
по Пирсону	153		160	
по Троттеру и Глезеру	157		166	
по Бунаку	—		163	
по Мануврие	156		164	
Средний рост по четырем формулам	155,3		163,2	

очистке из-за плохой сохранности (меньше половины монеты). Другая — хорошей сохранности и относится к типу монет «неиз-

вестного ихшида»³. На л. ст. легенда: 'wṛk wṛt 'r/ctwṛk MLK'. На об. ст. династийные знаки правителей Согда Ψ и Σ , располо-

женные с двух сторон отверстия. Монеты датируются концом VII—началом VIII вв.

Когда был вскрыт пол помещения № 1, открылась интересная картина: в помещении обнаружена П-образная суфа, примыкавшая к западной, южной и восточной стенам. В восточной части суфы стоял миниатюрный очажок, пристроенный к восточной стене. Плохая сохранность не дала возможности точно установить его размеры.

В северо-западном углу комнаты расчищено специальное углубление для хума с овальным дном. Диаметр ямы 60 см.

Суфа состоит из нескольких слоев штукатурки. Стены помещения также обмазаны несколькими слоями штукатурки. Между слоями штукатурки видны прослойки сажки, что указывает на долгое использование очажка. Судя по всему, очажок был алтарем огнепоклонников. На полу не обнаружено бытовой утвари.

Аналогичные общественные помещения с суфой, очагом для священного огня и хумом обнаружены на Афрасиабе, в Кафиркале и Балалыктепа⁴.

В остальных помещениях Коштета 1 особо примечательных находок не было, если не считать фрагмент венчика хума с тремя оттисками печати, изображающей две мужские фигуры. Один муж-

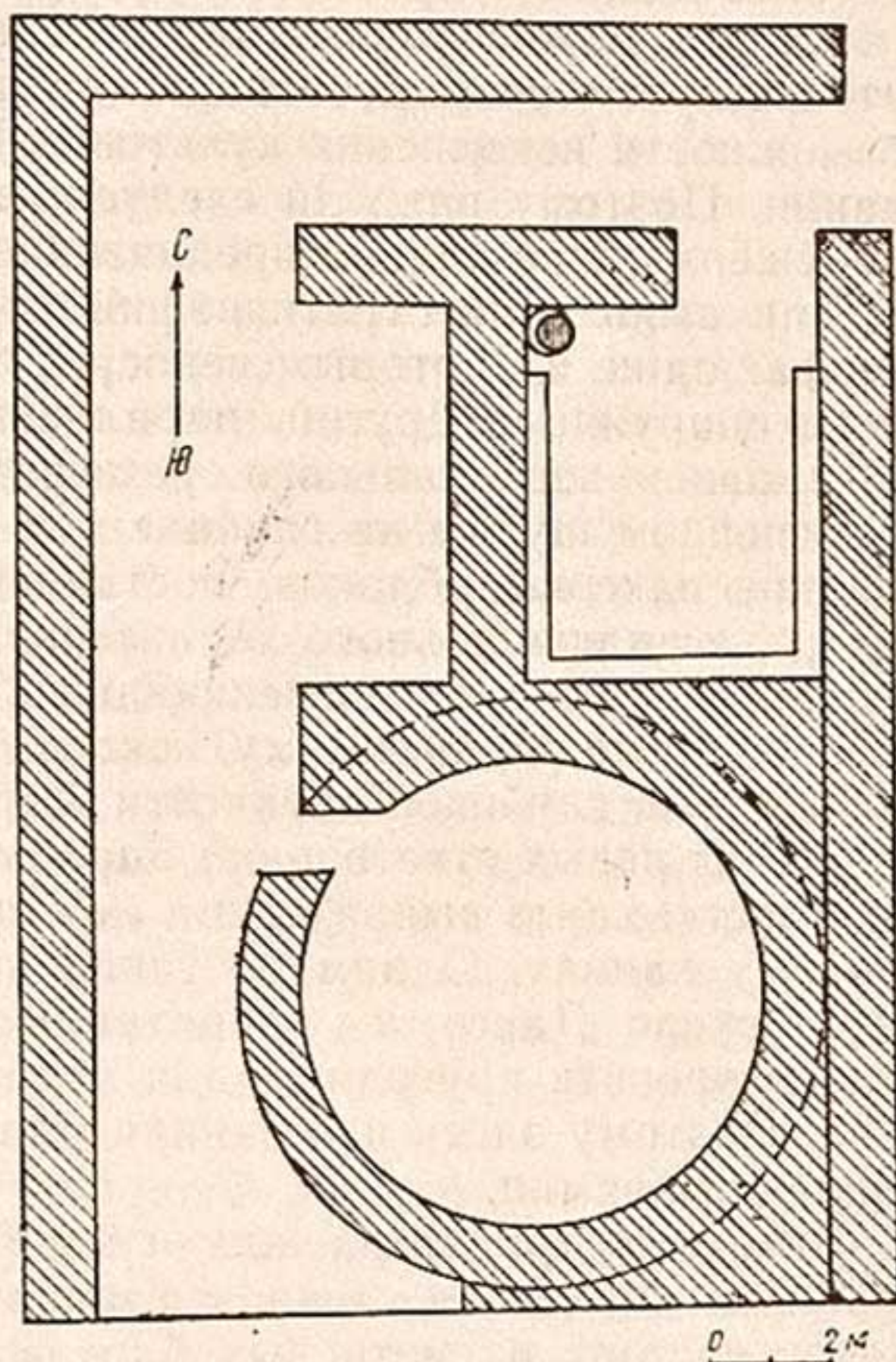

Рис. 2. План здания с круглым залом

³ О. И. Смирнова. Каталог монет с городища Пенджикент, М., 1963, стр. 87—91.

⁴ С. К. Кабанов. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб, сб. «Афрасиаб», вып. II, Ташкент, 1973, стр. 16—84; Б. Г. Гафуров. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история, М., 1973, стр. 237, 245.

чина стоит во весь рост в длинном парадном одеянии и высоком пышном головном уборе. В одной руке он держит книгу, в другой руке, поднятой высоко, крест. Второй мужчина—коленипреклоненный, также в парадной одежде и, по всей вероятности, в короне. Перед нами, несомненно, изображение обряда крещения. Как известно из сообщений письменных источников, в раннесредневековые наряду с огнепоклонничеством в исследуемом районе было распространено и христианство.

План помещений и круглый зал, напоминающие византийские христианские храмы, отсутствие бытовой утвари позволяют отождествить здание с христианским культовым сооружением. Наличие в этом же помещении алтаря огнепоклонников, по-видимому, свидетельствует о сосуществовании различных религий в эту эпоху и о возможности исполнения культовых обрядов двух религий в одном здании. Поэтому вряд ли следует искать в сельских местностях сооружения, специально предназначенные для отдельных религий⁵.

Для выявления стратиграфии памятника были заложены два шурфа, один из которых непосредственно примыкал к восточной стене снаружи, а другой, параллельный к первому, заложен в 1,5 м южнее вертикального среза памятника.

В первом шурфе на глубине 1 м под оплывами обнаружено основание пахсовых блоков, поставленное на илисто-песчаниковом материке аллювиального характера. Во втором шурфе до глубины более 2 м прослежены сменяющиеся песчаниковые и илистые слои, образованные, по-видимому, некогда протекавшим здесь Даргом. Вероятно, в глубокой древности Даргом был естественным руслом одного из левых ответвлений Зарафшана. Позднее Даргом на многих участках был выпрямлен и ему придали вид, близкий к искусственному каналу. Одним из таких участков является упомянутое сухое русло Даргома напротив Коштепа, позволившее дополнительно оросить пригодную для земледелия территорию близ Коштепа. Поэтому здесь и возникли раннефеодальные поселения и укрепленные замки.

Выявлено три этапа жизни на Коштепа. От первого этапа сохранилась пахсовая стена, срезанная на уровне четвертого блока. Пахса состоит из метровых блоков шириной 1,2 м. Нижний блок у основания чуть расширен. Между зданиями первого и второго этапов прослеживается слой золы. В средней части памятника обнаружено скопление золы и древесного угля. От здания второго этапа в стратиграфическом разрезе наблюдаются остатки сырцовых кирпичей.

На третьем этапе Коштепа 1 было превращено в кладбище.

Коштепа 2 также представляет собой памятник замкового типа раннего средневековья. С запада холм срезан арыком, образовавшим почти вертикальный берег. Восточная и южная стороны сохранились нетронутыми. В северной части холма имеется несколько

⁵ Б. Г. Гафуров. Таджики..., стр. 289.

крупных ям, открытых на запад. Севернее ям находится всхолмление, срезанное арыком. В срезе хорошо наблюдаются пахсовые блоки, похожие на пахсовые кладки Коштепа 1.

В ходе работ на Коштепа 2 выяснилось, что этот памятник синхронен с Коштепа 1.

На памятнике был заложен раскоп площадью 224 м^2 и стратиграфический шурф на его площади. Раскоп, ориентированный по странам света, доведен до глубины 1 м, а шурф — до материка на глубину 6 м. Выявлено 4 этапа строительства, которые обозначены буквами А, Б, В, Г. Остатки здания периода А начинаются в середине II яруса.

Здание построено из пахсы. О формах и характере сооружения составить представления невозможно, так как оно сохранилось в фрагментарном состоянии. Керамический материал в этом слое представлен фрагментами венчиков сосудов со смятым рожком и кубковидными чашами, относящимися к типу керамики из Талибарзу IV, т. е. к V—VI вв. Здание А просуществовало примерно до середины VI в., затем, видимо, было разрушено. На его развалинах возведено здание Б из сырцового кирпича ($40 \times 35 \times 9 \text{ см}$) с декоративной кладкой сочетанием серого кирпича с ярко-рыжим.

Здание Б сильно разрушено и зафиксировано в шурфе в виде остатков двойных стен толщиной 2 м, ориентированных с востока на запад с некоторым отклонением на северо-запад и юго-восток. Расстояние между стенами 3 м. Керамические материалы этого уровня также аналогичны керамике Талибарзу IV.

На остатках здания Б на мощной двухметровой платформе, состоящей из заполнения помещений предшествующих этапов, возведено здание В. При возведении платформы и было оставлено трехметровое пространство между двумя рядами стен нижележащего здания Б. Вероятно, первоначально его хотели использовать, но затем по неизвестной причине засыпали серым песочным грунтом и поверх его построили здание В.

Пахсовые стены здания В толщиной 2 м тянутся с северо-востока на юго-запад. Сохранился пол, выложенный сырцовым кирпичом ($50 \times 25 \times 9—10 \text{ см}$), и остатки тандыра на нем. На основании материалов из этого комплекса здание В датируется первой половиной VII — первой половиной VIII вв. Затем оно было разрушено.

Остатки здания В забутованы рыхлым слоем со строительным мусором, на котором построено здание Г, представленное остатками стен толщиной 2,55 м, ориентированных с северо-востока на юго-запад. К стенам были пристроены несколько комнат. Сохранившаяся стена здания длиной 10 м сложена из кирпича ($50—52 \times 27—28 \times 9—10 \text{ см}$). К ней примыкал дворик, выстланный кирпичом-сырцом таких же размеров. Здание датируется концом VIII — началом XI вв. К этому же времени относится здание, перекрывавшее его и остатки которого прослежены под дерном.

Здание последнего периода построено на развалинах здания В,

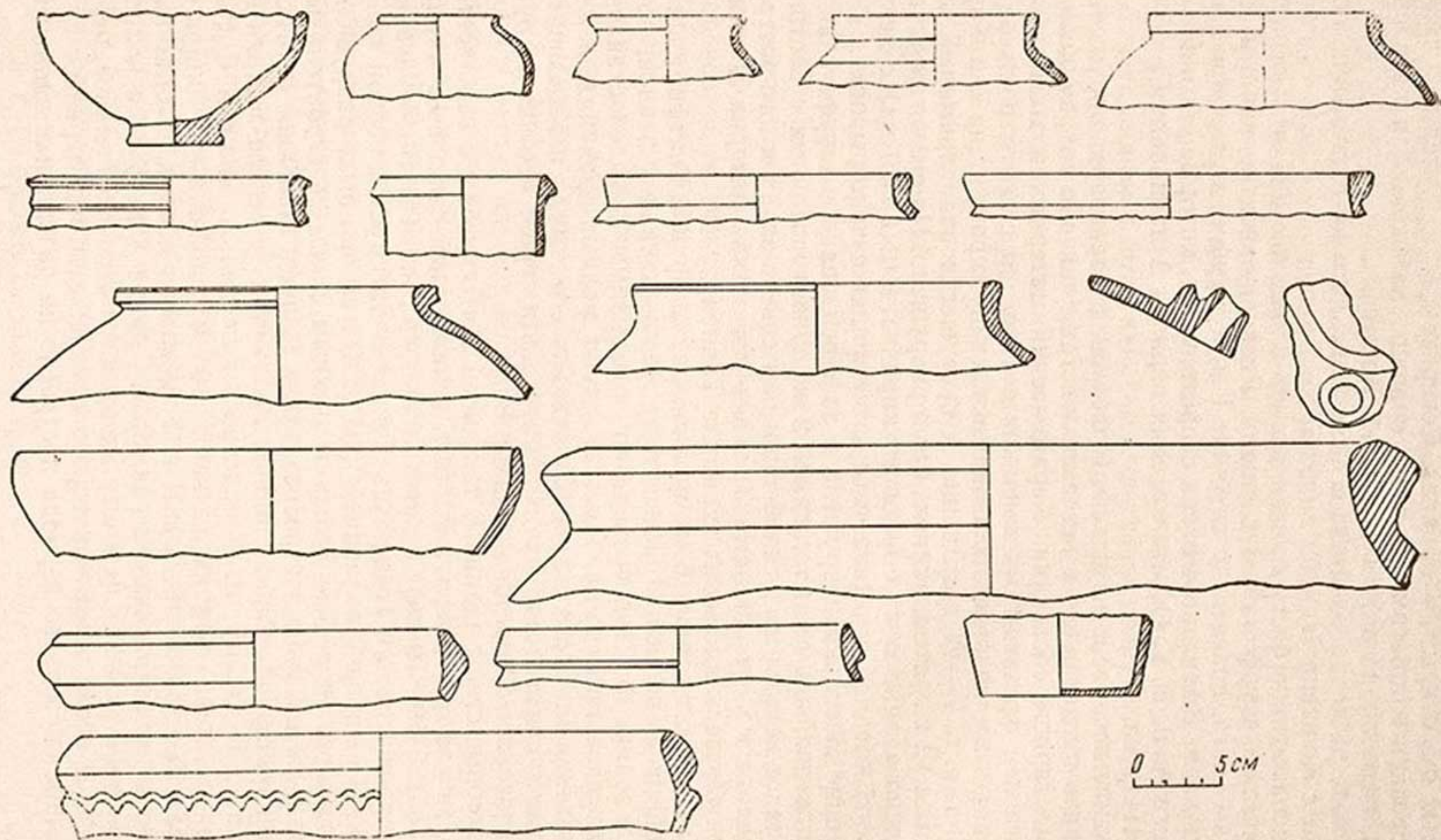

Рис. 3. Керамика VI—VIII вв. из Коштепа

вероятно, в X в. Сохранилось оно очень плохо, поэтому о характере его и функциях также трудно что-либо сказать. Материалы, относящиеся к этому периоду, в основном бытовые. В большом количестве найдены бесформенные куски гранита, обломки жерновов, целые жернова (диаметром 30—40 см, толщиной 5—9 см) и жерно-

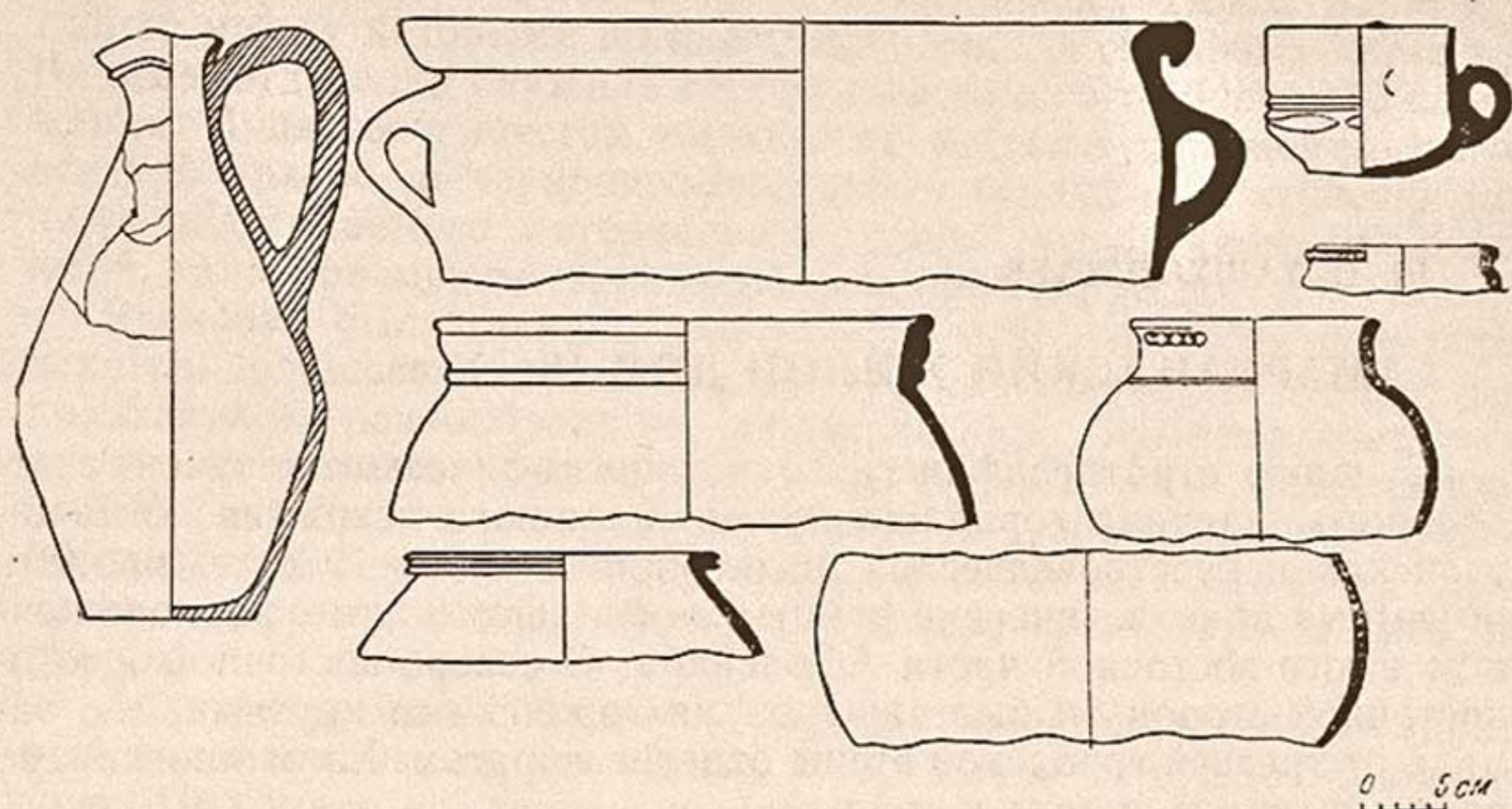

Рис. 4. Керамика VI—VIII вв. из Коштепа

ва с углублениями в том месте, где должно быть сквозное отверстие. Видимо, здесь производили ручные мельницы. В этом же здании найдены обломки поливных сосудов, аналогичных афрасиабским (рис. 3, 4). Возможно, керамика относится к жилищу, которое не дошло до наших дней даже в развалинах.

Ш. С. ТАШХОДЖАЕВ

САМАРКАНДСКИЙ ЖИЛОЙ ДОМ IX—X вв.

С целью стратиграфического и топографического изучения отдельного квартала городища путем сплошного вскрытия Узбекстанская искусствоведческая экспедиция в 1966—1970 гг. провела объемные археологические работы на большом холме, расположенном в юго-восточной части Афрасиаба. С северо-восточной и юго-восточной сторон он был сжат двумя городскими хаузами, а с запада от третьей городской стены отделен оврагом. Холм плоский, со следами горнов, шлака и крицы.

Весной 1960 г. в месте, усеянном обломками керамических штырей и шлаков, заложили раскоп площадью 18×13 м, позволивший вскрыть помещение. Стены его сложены из сырцового кирпича размером $40—42 \times 20—22 \times 7—8$ см. Из одной комнаты, пол которой обмазан ганчем, тянулся проход в другое помещение, на стенах которого сохранились остатки росписи, выполненной на белом фоне черной и голубой красками. Выявленная на небольшом участке роспись представлена растительным побегом, лентой перлов и геометрическими фигурками. По своему тону, колориту и технике выполнения она тождественна вскрытой в помещении X в. восьмого раскопа, расположенного вблизи восточных городских ворот и выявленного М. К. Пачосом весной 1960 г. В одной из комнат удалось обнаружить остатки очага и керамический котел, а в ганчевой обмазке пола две монеты второй половины X в., датирующие керамический материал и помещение. В. А. Шишкину на одной из них удалось прочесть точную дату чекана — 340/952. Продолжив на глубину 7 м шурф площадью 4×4 м, мы выявили еще четыре четко разграниченных горизонта культурных наслоений, давших разнообразный материал.

Второй горизонт, находившийся под ганчевым полом, достигал метровой толщины и состоял из остатков кирпичной кладки в западной части и слоя разрушения с включением угольков, датировавшегося IX—началом X вв. В нем, помимо большого количества обломков неполивной керамики, вскрыто несколько фрагментов глазурованной посуды, украшенной куфическими надписями и ра-

стительными побегамии темно-коричневого цвета на белом фоне. Третий горизонт состоял из небольшого (20 см) разрушенного слоя, давшего несколько фрагментов керамики, покрытой «ишкорной» поливой, которая орнаментирована оттенками зелено-голубой краски. Четвертый горизонт состоял из двух пахсовых блоков высотой в 1,25 м, между которыми выложен один ряд из сырцовых кирпичей. Видимо, эти блоки служили основанием какого-то большого сооружения. В пятом и шестом горизонтах вскрыты фрагменты тонкостенной красно- и черноангобированной керамики. Расчистка под ними подстилаемого материкового слоя, нарушенного большой ямой, дала фрагменты черноангобированной керамики.

Раскопки были продолжены в 1966—1970 гг. Они позволили вскрыть большой жилой комплекс из 15 помещений и 2 дворов, располагавший разнообразным керамическим, нумизматическим и иным материалом. Судя по находкам, данный дом некогда принадлежал состоятельному горожанину. Он ориентирован С-Ю с 30°-ым отклонением к востоку. Первоначально он состоял из одной части с двором, позднее к нему пристроено помещение со вторым двором.

Архитектурная особенность первоначального здания — парадный зал мехмонхана площадью 11,5×6,95 м с суфой в южном углу. Пол всего помещения вымощен жженым кирпичом размером 20—22×20—22×3—3,5 см, наподобие коврового узора, а целые и половинки кирпичей создавали кайму в 40—50 см, которая в свою очередь заполнялась кирпичом под углом к кайме. Стены зала украшены сырцовым кирпичом размером 38—40×20×7 см, прилепленным плашмя так же, как и при вымостке пола, но с некоторыми дополнениями: горизонтальная кайма, вертикальная сердцевина. С западной и южной сторон к залу примыкали 5 помещений, к северу от зала имелся айван и большой двор с кухней в углу. Двор также вымощен жженым кирпичом. Жилые помещения, как и зал, характеризовались двумя периодами обживания, причем в первый полы покрыты ганчевой обмазкой. При зачистке выяснилось, что кирпичное украшение стен закрывало более раннюю стену из пахсовых блоков и планировка дома целиком зависела от ранее существовавших зданий.

О том, что дом построен во время правления Шишпира, свидетельствовала находка клада этого правителя на полу. В силу каких-то обстоятельств дом был заброшен и длительное время пустовал. Спустя некоторое время здание VI—VII вв. капитально ремонтируется, выстилаются кирпичные полы, наращиваются и обкладываются сырцовым кирпичом стены. Вновь возникшее здание полностью повторило планировку предыдущего за исключением пристройки к нему ташнау, так как все здания на Афрасиабе, относящиеся к VI—началу VIII вв., не имели ташнау. Ташнау — это явление, связанное с новой религией. В зимние месяцы рядом с ташнау в спальнях помещениях монтировали терракотовые очажки для подогрева воды в глиняных котелках, об этом свидетельствует

вскрытая комната № 14. Поэтому не удивительна богатая орнаментация этих очажков, создающих своим декором имитации райских садов, дворцовых зданий, лесных полей и т. д. Во всех комнатах найдены различные фрагменты керамики. Обнаруженная в зале на полу монета Исмаила б. Ахмада позволяет предполагать об активном освоении данной территории города в 281/894—895 гг.

Спустя некоторое время зал с пятью комнатами, кухней, двором вновь заброшен. Об этом свидетельствует расчищенный повсюду плотный утрамбованный завал метровой толщины, включавший в себя куски сырца и пахсы. Над этим слоем — полы, пристроенная

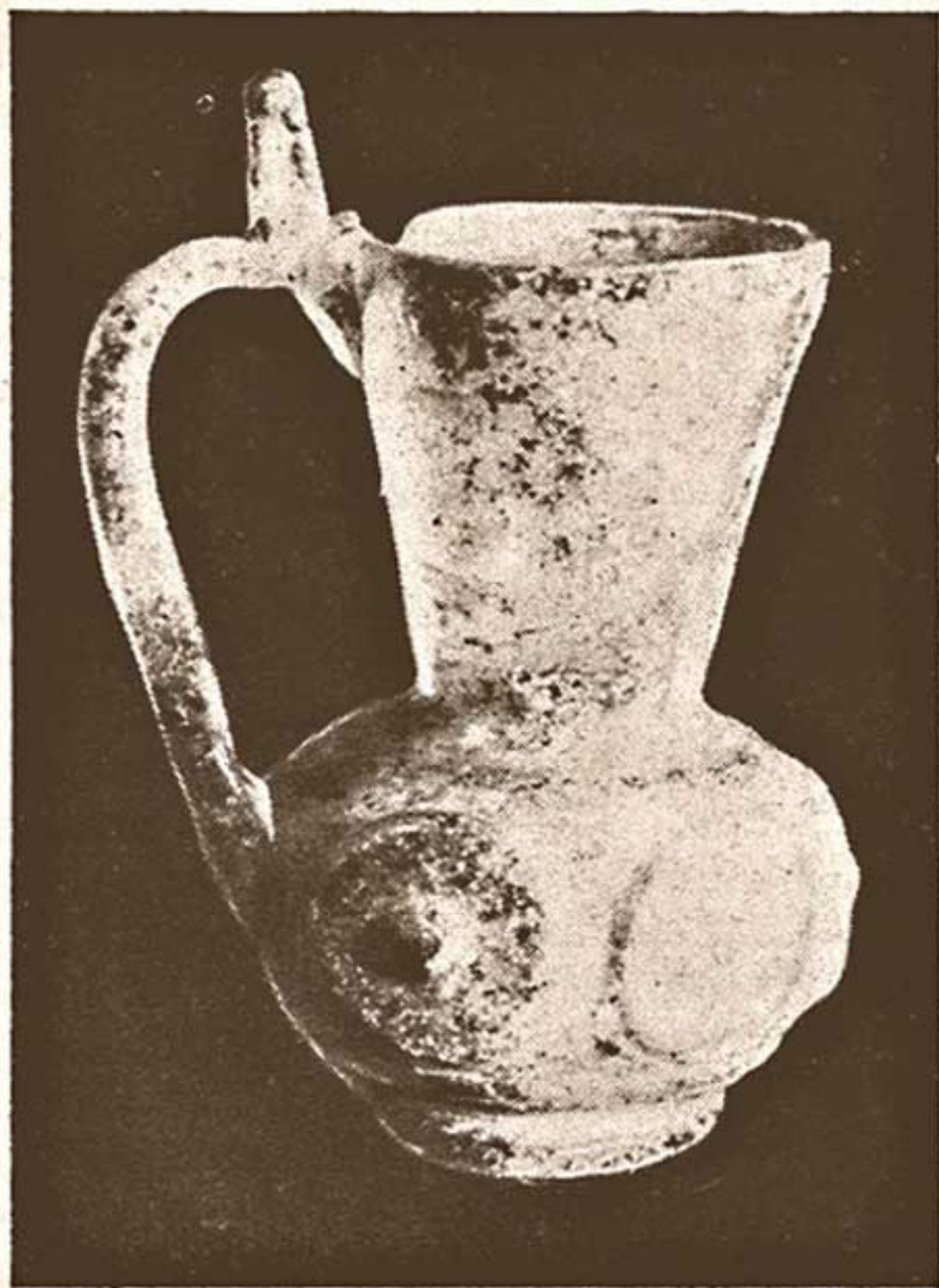

Рис. 1. Кувшинчик. Стекло

западная часть дома, состоящая из четырех комнат, айвана, кухни, двора и прохода в первую часть здания. Стены прорезаны до уровня данного пола, ниже они сохранились. Полы всех комнат на одном уровне, глинобитные. Двор вымощен квадратными и шестиугольными кирпичами, пол айвана поднят над двором на 60 см несколькими рядами жженных кирпичей. В одном из расчищенных очагов и тандыров за айваном в западном углу найден целый стеклянный кувшинчик (рис. 1). На полу комнаты № 13 найдена монета Абдал-Малика б. Нуха 347/958—959 гг.

В каждом слое или периоде обживания здания вскрыто определенное количество предметов материальной культуры: керамика,

стекло (рис. 2), нож, чернильницы, фрагменты ганчевого декора. Клад саманидских монет, обнаруженный в поливном кувшине под вторым полом, содержал 199 монет: 12 серебряных¹, медные монеты всех саманидов, из них последняя датируется 999 г. Эта дата скорее всего указывает на время обживания дома.

Юго-западная часть квадрата 24/XVI западной части Афрасиаба оказалась весьма бедной архитектурными остатками²: обнаружены остатки всего лишь четырех разрозненных помещений. Поме-

¹ Е. Ф. Федорович. Исследование средневековых тканей Самарканда, сб. «Из истории искусств великого города», Ташкент, 1972, стр. 235—242.

² Раскоп произведен М. Н. Федоровым.

щение № 1 расположено в юго-западном углу раскопа, ориентировано с отклонением в несколько градусов от линии восток—запад. Стены сложены из сырцового кирпича размером $23 \times 24 \times 47 \times 9-10$ см. Ширина южной и северной стен ~ 60 , восточной ~ 25 см. Стены сохранились на высоту от 0,25 до 1,3 м. Расстояние между северной и южной 2,8 м. Заполнение помещения: строительный завал средней плотности, инвентарь IX—X вв., фрагменты гончарных изделий доарабского времени.

К юго-востоку от него обнаружены остатки помещения № 2: обрывки двух стен, образующих между собой угол немногим более 90° и сложенных из сырцового кирпича размером $24 \times 47 \times 8,5-9$ см. Толщина стен ~ 55 см.

Рис. 2. Фрагмент кружки. Стекло

По сторонам северной стены помещения заложены шурфы, которые прорезали зеленовато-бурый натечный слой и слой, близкий по структуре к строительному завалу. Такие же слои прослежены и по всей юго-западной части квадрата 24/XVI. Материк обнаружен в X ярусе от реперной точки на глубине 2,5 м от дневной поверхности. Шурфы дали смешанный керамический инвентарь: доарабская керамика (преобладает), фрагменты керамических и стеклянных изделий IX—X вв., обломки жженого кирпича. Между материком и северной стеной небольшая прослойка золы, в которой найден фрагмент синей стеклянной рюмки IX—X вв. Таким образом (что подтверждает и размер кирпича), помещение построено не раньше IX—X вв.

К северу от помещения № 1 прослежены остатки помещения № 3. Сохранность стен очень плохая: 1—2 ряда кладки в высоту. Восточная и сохранившаяся часть северной стены также сложены из сырцового кирпича размером $47 \times 25 \times 7$ см. Толщина стен в пре-

делах 55 см. К северной стене помещения № 3 под прямым углом примыкает стена из сырцового кирпича, очень плохой сохранности. На расстоянии 2,5 м от начала она выклинивается.

К восточной стене помещения № 3 в ее средней части под прямым углом примыкает узенькая стенка толщиной 25 см из сырцового кирпича. На расстоянии полуметра к северу от нее прослежены остатки вымостки пола жженым кирпичом размером $21 \times 21 \times 4,5$ и $40 \times 20 \times 7$ см. На расстоянии метра к северу от вымостки обнаружены остатки керамического трубопровода, идущего в направлении, почти параллельном стене. И на таком же расстоянии к востоку от него остатки еще одного трубопровода, идущего почти перпендикулярно направлению первого. На расстоянии 2 м к востоку от выстилки пола обнаружено ташнау диаметром 80 см. В северо-восточном углу помещения № 3 также обнаружены ташнау и подходящий к нему трубопровод. Материал из всех ташнау относится к IX—X вв.

На расстоянии 8 м к востоку от помещения № 3 обнаружен угол помещения № 4. Его западная часть стены толщиной 90 см сложена из сырцового кирпича. Далее вскрыты остатки большого дома, ориентированного в направлении С-Ю. Длина западной стены этого дома 14,7 м. Она сложена из сырцового кирпича размером $46 \times 24 \times 8-11$ см. Толщина стены в пределах 0,75—0,80 м. К ней примыкали три помещения.

Комната № 4—самая северная. Ее северная стена, по-видимому, внешняя стена всего дома. Толщина 1,1 м, а с более поздней ремонтной облицовкой 1,5 м. Ремонтная облицовка сделана на фундаменте из жженого кирпича размером $40 \times 20 \times 7$ см. Площадь комнаты № 4 составляла $4,3 \times 2,1$ м, стены сохранились в высоту до 1,5 м. В заполнении комнаты найдены фрагменты керамики IX—X вв. Из них наиболее выразительны фрагменты тарелок, покрытых белой поливой и украшенных эпиграфическим орнаментом, выполненным темно-коричневой краской, доведенной до черного цвета³. В западной стене комнаты № 4 проход, ведущий во двор, шириной 1,1 м. Проход в восточной стене шириной 0,9 м соединял помещения № 4 и 7 и впоследствии заложен сырцовым кирпичом. Толщина стены между комнатами № 4 и 7—0,65 см.

Заполнение комнаты № 7, как и 4,—строительный завал с редким включением фрагментов стеклянных изделий и керамики IX—X вв. В зале обнаружены интересные фрагменты архитектурного декора, выполненного глубокой резьбой по необожженной, хорошо отмученной лёссовой глине. Создается впечатление, что для большей прочности в нее добавлен камышовый пух. Предметы архитектурного декора, выполненные из необожженной глины, уже встре-

³ Ш. С. Ташходжаев. Художественная поливная керамика Самарканда IX—начала XIII вв., Ташкент, 1967, стр. 18, 19.

чались в Средней Азии, в частности на цитадели Варахши⁴. Однако афрасиабские декоративные диски из резной глины по диаметру почти в два раза меньше варахшинских (их диаметр всего около 17 см), а узор более сложен и измельчен. Наибольшее сходство они имеют с декоративными глиняными дисками афрасиабского дворцового комплекса VII — начала VIII вв. Но если в заполнении дисков из дворца, как правило, были изображения мифических животных, то в обнаруженных на нашем раскопе — геометрический орнамент. В этом, видимо, сказался запрет ислама на создание изображений людей и животных. Помимо фрагментов орнаментальных дисков встречены также фрагменты волютообразных украшений.

С юга к помещениям № 4 и 7 примыкала комната № 5 — узкая коридорообразная, вытянутая в направлении запад-восток. Ее площадь $1,7 \times 3,75$ м. В западной стене проход во двор шириной 0,95 м. В юго-восточном углу ящик, вкопанный в землю, обложенный жженым кирпичом и обмазанный алебастром, размером $1,5 \times 1$ м, глубиной 25—30 см от уровня пола.

В северо-западном углу помещения тандыр диаметром 0,5 м, в северо-восточном — фрагмент штукатурки со следами красной краски. Толщина стены между комнатами № 4 и 5 — 0,8 м. Высота стен комнаты № 5 до 1,5 м. Заполнение такое же, как в помещениях № 4 и 7. К югу от комнаты № 5 помещение № 6, толщина стены между ними 0,9 м. Площадь комнаты № 6 (после ремонта) $4,1 \times 4,4$ м, высота стен до 1,7 м. Южная стена комнаты разрушена еще в древности, сохранился лишь небольшой остаток ее в юго-западном углу. Здесь толщина южной стены составляла 0,8 м. Восточная стена облицована сырцовым кирпичом, приставленным к стене плашмя, размером $44,5 \times 23$ — 24×9 см.

В юго-западной части помещения круглая мусорная яма диаметром 0,8 м. Ее заполнение дало фрагменты керамики IX—X вв. В южной части восточная стена разрушена более поздней мусорной ямой, опущенной с верхнего горизонта.

Восточная часть комнаты № 4 и комната № 7 перекрыты остатками более позднего помещения, дающего два уровня полов, вымощенных жженым кирпичом. Верхний пол выполнен из кирпича размером $20 \times 20 \times 4$ см. Под ним на глубине 25—30 см второй пол, вымощенный кирпичом размером $29 \times 21 \times 4$ см. Оба пола имеют следы алебастровой обмазки. Стены этого более позднего помещения очень тонкие (ширина около 20 см), местами настолько разрушены, что их нельзя проследить. Видимо, они были каркасными. Расстояние между полом здания IX—X вв. и более позднего здания, перекрывшего собой руины помещений IX—X вв., колеблется в пределах 1,4—1,5 м. В верхних слоях заполнения комнаты № 7 почти сразу

⁴ В. А. Нильсен. Варахшская цитадель, Труды ИИА АН УзССР, вып. VIII, Ташкент, 1956, стр. 51.

же под вымосткой пола позднего помещения обнаружен фрагмент чаши, покрытой красной поливой и украшенной эпиграфическим орнаментом в виде повторения трех букв — «алифа», «лама» и «нуна», выполненных черной краской. Такие чаши характерны для второй половины XI — начала XII вв.⁵

Помещение № 7 в плане было вскрыто полностью. Оно оказалось почти квадратным — $4,4 \times 4,25$ м. На запад от помещения № 4 вскрыты остатки помещения № 8. Его южная и северная стены очень плохо сохранились и выклинились. Западная стена вообще не сохранилась. Ширина помещения с севера на юг 4,6 м, толщина южной стены 0,75, северной в пределах 1,5 м. Высота стен не превышает 20—25 см. В заполнении комнаты № 8 также встречены фрагменты керамики и стеклянных изделий IX—X вв.

С востока к помещению № 7 примыкала комната № 9, как и № 7 перекрытая фрагментарными остатками полов из жженого кирпича размером $20 \times 20 \times 4$ см. Эти полы также относились к зданию конца XI — начала XII вв. Однако сохранность этого здания над помещением № 9 была гораздо хуже, чем над помещениями № 4 и 7.

Площадь помещения № 9 — $3,7 \times 4,5$ м. В юго-восточном углу его дверной проем шириной 70 см, заложенный сырцовым кирпичом размером $45 \times 24 \times 7—8$ см. В заполнении множество фрагментов сырцового кирпича указанного размера и незначительное число фрагментов керамики IX—X вв. На расстоянии 1,35 м от западной стены построена кирпичная стена, делившая помещение пополам, шириной 1 м. Таким образом, помещение № 9 разбито на два длинных и узких отсека, ширина которых колебалась в пределах 1,35—1,4 м. Эта разделительная стена построена на слое запустения, образовавшемся на полу помещения № 9, относится к позднему периоду и сложена из кирпича-сырца размером $45 \times 24 \times 7—8$ см. Таким же кирпичом заложен и дверной проем в юго-восточном углу комнаты № 9.

На внешней стороне северной стены помещения № 9 возле ее основания следы алебастровой штукатурки, местами тронутой мазками красной краски. На расстоянии 8,7 м от северо-западного угла северной стены помещений № 4, 7 и 9 к северу от нее и перпендикулярно ей отходит стена, сложенная, видимо, из пахсы, но очень плохо сохранившаяся.

На южной стене помещения № 7 расчищена ниша шириной 0,8, высотой 1,7 и глубиной 0,25 м. От юго-западного угла комнаты № 7 до начала ниши расстояние в 1,8 м. Толщина стены, разделяющей комнаты № 7 и 9 — 1,15 м. В помещении № 9 на уровне пола возле восточной стены найдена медная монета, принадлежащая к чекану аббасидского наместника Самарканда Ал-Аш'аса сына Йахйи (761—762). Вдоль восточной стены помещения № 9 на полу прослежены фрагменты алебастровой обмазки.

⁵ Ш. С. Ташходжаев. Художественная поливная керамика..., стр. 107.

При ближайшем изучении жилого комплекса создается впечатление, что первоначально здание построено из пахсы, а кирпичные перегородки во всех комнатах относятся к более позднему ремонтному периоду. Так, прежде вместо комнат № 7 и 4 существовала только одна площадью $6,75 \times 4,3$ м. На месте помещений № 5 и 6 также, видимо, была одна комната. К периоду ремонтных работ относится также закладка дверного проема в помещении № 4 и облицовка восточной стены в помещении № 6.

Постройку мощной поперечной стены в помещении № 9, разделявшей его на два узких отсека, нельзя связывать с ремонтными работами в период жизни здания IX—X вв. Нам кажется, что эта стена построена уже в заброшенном помещении, чтобы сделать его более прочным основанием для нового здания второй половины XI—начала XII вв. В это время, видимо, был также заложен дверной проем, ведущий в помещение № 9.

Итак, исследуемое нами здание построено в начале IX в. или, может быть, в самом конце VIII в. (об этом, возможно, свидетельствует и найденная монета Аш'аса ибн Иахьи) и где-то во второй половине X в. после ряда перестроек и ремонтов пришло в запустение и упадок.

Во второй половине XI в. здание уже настолько разрушено, что на его руинах оказалось возможным возвести новую постройку. Причем уровень полов нового здания превышал уровень полов IX—X вв. всего лишь на 1,5 см. Перед возведением новой постройки руины старого здания были забутованы и снивелированы, а в некоторых помещениях (например № 9) построены еще и поперечные стены. Плохая сохранность здания второй половины XI—начала XII вв. не позволяет нам полностью восстановить его план. Это было здание с тонкими и легкими (видимо каркасными) стенами и двумя уровнями полов, выложенных жженым кирпичом (первый уровень $29 \times 21 \times 4$ см, второй — $20 \times 20 \times 4$ см) и обмазанных алебастром.

При постройке нового здания частично использована южная стена помещений № 5 и 7, стена между помещениями № 5 и 7 и восточная стена помещения № 7, относившиеся к зданию IX—X вв.

Над помещением № 4 вдоль его южной стены, судя по остаткам вымостки, шел коридор, который через дверной проем, совпадавший с дверным проемом между комнатами № 4 и 7, вел в небольшое помещение размером $3,75 \times 1,5$ м. Западная стена этого помещения по толщине и направлению совпадала со стеной между помещениями № 4 и 7. Северная его стена шла параллельно северной стене помещения № 7 на расстоянии около 50 см к югу от нее. Толщина северной стены здания второй половины XI в. всего около 17 см. Такова же и толщина восточной стены (т. е. это кладка сырцового кирпича размером $35 \times 17 \times 7$ см в один ряд по ширине).

С востока к этой комнате примыкала вторая, также вымощенная жженым кирпичом. Ширина дверного проема между ними 0,65 м. Размеры второго помещения $2,7 \times 1,5$ м. В его южной части была своего рода «кухонная плита», выложенная из пахсы и сырца

и обмазанная алебастром. Такого рода сооружения лучшей сохранности, с углублениями, в которые, видимо, помещались котлы для приготовления пищи, с остатками золы и кухонной посуды, уже встречались на Афрасиабе. Второе помещение, видимо, служило кухней.

Под полом кухни находилось канализационное сооружение в виде опрокинутого вверх дном чана, в донце которого пробито отверстие, куда входила керамическая труба диаметром 10 см (высота чана 49, диаметр венчика 53 см). Своим венчиком чан стоял как раз на уровне пола IX—X вв. В юго-восточном углу «кухонного помещения» XI в. также было канализационное устройство: трубопровод из труб-кобуров длиной до 50 и диаметром от 7 до 8 см. Он уходит за пределы комнаты. Прослежен в длину на 2,5 м и дальше обрывается.

Итак, в результате работ обнаружены остатки жилого помещения IX—X вв., покинутого и разрушенного где-то в конце X в. Во второй половине XI в. на месте сохранившегося от IX—X вв. построено новое здание. Можно констатировать следующие факты. К 80 г. VIII в. часть городища была заброшена и опустела⁶. Спустя определенное время большинство домов восстанавливается в прежней планировке, за исключением дворцового комплекса, который распадается на целый ряд самостоятельных жилищ. Характер жилых домов IX—X вв. не меняется, хотя происходит трансформирование по требованиям эпохи. Но уже в XI—XII вв. монументальные дома исчезают с территории города как определенные явления, и не случайно места, занятые зажиточными горожанами, занимают ремесленники. Этот факт указывает на два исторических явления: дальнейшее превращение города в центр ремесленного производства и изменение социальной структуры горожан.

⁶ См.: Г. В. Шишкина. Городской квартал VIII—XI вв. на северо-западе Афрасиаба, сб. «Афрасиаб», вып. II, Ташкент, 1973, стр. 117—156; М. Д. Джуракулов, Я. К. Крикис. Раскопки здания IX—X вв. на городище, сб. «Афрасиаб», вып. I, Ташкент, 1969, стр. 312—316; С. К. Кабанов, М. И. Филанович, М. Х. Урманова. Раскопки части жилого массива IX—XI вв., сб. «Афрасиаб», вып. III, Ташкент, 1973, стр. 63—83.

Ш. Ш. ШАРАХИМОВ

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ГОНЧАРНОГО ДЕЛА НА АФРАСИАБЕ

Первые археологические раскопки на городище Афрасиаб провел майор Борзенков летом 1874 г. Близ Ташкентской дороги им были открыты «жилые помещения, состоявшие из нескольких комнат с местом для огня, для приготовления пищи»¹, найдено много кувшинов, гончарных труб и других изделий из глины, что вызвало предположение о существовании здесь в древности «гончарного завода». После майора Борзенкова археологические работы на Афрасиабе проводили В. В. Крестовский, Н. И. Веселовский, В. В. Бартольд, В. Л. Вяткин² и др. Но только В. Л. Вяткин обратил особое внимание на гончарное производство. Он впервые наметил расположение кварталов гончаров на городище, открыл несколько гончарных печей и подробно описал их устройство.

Результаты археологических работ В. Л. Вяткина отражены в его книге «Афрасиаб — городище бывшего Самарканда». В. Л. Вяткин правильно определил два района городища, в которых располагались кварталы гончаров, что подтвердилось работами А. И. Тереножкина, Ш. С. Ташходжаева и нашими. Но кварталы гончаров располагались не только в этих двух районах. Нами выявлено восемь пунктов на городище, где размещались кварталы гончаров различных исторических периодов.

Отдельные главы книги В. Л. Вяткин посвящает неполивной и поливной керамике. Поливную керамику он датирует IV—XIII вв. и утверждает, что она завезена на Афрасиаб извне³.

И. А. Сухарев уточнил время появления в Самарканде поливной керамики и выявил наиболее раннюю группу. Он отнес появле-

¹ М. Ростиславов. Об археологических изысканиях в Зарафшанском округе. «Туркестанские ведомости», 1875, № 27.

² В. В. Крестовский. Самаркандские раскопки 1883 г., «Санкт-Петербургские ведомости», 1884, № 32—37; Н. И. Веселовский. Отчет о раскопках на Афрасиабе в 1885 году, ЗРАО, новая серия, т. 2, СПб., 1887; В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан, Сочинения, т. IV, М., 1966, стр. 176—219; В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда, Ташкент, 1927.

³ В. Л. Вяткин. Афрасиаб..., стр. 41.

ние ранней поливной керамики в Самарканде к 20—30-м годам VIII в.⁴

А. И. Тереножкин в 1945—1948 гг. провел большие работы на Афрасиабе и накопил огромный материал для выяснения многих вопросов древней истории Самарканда. Особое значение имеет разработанная им периодизация Афрасиаба⁵. В северной части городища близ мавзолея Ходжи Данияра А. И. Тереножкин обследовал гончарные печи, которые он датировал временем Талибарзу I, т. е. рубежом н. э.⁶ На глубине 2 м им открыта гончарная печь, от которой сохранилась топка с обрушившимся сводом, разделенная внутри толстой перегородкой на две половины. Устройство печи аналогично устройству печей, открытых А. И. Тереножкиным на берегу этого же оврага в 1945 г.

В 1947 г. при прокладке дороги в западной части Афрасиаба А. И. Тереножкин и Л. И. Альбаум проводили археологический надзор. Вся дорога была разбита на стометровые участки-пикеты. На седьмом пикете⁷ А. И. Тереножкин обнаружил четыре гончарные печи и большое количество археологических материалов, на основе которых Л. И. Альбаум опубликовал специальную статью⁸. Все открытые гончарные печи — одинаковой конструкции; круглые в плане, имеют две камеры (обжигательную и топочную). При расчистке печей обнаружены поливная пиала, косы, фрагменты блюда, светильники, печные припасы: штыри, сепоя, подставки и др. По этим предметам Л. И. Альбаум датирует печи X—XI вв.⁹

В 1958—1959 гг. В. Д. Жуков¹⁰ проводил раскопки квартала гончаров XII—начала XIII вв., расположенного в юго-западной части городища. Местность, на которой проводились раскопки, почти ровная, постепенно поднимающаяся к востоку. С запада к кварталу примыкал большой хауз, а с юга — ныне действующее кладбище. На площади 300 м² вскрыты 10 гончарных печей, жилые и подсобные помещения. Подсобные помещения примыкали к печам с восточной стороны квартала. Хорошо сохранилась печь № 3. Топочная камера печи представляет собой круглую яму диаметром 1,5 м, обмазанную глиной с саманом. С одной стороны топки наискось прорублено отверстие для подачи топлива. Над топочной камерой из сырцового кирпича размером 41—42×21—22×7 см

⁴ И. А. Сухарев. Ранняя поливная керамика Самарканда, Труды УзГУ, новая серия, вып. 2, «История Самарканда», Самарканд, 1940, стр. 15.

⁵ А. И. Тереножкин. Археологическая разведка на городище Афрасиаб в 1945 году, КСИИМК, вып. XVII, М., 1947, стр. 117.

⁶ А. И. Тереножкин. Раскопки на городище Афрасиаб, КСИИМК, вып. XXXVI, М., 1951, стр. 137.

⁷ Это место отмечено А. И. Тереножкиным на археологической карте Афрасиаба пунктом 34 (см.: А. Л. Монгайт. Археология СССР, М., 1955, стр. 278).

⁸ Л. И. Альбаум. О гончарном производстве на Афрасиабе в X—XI вв., сб. «Афрасиаб», вып. I, Ташкент, 1969, стр. 256.

⁹ Там же, стр. 267.

¹⁰ В. Д. Жуков. К топографии юго-западной части Афрасиаба, ОНУ, 1961, № 4, стр. 42.

была сооружена круглая в плане обжигательная камера. У ее основания сохранился под с девятью круглыми отверстиями диаметром 10—12 см, сооруженный из сырцовых кирпичей тех же размеров.

Все печи были заполнены фрагментами котлов, крышек, терракотовых очажков и др. Обнаруженные производственные и жилые помещения гончаров относятся к двум хозяйствам. На небольшом участке первого хозяйства установлен второй культурный горизонт, находящийся ниже первого на 1 м.

В мастерских прослеживается два строительных периода¹¹. Во время археологических работ собраны богатые керамические материалы, характеризующие гончарное производство XII—начала XIII вв. Следует отметить, что В. Д. Жуков поливную керамику и гончарную мастерскую в полевых отчетах неверно датирует XI—XII вв.

В 1967 г. при зачистке гончарных печей мастерской XII—начала XIII вв. мы обнаружили шесть монет, из них четыре относятся ко времени правления последнего хорезмшаха Мухаммада б. Текеша, две монеты — очень плохой сохранности.

Археологический материал, конструкция гончарных печей и проведение аналогий с другими печами городищ Средней Азии свидетельствуют, что поливная керамика и гончарная мастерская относятся к XII — началу XIII вв.

В 1960 г. на участках реконструируемой дороги, где работали С. К. Кабанов, Г. В. Шишкина, М. И. Филанович, М. Х. Урманова, были обнаружены гончарные печи западного гончарного квартала Афрасиаба, функционировавшего в IX — начале XI вв.¹² В Центральной части раскопа 9-а расчищена печь с большой кучей отвалов из шлаков и кусков извести. Печь в плане овальная, длиной 2,9 м, шириной 2,5 м. Четко выявлены только внутренние контуры печи.

В раскопе прослежены три строительных периода. В третьем периоде помещения № 1 и № 2 переоборудовали в мастерские, где изготовляли и формовали посуду, а также сушили ее до обжига. Фрагменты посуды, найденные в помещениях и гончарных отвалах, идентичны. Следовательно, здание недолго находилось в запустении после второго периода обжигания. Стены его помещений еще не разрушились, когда в нем снова поселились гончары, и это могло произойти еще в первой половине XI в.¹³ Этим же временем датируются гончарная печь и третий период обжигания.

Вторая печь, открытая Г. В. Шишкиной на раскопе 9, располагалась в западной стороне того же двора на месте комнаты предшествующего времени. Под этой печи, державшийся на одном центральном устое, сохранился хорошо. Около печи обнаружен ке-

¹¹ В. Д. Жуков. Полевой отчет отряда № 2 Самаркандской экспедиции за 1959 г., Архив Института археологии АН УзССР, инв. № 160, стр. 1.

¹² С. К. Кабанов, М. И. Филанович, М. Х. Урманова. Раскопки части жилого массива IX—XI вв., сб. «Афрасиаб», вып. III, Ташкент, 1974, стр. 67, 74.

¹³ Там же, стр. 67.

раммический отвал, содержащий бракованные котлы и очажки и лежавший над полуразвалившимися стенами предшествующих периодов. В восточном дворе, прилегавшем к обеим печам, хранились запасы глины.

Время функционирования печей данными стратиграфии и монет из завалов, перекрывавших заготовки гончарной глины, определяется второй половиной X в. На одном из последних этапов жизни квартала (вторая половина X в.) намечался капитальный ремонт построек: была расчищена большая площадь дворов и комнат, заготовлено много сырцового кирпича, который после просушки сложили штабелями вдоль стен во дворах и помещениях. По мнению Г. В. Шишкиной, гончары собирались расширить производство, но так и не осуществили своих планов.

В 1961—1962 гг. Ш. С. Ташходжаев открыл две гончарные мастерские в центре Афрасиаба, между второй и третьей оборонительными стенами. Первую, нижнюю, мастерскую он датировал первой половиной XI в., а вторую — второй половиной XI—первой половиной XII вв.¹⁴ Первая мастерская сохранилась намного лучше второй.

В середине двора первой мастерской цепочкой с северо-запада на юго-восток располагались одинаковые по своей конструкции печи. Открыты четыре двухъярусные печи. Нижний ярус — топочная камера грушевидной формы, вырытая в земле, со стенкой толщиной до 30 см, обложенной сырцовым кирпичом. Обжигательная камера цилиндрической формы также сооружена из сырцового кирпича. Стенки ее при переходе к топке образовывали полку шириной в 30 см. На внутренней стенке наземной части печи через каждые 6—7 см оставлены отверстия для штырей—пять горизонтальных рядов через каждые 30 см. Устье печи оформлялось общей аркой. Диаметры обжигательных камер варьируют от 2,3 до 2,8 м, а топочных камер от 1,6 до 1,8 м. Мастерская специализировалась на выпуске высококачественной поливной посуды. Во время раскопок печей обнаружено большое количество поливной посуды различных форм с оригинальным орнаментом, характерным для X—первой половины XI вв. К печам примыкают рабочие помещения.

Вторая мастерская, относящаяся ко второй половине XI—первой половине XII вв., расположена на 90 см выше первой. Ш. С. Ташходжаеву удалось открыть здесь две керамические печи и рабочие помещения. Печи прямоугольные в плане и двухъярусные по конструкции. Нижний ярус — топочная камера, вырытая в земле и обложенная одним рядом кирпичей, расположенных как облицовочные, вертикально, широкой стороной к стене и обмазанных глиной с саманом. С уровня поверхности земли был возведен прямоугольный корпус обжигательной камеры, завершавшийся сводом. Стены печи и рабочих помещений сложены из сырцового

¹⁴ Ш. С. Ташходжаев. Художественная поливная керамика Самарканда IX—начала XIII вв., Ташкент, 1967, стр. 6.

кирпича размером $37 \times 18 \times 7$ см. Камеры разделены между собой подом. В топочную камеру прорублен наискось проем, оформленный аркой, для подачи топлива. По керамике и стратиграфии эта мастерская датируется второй половиной XI—первой половиной XII вв.¹⁵

На основании материалов этих двух мастерских, а также собранных в фондах Самаркандского и других областных музеев республики, Ш. С. Ташходжаев классифицировал поливную керамику средневекового Самарканда IX—началом XIII вв., разделив это время на пять периодов.

Восточную часть центрального квартала гончаров, расположенного восточнее мостовой X в., исследовала Л. Г. Брусенко. Ею открыто несколько помещений, выявлено три строительных периода и три комплекса хозяйств¹⁶.

В 1961 г. М. И. Филанович заложила шурф в северной части Афрасиаба, внутри первого укрепления в западной низине—в хаузе. Шурф доведен до глубины 10,5 м. На глубине 3 м обнаружен слой, насыщенный фрагментами керамики, отвалами золы, керамического шлака и браком гончарной продукции, что косвенно указывает на существование где-то вблизи обжигательных печей. Слой отнесен к середине первого тысячелетия до н. э.¹⁷

В 1962 г. Я. К. Крикис заложил шурф на территории соборной мечети Самарканда. На глубине 7 м обнаружена обжигательная печь, сложенная из жженого кирпича размером $40 \times 22 \times 11$ см. Плотный слой сажки без угольков покрывает восточную стену печи. Узкая площадь шурфа не позволила вскрыть печь полностью, но установлено, что она круглой формы, диаметром 1 м. Печь находилась в середине XVI яруса и датируется по сопровождающей керамике первыми веками н. э.¹⁸

В 1963 г. Н. Б. Немцева в шурфе на восточном склоне холма вблизи крепостной стены городища, примерно в 130 м к западу от «средней группы» мавзолеев ансамбля Шахи-Зинда, на глубине 2,5 м обнаружила остатки гончарной печи XII—начала XIII вв.¹⁹ Стенки и дно печи были обмазаны глиной и прокалены на 3—5 см до белого, а на 5—6 см — до красного цвета. Плохая сохранность печи затруднила определение ее конструкции, но, судя по остаткам, она не имела перегородки, разделяющей камеры, и аналогична печи, открытой в юго-западной части Афрасиаба. Топка отделялась от обжигательной камеры небольшой полочкой по периметру стен. Печь была заброшена еще в период функциониро-

¹⁵ Там же, стр. 143—150.

¹⁶ Л. Г. Брусенко. Раскопки квартала гончаров на городище Афрасиаб, ИМКУ, вып. 8, Ташкент, 1969, стр. 116.

¹⁷ М. И. Филанович. К характеристике древнейшего поселения на Афрасиабе, сб. «Афрасиаб», вып. I, стр. 209.

¹⁸ Я. К. Крикис. Полевой отчет за весенний сезон 1962 г., Архив Института археологии АН УзССР, инв. № 282, стр. 1.

¹⁹ Н. Б. Немцева. Стратиграфия южной окраины городища Афрасиаб, сб. «Афрасиаб», вып. I, стр. 194.

вания мастерской. Об этом свидетельствует обнаруженный в ее южной половине бадраб с материалами второй половины XII — начала XIII вв. По мнению Н. Б. Немцевой, мастерская прекратила работу в период монгольского нашествия.

Мастерская, по заключению Н. Б. Немцевой, специализировалась на выпуске дорогой фаянсовой и люстровой посуды, сфероконических сосудов и тонкостенной поливной посуды²⁰. Однако вряд ли в одной гончарной мастерской производилась столь разная по характеру керамика. Скорее всего, здесь было три мастерских: первая выпускала крышки, симобкузачи, вторая — штампованную посуду, а третья — люстровые и поливные изделия.

На территории мастерской найдены три люстровые чаши с изображениями сфинксов. В одном из бадрабов и в подъемном материале на холме найдены в большом количестве бракованные сероглиняные сфероконические сосуды — симобкузача, обжигавшиеся в той же мастерской.

В 1963 г. при исследовании третьей городской стены в 150 м к востоку от раскопа 13-г, где по микрорельефу можно предположить существование ворот, М. Пачос обнаружил остатки обжигательных печей, вырытых в материке и забутованных шлаком и золой. В одной печи обнаружено несколько фрагментов поливной и неполивной керамики IX—X вв. Печь также датируется IX—X вв.

Е. Б. Пругер в 1963 г. продолжил раскопки гончарной мастерской, открытой А. И. Тереножкиным близ мавзолея Ходжи-Данияра. Верхние 2,5 м культурных наслоений относятся к X — началу XIII вв. и изобилуют поливной и неполивной керамикой. Ниже начинается слой раннего средневековья. На глубине 2,5 м от поверхности земли вскрыты четыре гончарные печи. Печи в плане овальные, двухъярусные, разделенные подом с продухами. У всех печей топочная камера врыта в землю и разделена устоем, поддерживающим под, на две части.

Ширина топочной камеры печи № 1 — 1,85 м, глубина от пола до пода 1,65 м. Часть обжигательной камеры сохранилась в высоту до 20 см. Внутри печи обнаружена керамика V—VII вв. В VI—VII ярусах найдены согдийские монеты с квадратными отверстиями в центре и уникальная терракота размером 16,5×17,5 см с изображением женщины, держащей в правой руке голову бородатого мужчины.

В левую грудь женщины упирается передними лапами животное, похожее на льва. Из VI—X ярусов извлечена керамика V—VII вв. По этим материалам гончарная мастерская датируется V—VII вв.

В 1965 г. при прокладке дороги через городище с востока на запад И. Ахраров, М. Н. Федоров и М. Х. Урманова проводили

²⁰ Н. Б. Немцева. Шахи-Зинда. К истории ансамбля и исторической топографии юга Самарканда, Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1972, стр. 7.

археологический надзор. На участке между дорогой и последней крепостной стеной были обнаружены две гончарные печи, гончарный отвал, пять ташнау, два трубопровода из керамических труб. В 45 м к востоку от четвертой крепостной стены были найдены еще две гончарные печи и помещение.

Печь № 1 в плане круглая, диаметром 1,4 м. В ее стенах сделаны отверстия для керамических штырей. Неподалеку от печей находился керамический отвал, в котором найдено много спекшихся и деформированных чирагов. Мастерская датируется XII—началом XIII вв. По предположению М. Н. Федорова и М. Х. Урмановой, она специализировалась в основном на выпуске светильников. Интересен массивный пест из литого стекла, довольно близкий по форме и размерам к современным. Вероятно, он применялся для растирания компонентов при изготовлении глазури.

Весной 1965 г. И. Ахраров обнаружил в юго-западной части Афрасиаба, близ четвертой городской стены три гончарные печи круглые в плане, единой конструкции. В 4 м к югу от печей расчищен большой керамический отвал, в котором найдены печные припасы, бракованная посуда, фрагменты керамики и стекла, куски шлака. В числе бракованных изделий выделяются тарелки, блюда, чаши, небольшие кувшины, светильники на подставке и без нее. Обнаружены также глазурованные кирпичики. По мнению И. Ахрарова, мастерская изготовляла строительные изразцы. По керамике печи датируются XII—началом XIII вв.²¹

В 1967—1968 гг. археологический отряд Самаркандского государственного университета открыл большой жилой комплекс и мостовую, вдоль восточного отрезка которой обнаружено хозяйство, связанное с гончарным производством. Севернее помещения № 8 и 9 расчищены остатки печи для обжига керамических изделий. Сохранилась лишь часть ее топочной камеры. Печь круглая в плане, внутренний диаметр 1,05 м, топочное устье шириной 40 см обращено на юг, толщина стен 50—85 см. Печь была сложена из сырцового кирпича размером 40×20×8 см и дважды ремонтировалась. В толще стены, которая местами была заполнена обломками кирпича, явно выделяются остатки ранней печи, что и говорит о двух периодах ее функционирования. В результате ремонта позднего времени диаметр камеры обжига уменьшился до 1,05 м. Пол печи, находящийся на одном уровне с полами помещений № 8 и 9 второго периода, заполнен золой и довольно большим количеством фрагментов поливной керамики, штырей и керамического шлака. Площадь между печью и помещениями № 8 и 9 приподнята до уровня пола печи наложением сырцового кирпича размером 40×20×8 см, западная часть площади устлана сверху обломками жженого кирпича. Под площадкой сохранились остатки канализационной трубы цилиндрической формы. В

²¹ И. Ахраров. К истории керамического производства на городище Афрасиаб, сб. «Афрасиаб», вып. I, стр. 301.

помещениях № 7, 8, 9 и на рабочей площадке обрабатывали глину и изготавливали керамические изделия. Мастерская функционировала в X—XI вв.²²

Южнее этой мастерской, начиная с раскопа 25/XVI, расчищены отвалы керамического производства, а затем и остатки двух гончарных печей. Первая печь небольшая, прямоугольной формы, с интенсивно ошлакованными стенками и, вероятно, была подсобной (для обжига фритты). Вторая печь круглая в плане, двухъярусная. В завале близ печи встречена масса фрагментов поливных блюд XI—XII вв. Интересна целиком бракованная партия сферических сосудов различных размеров, позволяющая определить расположение сосудов в печи. Обилие печного припаса (штырей, сепоя, коромыслиц) указывает на широкий ассортимент продукции. Все эти материалы указывают на то, что где-то вблизи находилась гончарная мастерская.

При строительстве музея истории Самарканда, где в котловане площадью 900 м² вскрыта группа помещений с внешней канализационной системой, а также отрезок улицы длиной 20 м, расчищены две двухъярусные, круглые в плане печи с обжигательными камерами диаметром 1,5—2,1 м и с десятью круглыми продухами по окружности стен. В печах найдены 20 глиняных штырей цилиндрической формы и четыре сепоя.

На площади раскопа частично расчищены четыре ямы, забитые жирной гумусной желто-зеленой глиной с большим количеством глазурованной поливной и стеклянной посуды IX — первой половины XI вв. В их числе — две целые поливные пиалы с диаметром устья 12 см и высотой 5 см. На бортиках пиалы — эпиграфический и растительный орнамент, вокруг венчика — надпись куфическим шрифтом: «Мухаммад Хамид». Возможно, это имя мастера. Здесь же найден целый кувшин с яйцевидным туловом на плоском поддоне, со стройной горловиной.

Результаты наблюдений и раскопок на котловане свидетельствуют об интенсивном обживании этой части Афрасиаба в IX—XI вв.²³ Раннесредневековые здесь представлено небольшим количеством керамики и архитектурных остатков, обнаруженных в наслоениях на глубине 6 м от современной поверхности земли. Открытую гончарную печь можно датировать XI—XII вв.

В 1970—1971 гг. Ш. С. Ташходжаев открыл в северной части городища, недалеко от мавзолея Ходжи-Данияра новую гончарную мастерскую. Печи мастерской датируются III—IV вв. При расширении раскопок к югу были раскопаны еще две гончарные печи, относящиеся к V—VII вв. Во время раскопок найдено большое количество выразительной неполивной керамики III—VII вв.

²² М. Д. Джуракулов, Я. К. Крикис. Археологические исследования Самаркандского государственного университета на западной части городища Афрасиаб, Труды СамГУ, новая серия, вып. 182, Самарканд. 1970, стр. 37

²³ М. Садиев. Археологические наблюдения на строительстве музея истории основания Самарканда, сб. «Афрасиаб», вып. 2, Ташкент, 1973, стр. 97.

Суммируя археологические данные предшественников и основываясь на многолетнем изучении гончарных мастерских в различных частях Афрасиаба, мы выделяем восемь кварталов керамистов и гончарных мастерских разных периодов.

1. Гончарная мастерская античного времени в северной части городища, под соборной мечетью. Здесь открыта только одна гончарная печь (раскопки Я. К. Крикиса). Площадь квартала перекрыта мощным культурным слоем последующих периодов, что затрудняет изучение квартала в целом, эта задача — дело будущего.

2. Раннесредневековый квартал гончаров в северо-восточной части городища, возле мавзолея Ходжи-Данияра, внутри второго кольца оборонительной стены. Здесь обнаружено несколько мастерских с печами, относящимися к разным периодам (раскопки А. И. Тереножкина, Е. Б. Пругера, Ш. С. Ташходжаева).

3. Квартал гончаров IX—X вв. в западной части городища, к западу от центрального квартала, между второй и третьей стенами. В квартале открыта одна гончарная печь, находившаяся под третьей оборонительной стеной, (раскопки В. Л. Вяткина, М. К. Пачоса).

4. Квартал гончаров X—XII вв. в центре городища, восточнее центрального канала, между второй и третьей стенами. По площади этот квартал является самым большим и полностью изученным (Ш. С. Ташходжаев, Ш. Шарахимов).

5. Квартал гончаров в северо-западной части городища. Здесь исследовано несколько гончарных печей и подсобных помещений, которые датируются концом X—началом XI вв. (С. К. Кабанов, Г. В. Шишкина).

6. Гончарная мастерская в западной части городища между современной шоссейной дорогой и четвертой оборонительной стеной. В мастерской обнаружено несколько гончарных печей XII—начала XIII вв. с большими керамическими отвалами (И. Ахраров).

7. Гончарная мастерская в юго-западной части городища, южнее третьей оборонительной стены. Здесь открыто 10 гончарных печей и несколько подсобных помещений XII—начала XIII вв. (В. Д. Жуков).

8. Гончарная мастерская в южной части городища, на месте ансамбля Шахи-Зинда. Вскрыта только одна гончарная печь XII—начала XIII вв. и найдено большое количество высококачественной поливной керамики (Н. Б. Немцева).

Разрозненные печи гончаров-одиночек отмечены во многих местах городища.

Местоположение керамических мастерских на территории городища не было постоянным. Например, квартал гончаров IX—X вв. находился на западном берегу центрального канала, между второй и третьей оборонительными стенами, а в X—XI вв. он обосновался в центре городища. В XII—начале XIII вв. гончар-

ные кварталы переместились на юго-запад, юго-восток и на юг. Видимо, городские власти постепенно вытесняли ремесленников к окраине города. Такое продвижение кварталов прослеживается и в Мерве²⁴.

Большинство мастерских были узко специализированы. Так, гончарная мастерская IX—X вв., расположенная в западной части центрального канала, выпускала только неполивную керамику.

Пока остаются неизвестными керамические печи, выпускавшие раннюю поливную керамику VIII—IX вв.

Исследованные нами гончарные хозяйства X — первой половины XI вв. изготавливали только высококачественную поливную посуду разных форм. Северо-западная гончарная мастерская выпускала только очажки и котлы.

Западная мастерская специализировалась на выпуске поливных изразцов. Южная производила дорогую фаянсовую и люстровую посуду, а юго-западная мастерская — очажки, котлы, крышки и др. Гончарная мастерская, выпускавшая светильники-чираги, обнаружена в 45 м к востоку от четвертой крепостной стены. Кроме того, в северной и юго-восточной частях городища открыты кирпичеобжигательные печи.

Топографическое изучение городища Афрасиаб показало, что хозяйства гончаров располагались в определенных кварталах. Составлена археологическая карта городища с указанием места расположения восьми кварталов гончаров и гончарных мастерских.

²⁴ С. Б. Лунина. Гончарное производство в Мерве X — начала XIII вв., ТЮТАКЭ, т. XI, стр. 217.

М. СААДИЕВ

ФРАГМЕНТ ШТАМПОВАННОГО СОСУДА С ЗООМОРФНЫМ ИЗОБРАЖЕНИЕМ ИЗ НАСЛОЕНИЙ АФРАСИАБА

При вскрытии большой соборной мечети X—XIII вв. в северной части городища Афрасиаб обнаружен фрагмент штампованного сосуда из серой глины без ангоба с зооморфным изображением (рисунок). Сохранился фрагмент плечика при переходе его в горловину. Вся внешняя поверхность фрагмента расчленена на вертикальные заполненные чередующимися орнаментальными мотивами полосы, границы которых отмечены двойной линией. Один из них — простая насечка косыми пересекающимися линиями.

Изображения сохранились на трех полосках, из них на крайнем лишь признаки его, которые позволяют опознать вписанное в среднюю полосу изображение, полностью сохранившееся, на наш взгляд, элемент орнамента — зверь кошачьей породы хватает свою жертву — лань.

Зверь дан несколько условно: утолщенная передняя часть тулова, непропорционально большая голова с разинутой пастью, очень тонкие передние и толстые и короткие задние лапы. Над всей спиной изогнутый хвост. На тулово нанесены треугольные вдавления, видимо, изображающие шерсть. Глаз миндалевидный, уши короткие, стоячие. Возможно, это изображение хищника—льва.

Фрагмент штампованного сосуда с зооморфным изображением

Зверь передними лапами упирается в шею полуповерженной перед ним лани (голова ее не различается), с довольно массивным туловом, неясными очертаниями горба (?) и закинутым к нему хвостом. На ногах признаки копыт. На туловище нанесены вертикальные полосы. Фон заполнен выступающими треугольниками, клиньями, овалами и их комбинациями.

Мечеть, на полу которой найден фрагмент сосуда, дважды капитально перестраивалась — в X и XIII вв., при хорезмшахе Мухаммеде. Поскольку фрагмент найден на полу помещения последнего строительного периода, его можно датировать XIII в.

Орнаментальный мотив охоты хищных зверей на травоядных распространен на Востоке еще с III тыс. до н. э. и трактуется исследователями как проявление дуализма¹. Известен персепольский рельеф с изображением льва, убивающего быка. Эта сцена отражает какие-то космогонические представления или символизирует могущество царя². В мифологии народов Востока излюбленным являлось сражение героев со львом.

Изображение льва, убивающего травоядное животное, нашло отражение в резном панно дворца термезских правителей³, серебряном блюде из деревни Половодов⁴, на корчагах с Афрасиаба⁵. По мнению М. М. Дьяконова, подобные изображения в XII—XIII вв. не имели символического значения и были лишь излюбленным декоративным мотивом⁶.

На Афрасиабе существовало собственное производство штампованной керамики. Это подтверждается вскрытием в квартале гончаров небольшого количества готовой штампованной посуды, калыбов, печного инвентаря и пр.⁷ Исследование Е. А. Давидович⁸ надписей на двух самаркандских кувшинах из коллекции Музея восточных культур, изготовленных штампом, позволило датировать их XIII в.

Таким образом, вышеописанная находка еще раз доказывает, что керамисты средневекового Самарканда обладали высоким мастерством, возможным лишь в условиях развитого городского ремесла.

¹ И. В. Брагинский. Из истории таджикской народной поэзии, М., 1956, стр. 49, рис. 2.

² Ричард Фрай. Наследие Ирана, Перевод с английского, М., 1972, рис. 27.

³ М. Е. Массон. Городища старого Термеза и их изучение, Труды УзФАН СССР, вып. 2, ТАКЭ, 1936, стр. 46.

⁴ И. А. Орбели, К. В. Тревер. Сасанидский металл, М.—Л., 1935, стр. 33, табл. 26.

⁵ В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда, Ташкент, 1927, стр. 33—35, табл. 11.

⁶ М. М. Дьяков. Бронзовый водолей 1206 г. н. э. III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии, М.—Л., 1939, стр. 47.

⁷ В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище..., стр. 32—35; Л. И. Альбаум. О гончарном производстве на Афрасиабе в X—XI вв., сб. «Афрасиаб», вып. II, Ташкент, 1969, стр. 256—264.

⁸ Е. А. Давидович. Два самаркандских кувшина с датой и именем мастера в надписи, КСИИМК, вып. 80, 1960, стр. 109—113.

Э. Ю. БУРЯКОВА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ И НАБЛЮДЕНИЯ В РАБАДЕ САМАРКАНДА IX—X вв.

Рабад, формировавшийся первоначально как пригород за стеной городских центров, в период развивающегося товарного производства благодаря росту в нем ремесленных кварталов и торговых пунктов становится неотъемлемой органической частью средневекового города Средней Азии IX—X вв. Сюда зачастую перемещаются дворцы и замки знати, административные органы управления, что превращает рабад в центр и экономической, и политической жизни города¹. Поэтому история развития средневекового города не может быть понята без изучения его рабада.

Крупнейший город Мавераннахра IX—X вв.— Самарканд. Несмотря на то, что официальной столицей саманидского времени была Бухара, Самарканд отмечается как ведущий торгово-экономический центр, составной частью которого являются обширные рабады, детальное описание которых приводится у восточных географов IX—X вв.— Ибн ал Факиха, Истахри и Ибн Хаукаля².

Первая характеристика самаркандского рабада на основе письменных источников предпринята В. В. Бартольд³. Сопоставление данных восточных географов с археологическими материалами позволило М. Е. Массону наметить динамику развития и топографию отдельных составных частей Самарканда⁴. Последнее наиболее полное описание самаркандского рабада с анализом сведений исторических хроник принадлежит О. Г. Большакову⁵.

¹ А. Ю. Якубовский. Феодалное общество Средней Азии и его торговые связи с Восточной Европой, Труды МАИ, Л., 1932, стр. 4—5.

² Ибн ал Факих. Китаб ал-булдан, BGA, v. 5, p. 325—326; Истахри. Китаб ал масалик ва мамалик, BGA, v. 1, p. 317; Абуль Касым ибн Хаукаль. Пути и страны. Извлечение Е. К. Бетгера, Труды САГУ им. В. И. Ленина. Археология Средней Азии, IV, Ташкент, 1957, стр. 14—15.

³ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, Сочинения, т. 1, М., 1963, стр. 132—144.

⁴ М. Е. Массон. К периодизации древней истории Самарканда, ВДИ, М., 1950, № 4.

⁵ А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков. Средневековый город Средней Азии, Л., 1973, стр. 219—232.

Однако все эти работы лишь подчеркивают необходимость проведения археологических исследований на территории рабада, без данных которых невозможно решение вопросов о времени формирования и роли его отдельных частей в жизни города. Согласно источникам, территорию рабада можно рассматривать в двух планах: с одной стороны, к рабаду относилась обширная площадь, заключенная в пределах внешней «большой» стены Самарканда, длина которой определялась в 12 фарсахов. В то же время отмечалось, что рабадом следует считать лишь наиболее густо застроенную часть этой территории⁶. Из этого следует, что «большая стена» практически охватывала более широкую площадь, чем рабад. Сюда включались посеы и разреженная застройка. Однако называлась она стеной рабада, так как последний не имел специальных стен. Где же она проходила? В. Л. Вяткин и В. В. Бартольд отождествляют ее с руинами вала Девори-Кыёмат или Кундаланг, охватывающего площадь около 10 000 га⁷. Однако М. Е. Массон разделяет эти стены⁸, так как Кундаланг («стена-поперечник») находилась внутри Девори-Кыёмат, в ее юго-западной части поперек последней и за пределами «поперечника» еще оставалась территория внутри Девори-Кыёмат.

В связи с необходимостью изучения динамики развития рабада с 1969 г. Самаркандским археологическим отрядом были проведены раскопки стен рабада и отдельных участков внутри него, особенно в центрах наиболее плотной застройки.

По данным средневековых авторов, рабад и шахристан располагались так, что «согдийская река» протекала между ними. «Стена этого рабада,— пишет Ибн Хаукаль,— тянется с противоположного берега согдийской реки от местности, известной под названием Афшины, мимо ворот Кухак, пока не обойдет Варсанин, затем огибает ворота Фенек, ворота Ривдад, затем тянется до ворот Фаррухшид и дальше до ворот Гадавад и затем снова подходит к реке. Последняя является своего рода рвом для рабада с северной стороны. Размер окружающей рабад стены два на два фарсаха. Тем не менее тем местом, откуда пользуется водой рабад и где сосредоточены все базары, является «голова свода». Далее к рабаду подходят базары, улицы и кварталы, а в свободных его местах расположены равные пространства с замками и садами. За небольшим исключением нет ни одной улицы и ни одной усадьбы, где бы не было проточной воды и лишь при немногих домах нет сада»⁹.

Описанные Ибн ал Факихом ворота в стене, окружавшей рабад, при Ибн Хаукале уже не имеют ни деревянных, ни железных ство-

⁶ Этот факт отмечен О. Г. Большаковым. См.: А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков. Средневековый город..., стр. 223.

⁷ В. Л. Вяткин. Материалы к исторической топографии Самаркандского вилайета, СКСО, вып. VII, Самарканд, 1902, стр. 21; В. В. Бартольд. Туркестан..., стр. 139.

⁸ М. Е. Массон. К периодизации..., стр. 58.

⁹ Абуль Касым ибн Хаукаль. Пути..., стр. 15.

рок по причине происходивших здесь смут, из-за которых правитель приказал снять ворота¹⁰.

Относительно времени ее постройки мнения исследователей неоднородны. Несефи относит возведение стены ко времени полумифического правителя Абу Ну'мана. Временем Абу Муслима датируется строительство в 752—753 г. стены на протяжении 7,5 фарсахов. Она снабжена зубцами и сторожевыми башнями. Высота в 4 гяза¹¹. Если учесть, что длина всей стены 12 фарсахов, то можно считать, что Абу Муслимом строилась лишь часть стены. По Якуби, «большая стена Самарканда» восстановлена по приказу Харуна ар-Рашида¹². Эти сведения позволяют утверждать, что стена имела не один период функционирования, отдельные ее части восстанавливались и строились в разное время. Поэтому наряду с изучением территории внутри стены большое внимание уделялось раскопкам Девори-Кыёмат.

Частичная расчистка ее южных ворот проводилась В. А. Нильсеном. Ворота с выступающими башнями. Ширина прохода 3,05 м, примерно, 3—4 гяза. Вероятно, здесь и стояли две створки внешних ворот, описываемые средневековыми авторами. Длина прохода от башен 20 м. Значит предвратные сооружения были довольно мощными. При расчистке сохранились остатки двухэтажных помещений для стражи с лестничным ходом на башни. Внутри проход завершался новыми утолщениями пилонов — вторыми, т. е. внутренними, двустворчатыми воротами.

Таким образом, сохранившиеся участки ворот подтверждают сведения Ибн ал Факиха о двойных воротах внешней стены¹³.

Предвратные сооружения и башни сложены из крупноформатного сырцового кирпича размером $42-47 \times 22-28 \times 8-9$ см и крупных пахсовых блоков размером $100 \times 70 \times 70$ см. Кладка характерна для VIII—IX вв., когда на смену крупному стандарту приходит более мелкий и кирпич становится тоньше, чем в VI—VII вв. Характерно и распространенное в пору раннего феодализма сочетание пахсовой и сырцовой кладки.

В 1969 г. в 25 м западнее южных ворот сделан разрез стены¹⁴. Высота вала 3,8, ширина у основания 13 м. Разрез шириной 1 м позволил выяснить, что кладка на данном участке монолитна, стена сложена из глинобитных блоков различной толщины — $25 \times 25 \times 17$, $30 \times 30 \times 20$ и $40 \times 30 \times 30$ см (рис. 1, 2). Глина с обильной примесью мелкого галечника. В теле стены встречен фрагмент сырцового

¹⁰ Там же, стр. 15.

¹¹ Кандия Малая. Перевод В. Л. Вяткина, СКСО, вып. VIII, Самарканд, 1906, стр. 242—250.

¹² Якуби. Китаб ал-булдан. Цит. по кн.: В. В. Бартольд. Туркестан..., стр. 136.

¹³ Прием возведения двойных ворот характерен не только для большой стены Самарканда. Для более позднего времени мы видим двойные ворота в Хиве из Ичанкалы в Дишанкалу, где между ними располагались торговые лавки и даже караван-сарай.

¹⁴ Раскопки проводились Ю. Ф. Буряковым и М. М. Тагиевым.

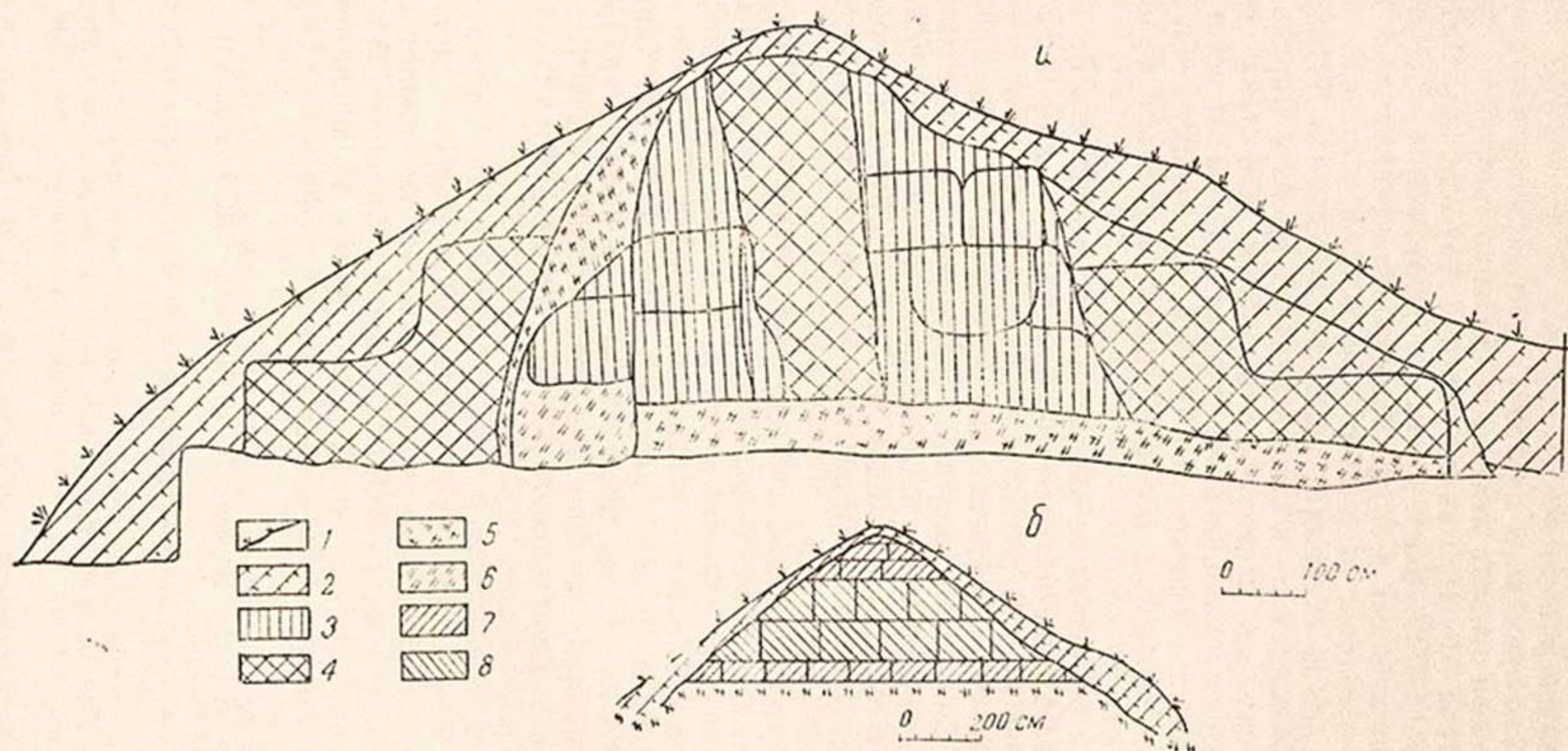

Рис. 1. Разрез северной (а) и южной (б) стен Девори-Кыёмат:

1—деревянный слой; 2—плиты; 3—пахса; 4—забутовка с щебенкой; 5—щебенка; 6—гудоля; 7—мелкие пахсовые блоки; 8—крупные пахсовые блоки

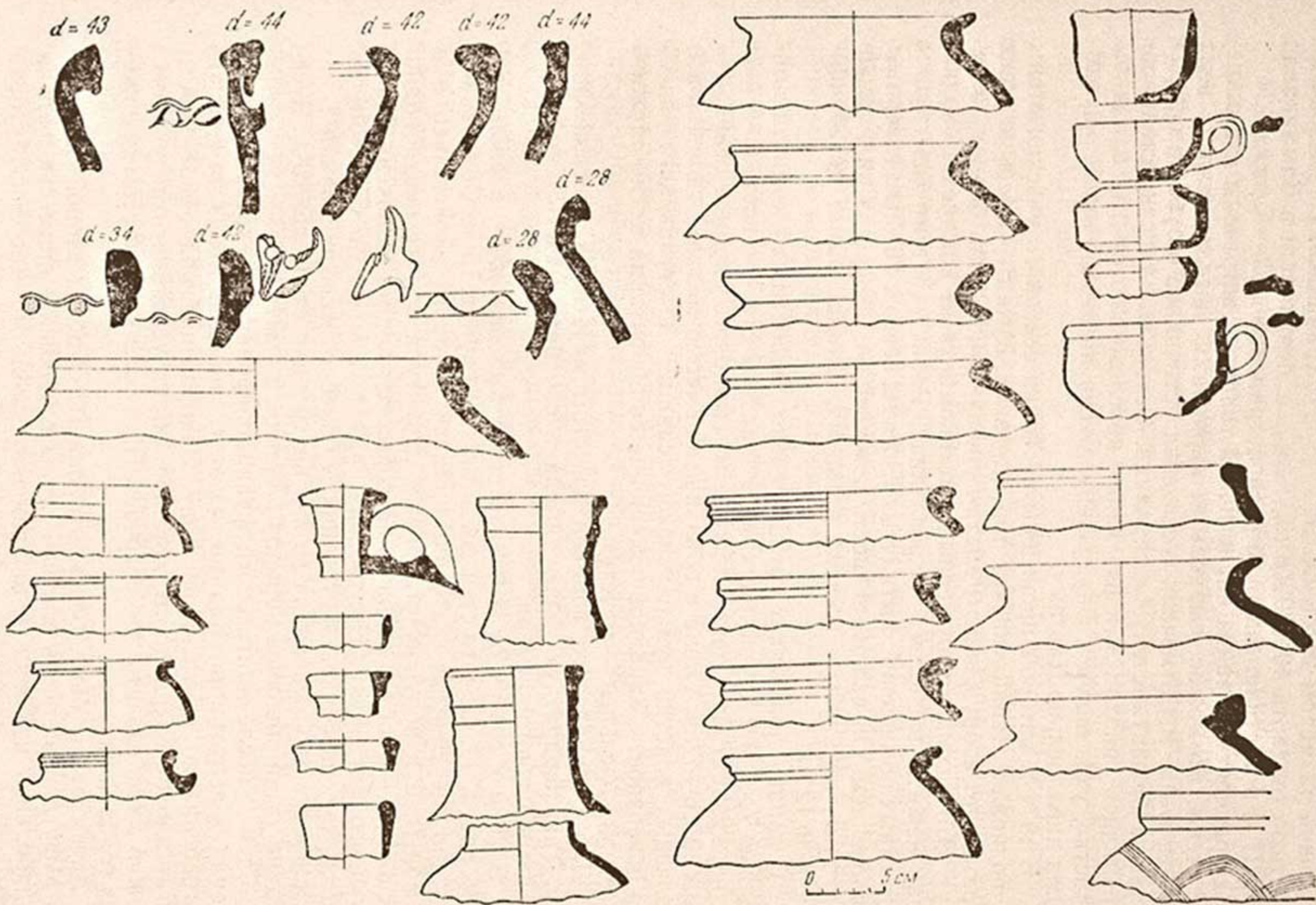

Рис. 2. Керамика с Девори-Кыёмат

кирпича размером 20×8 см. Длина не сохранилась. Не был ли он частью стандарта $40 \times 20 \times 8$ см, который появляется в Самарканде с VIII в. и получает широкое распространение в IX—X вв.?

Фрагменты кирпича аналогичной толщины встречены и в оплыве стены. Возможно, сырцовыми кирпичами выкладывался верх стены. Выше мы отмечали сообщения источников о зубцах, оформлявших большую стену Самарканда. Остальные участки стены сохранились плохо. Следы вала прослеживаются на западном участке, уходившем к Зарафшану. Стена на этом участке проходила параллельно Даргому.

В 1974 г. автором проведены раскопки северного участка стены у подножья Чупанатинских гор (древний Кухак). Здесь к стене примыкает сооружение «Рабати-газиён» — «крепость борцов за веру». Это сильно разрушенный многокомнатный комплекс, входивший некогда в систему укрепления. Рабат состоит из группы огромных помещений, вытянутых с юга на север с 20° -ным северным склонением. Он включает шесть помещений. Четыре из них, самые крупные, вытянуты с востока на запад. Длина комнат до 25, ширина до 12 м.

С запада примыкает относительно небольшая комната площадью 7×7 м с двумя нишками в западной стене, с востока — еще одна, квадратная. Стены сложены из сырцового кирпича стандарта $40 \times 20 \times 6-7$ см. Глина с обильной примесью мелкого галечника и толченых пластин чупанатинского сланца, выступающего здесь на поверхность. Западное помещение по ориентации могло служить местной молельней — мечетью.

Для саманидского времени известны мечети квадратной формы. Так, квадратную форму имела и соборная мечеть Самарканда саманидского времени.

В 20 м к северу от рабада в стене был заложен раскоп № 1 (см. рис. 1, 1). Высота стен достигала 4, ширина 15 м. Основанием служил щебенчатый материк, примеси которого включались и в ремонты, и в подушку стилобата. Структура стены неоднородна. Основа ее — двойная стена из пахсовых блоков без включений датирующего материала. Наружный край с уклоном до 65° стоит на материке — щебенке, внутренний — более отвесный. Толщина наружной стены у основания до 2,6, внутренняя стена до 1,5 м. В середине узкий обводной коридор шириной 1,5 м.

Стена после длительного функционирования некоторое время стояла в запустении. Видимо, на этот период приходится детское погребение во внутреннюю стену. Захоронение подбойное. Кости очень плохой сохранности, детально обряд установить не удалось, можно лишь сказать, что погребенный лежал в вытянутом положении головой на север.

Затем стены были отремонтированы. С обеих сторон они взяты в футляр из очень плотной глины с обильной примесью гальки и дробленой щебенки. Одновременно такой же массой забутован

коридор. Получился монументальный вал. Фактура строительного материала ремонта идентична Рабати-газиён.

На каменистом всхолмлении внутри стены примерно в 100 м к западу от первого раскопа заложен стратиграфический шурф 4×1 м — раскоп № 2, опущенный на глубину 1,2 м сверху до глубины 60 см. Здесь были расчищены обломки керамического шлака и ошлакованные кирпичики, слои золы и угля. Не исключено, что это отвал керамической печи, включающий обломки ее стенок. Ниже найдено скопление неглазурованной керамики, характерной для VII—VIII вв.

Раскоп № 3 заложен между первым и вторым в 20 м к востоку от раскопа № 2 на месте шлаковых скоплений, вероятно, остатков керамического производства. Площадь потревожена бульдозерной зачисткой территории. В раскопе размером 2×4 м расчищены комья обожженной земли, оплавленных кирпичиков, возможно, сломанные стенки гончарной печи, а также собрано несколько сотен фрагментов неглазурованной керамики, изготовленной на гончарном круге (см. рис. 2): открытые котлы — горшочки с валикообразным и клювовидным завершением. Данная форма котлов характерна для Афрасиаба VIII—IX вв. н. э. Большим количеством представлены тонкостенные кружечки с петлеобразной ручкой, завершающейся налепом в виде стержня или пуговички, горшочки (рис. 2, 12—15), кувшины с узкой высокой горловиной, от верхней части которых на плечико опускаются массивные ручки. Тулово украшено прочерченными параллельными и волнистыми линиями. Обильно представлены тазообразные сосуды типа тагора. Интересны обломки игрушек — терракотовые погремушки с прорезами, в которые насыпались гальки, головка козла или бычка с большими рогами, обломок глазурованного сосуда с бракованной поливой. Если такая форма, как тагора и кувшин, имеет довольно широкий хронологический диапазон, то подобные кружечки характерны для второй половины VIII—начала IX вв. Для этого же периода свойственны и ранние формы глазурованной керамики с расплывающимися пятнами. Таким образом, весь комплекс можно датировать VIII—IX вв.

Следовательно, стена на севере в противоположность южному участку имеет не менее двух этапов жизни. Второй этап можно связать со строительством «Рабати-газиён» (с которым объединяет однородная фактура строительного материала), возводившегося, вероятно, в VIII в. н. э.

Вероятно, к этому периоду его жизни относится и функционирование поблизости гончарной мастерской, выпускавшей в основном неглазурованную посуду, характерную для Самарканда VIII—IX вв.

Гораздо сложнее обстоит вопрос с первым этапом. Первоначальная стена возведена из пахсы, датирующий материал отсутствует. Сама по себе пахса датирующим материалом не является, так как пахсовые блоки используются в выкладке крепостных

стен с рабовладельческой эпохи. Так, из пахсы выложены стены укрепления и здание в цитадели Калалыгыр в Хорезме IV в. до н. э.¹⁵

На древность северной стены Девори-Кыёмат указывает находка в одном из ее отрезков близ Рабати-газиён в 1921 г. М. Е. Массоном могилы с погребением в сидячем положении. Камера была обложена сверху двумя рядами плиток из жженого кирпича, уложенного плашмя¹⁶. По аналогии с парфянскими погребениями новой Нисы она датируется IV в. или несколько более поздним временем¹⁷.

Но погребение сделано, когда стена находилась в запустении, значит ее возведение следует датировать более ранним временем. Найденное нами в ранней основе стены детское захоронение также подтверждает датировку М. Е. Массоном северного участка стены рабовладельческим временем. На южном участке в это время границей города могла являться входившая в эту систему стена Девори Кундалянг¹⁸.

Последующая перестройка стен, относящаяся к VIII в., не изменила северного участка, так как здесь некуда расширяться, ибо каменистые площади Кухака (Чупанаты) невозможно освоить. Но на юге с удобными лессовыми территориями, орошаемыми водами каналов, площадь расширена почти до Даргома. Здесь в VIII в. была построена новая стена, в результате чего ранний участок стены остался внутри присоединенных, получив свое название Кундалянг — «поперечник». Поэтому на северном участке стена имеет двойную структуру, а на южном одинарную.

Одновременно с раскопками стен проводилось изучение территории внутри них. Обследование участков к северу от Афрасиаба показало, что холмистая местность обжита довольно слабо. В 325° от цитадели на одном из холмов Ю. Ф. Буряковым и Г. В. Шишкиной расчищено помещение со стенами из сырцового кирпича размером 40×20×8 см, двумя уровнями полов и хозяйственной ямой. В яме найдена медная монета и комплекс керамических, стеклянных и металлических изделий. Монету прочитывать не удалось, поэтому основной датирующий материал — керамические изделия.

Сосуды изготовлены на гончарном круге. Глазурованная посуда — полусферические чаши на дисковидном поддоне с углублением к центру. Глазурь глухая, темно-зеленая. И форма, и глазурь

¹⁵ Кой-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э., ТХАЭЭ, т. V, М., 1967, стр. 32, 42—43.

¹⁶ М. Е. Массон. Могила с одиночным погребением в сидячем положении в стене Девори-Кыёмат в Самарканде, ИТОРГО, т. XVII, Ташкент, 1924, стр. 161—163.

¹⁷ М. Е. Массон. По поводу далекого прошлого Самарканда, сб. «Из истории искусств великого города», Ташкент, 1972, стр. 35.

¹⁸ М. Е. Массон. К периодизации..., стр. 158.

характерны для IX в. Неполивные сосуды — небольшие одноручные кувшинчики с широким устьем, крупные кувшины и горшки с широким горлом и профилированным венчиком, вертикальной ручкой и без нее. Интересны сероглиняные кувшины с высоким узким цилиндрическим горлом и вертикальной ручкой, с налетом-пуговкой сверху, крупные сосуды хумы и хумча со слегка выделенной горловиной. Следует отметить крышку тарелкообразной формы с расширяющейся вверху ручкой-стержнем в центре.

Стеклянные изделия представлены тонкостенным крупным графинем с округлым туловом, цилиндрической горловиной и ажурной гофрированной закраиной, округло расширенной кверху. Кроме того, встречены крошечный стеклянный горшочек (либо игрушка, либо сосуд парфюмерного назначения), стеклянная колба. В яме найдены два железных однолезвийных черешковых ножа с утолщенной спинкой, бронзовые бляшки, керамический шлак. Судя по стандарту кирпича и керамическому материалу, комплекс можно датировать IX—началом X вв. Находки последующего времени редки и случайны.

Подобная же картина наблюдается и к востоку от шахристана. Раскопом 1968 г. вскрыты часть дворики, вымощенного ровным чупанатинским камнем, и под ним глинобитные стены помещения толщиной 1,6 и высотой 0,5 м с керамическим материалом VIII—IX вв. Такой же материал обнаружен далее к северо-востоку близ Девори-Кыёмат. Эти материалы — свидетельство слабого обживания участков к северу и востоку от шахристана.

Восточной границей рабада, вероятно, являлся Оби Машад, где во дворах жителей прослежены остатки стены, включающей материал двух эпох — квадратный сырцовый кирпич размером $24 \times 24 \times 5$ и $40 \times 20 \times 8$ см и проходившей по левому берегу Оби Машада.

Юго-восточную границу саманидского рабада проследить трудно. Судя по описанию ученых XII в., мавзолей Абди-Дарун находился внутри густообжитого рабада. Однако наблюдения за строительством современных зданий близ Ишратханы и Абди-Даруна показывают, что материал нижних слоев в основном относится к XI—XII вв. Рядом с мавзолеем кладбище, тянувшееся вдоль стены на юг, восток и запад и как бы ограничивающее пригородные площади с юго-востока. Вероятно, границы рабада IX—X вв. проходили западнее, а в XI—XII вв. территория в этом направлении несколько расширилась вверх вдоль каналов, протекавших с юго-востока.

С целью изучения культурных наслоений в южных районах в 1974 г. в восточной части холма близ мавзолея Гур-Эмир заложили разрез размером $3,5 \times 1$ м на глубину 4 м до материка. Выявилось, что культурный слой на всю глубину перемешан большим количеством могильных ям с мусульманским обрядом захоронения. В переотложном слое найден фрагмент чаши, покрытой мутно-серой глазурью, расплывающейся голубоватой полосой с

заполнением из крупных точек «гравировкой». Она характерна для конца VIII—IX вв. Остальная найденная керамика датирована концом XVIII—XIX вв. Итак, южную границу условно можно провести по району Ильмабада близ Гур-Эмира, где сплетение улиц заставляет наметить ворота, от которых улицы расходятся пучком на север.

Юго-западная граница густого обживания — канал Навадон. При наблюдении за строительно-планировочными работами здесь получен обширный материал в виде керамики, стекла, монет VI—XII вв.¹⁹ Вероятно, поселение близ города появилось еще в середине I тыс. н. э., а затем в IX—XII вв. оно превратилось в интенсивно обжитый рабад. Здесь найдена масса стеклянной и неглазурованной керамической посуды, особенно X—XI вв. н. э. (рис. 3). Далее к северу расчищены остатки ювелирной мастерской X в., небольшой печи с углублением — ямкой диаметром 15 см, обложенной жженым кирпичом размером $31 \times 19 \times 5$ и $34 \times 14 \times 5$ см. Печь устьем к востоку. С юга кубур для поддувания воздуха с помощью мехов. На полу близ печи фрагменты белофонного глазурованного сосуда, покрытого красными точками, и часть талькохлоритового котла.

Интересна находка двух пар бронзовых щипцов длиной 20 и 22 см, поделки в виде стержня из ажурных пластин с окончаниями. У одних щипцов рожек двойной, средняя часть — расширена. Стенки украшены рельефным орнаментом в виде глазков и их скоплений, разделяемых рельефным вертикальным бордюром из строенных полос. Изделия по форме похожи на щипцы для снятия нагара со свечей. Назначение их в данном комплексе не совсем ясно.

Сосредоточение всей общественной жизни — южный участок, включающий ныне площадь Регистан. Культурные слои на данной территории в некоторых местах уходят на глубину 8 м и свидетельствуют об интенсивном обживании ее, особенно с VIII по XIX вв. Это подтверждается материалами раскопок А. И. Тереножкина в 1947 г., а также автора и Ю. Ф. Бурякова в 1969—1971 г. на участках к востоку и северу от Регистана²⁰.

Стратиграфические разрезы, заложенные в 1974 г. к западу от медресе Улугбека, дали материал с X по XIX вв., характеризующий ранний период освоения территории в основном вдоль каналов и естественного русла, пересекающего площадь с С-В на Ю-З. Это фрагменты керамики открытого типа (коса и тарелки), покрытые белой поливой под бесцветной глазурью со стилизованными надписями, выполненными коричневой краской, раститель-

¹⁹ Э. Ю. Бурякова, Ю. Ф. Буряков. Новые археологические материалы к стратиграфии средневекового Самарканда (по раскопкам площади Регистан в 1969—1971 гг.), сб. «Афрасиаб», вып. II, Ташкент, 1973, стр. 213—214.

²⁰ Там же, стр. 175, 180, 218.

ным стилизованным орнаментом в виде букв и оконтуровок с точечным заполнением и рисунком, выполненным белым и оливковым цветом на ярко-коричневом фоне. Здесь же фрагменты открытых форм с темно-зеленой поливой и процарапанным стилизованным орнаментом по белому фону под бесцветной глазурью, а также граненные, покрытые ярко-голубой поливой.

Таким образом, историческая топография домонгольского Самарканда показывает, что город не ограничивался пределами городища Афрасиаб. Территория рабада частично охватывает его северные и восточные районы. Особенно плотно обжита территория к юго-западу и югу от Афрасиаба. Эти площади в X — начале XIII вв. стали сосредоточением ремесленных мастерских и базаров Самарканда. После же разрушения шахристана татаро-монголами в начале XIII в. сюда перемещается центр городской жизни, интенсивно развивающийся вплоть до наших дней.

Т. С. ЕРНАЗАРОВА, Б. Д. КОЧНЕВ

МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ ТОРГОВЛИ И ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ САМАРКАНДА В IX—X вв.

Общеизвестно, сколь большое значение имел раннесредневековый Самарканд не только в среднеазиатской, но и в мировой торговле. С образованием арабского халифата изменились политические границы и отчасти торговые пути, но Самарканд продолжал оставаться крупным торговым центром и в VIII в., и в период вхождения в состав государства Саманидов.

Большинство сведений письменных источников об основных статьях самаркандской торговли в IX—X вв. уже давно введено в научный оборот. Конкретизировать, углубить и во многом дополнить сведения об импорте в Самарканд могла бы работа по выявлению среди огромных коллекций находок с территории средневекового Самарканда привозных вещей.

Такая работа, несомненно, необходимая для выяснения не только торговых, но и культурных связей Самарканда, еще не проделана. Следовательно, достаточно полная картина самаркандской торговли в IX—X вв. пока и не может быть воссоздана. Поэтому в настоящей статье вопросов торговли приходится касаться лишь постольку, поскольку они освещаются нумизматическими данными. Для характеристики же денежного обращения монетные находки дают гораздо более важный материал.

Одной из основных целей данной статьи и является попытка свести воедино как опубликованные, так и неизданные сведения о находках монет IX—X вв. на территории Самарканда. Эта сводка, конечно, не является абсолютно полной. Часть коллекций не могла быть изучена по не зависящим от авторов обстоятельствам, многие находки безвозвратно утеряны. Достаточно сказать, что полстолетия назад В. Л. Вяткин говорил об «огромном количестве» самаркандских монет, встречавшихся по всему Афрасиабу и в его окрестностях¹. Между тем, в научной литературе имеется всего лишь несколько конкретных упоминаний о находках, сделанных к тому времени. Если только один раскоп на Афрасиабе

¹ В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда, Ташкент, 1927, стр. 19.

(№ 9) дал 60 монет IX—X вв., то можно представить, сколько их было найдено в ходе довольно широких, но далеко не всегда отвечающих научным требованиям дореволюционных раскопок. Несмотря на неполноту материала мы постараемся отразить характер денежного обращения Самарканда в IX—X вв., приведя сначала список монетных находок этого времени, сделанных не только на Афрасиабе, но и на территории Самарканда, поскольку в средние века этот город не был ограничен лишь территорией Афрасиаба.

Упомянутые в списке монеты хранятся в Институте археологии АН УзССР, Институте искусствознания им. Хамзы, Музее истории народов Узбекистана им. М. Т. Айбека в Ташкенте, в Музее истории искусства и культуры УзССР и Музее истории Самарканда в г. Самарканде, в нумизматическом отделе Государственного Эрмитажа, на кафедрах археологии ТашГУ и СамГУ. Клады и отдельные находки были определены В. Л. Вяткиным, Т. С. Ерназаровой, Б. Д. Кочневым, М. Е. Массоном, И. А. Сухаревым, М. Н. Федоровым, Г. А. Федоровым-Давыдовым, В. А. Шишкиным, Г. В. Шишкиной. В списке монетных находок названы только те из перечисленных лиц, кто определял клады.

Поскольку саманидские монеты изучены довольно полно, не имело смысла приводить описание каждой монеты, так как это увеличило бы объем статьи во много раз. Приводятся описания лишь тех монет, которые не опубликованы или редки.

Золото

Клад № 1

Единственный в Самарканде клад золотых монет саманидского времени найден на ул. Дагбитской близ здания автодорожного техникума.

Первоначально клад содержал 65 монет, из них 63 попали в Музей истории культуры и искусства УзССР, где и хранятся в настоящее время (№ 8523—8585). Эти 63 динара обработаны и опубликованы Г. А. Федоровым-Давыдовым², поэтому приводим только список монет и суммарную характеристику клада.

Аббасиды

А л-М у к т а д и р б и-л-л а х (295/908—320/932)

1. Мухаммадийа, 311/923—924 г.
2. Мухаммадийа (?), 312/924—925 г.

² Г. А. Федоров-Давыдов. Клад золотых монет X в. из Самарканда, «Историко-археологический сборник», М., 1962, стр. 175—189.

Тулуниды

Хумаравайх б. Ахмад (270/884—282/896)

3. Миср, 273/886—887 г.

Харун б. Хумаравайх (283/896—292/905)

4. Миср, 289/901—902 г.

Саманиды

Исмаил б. Ахмад (279/892—295/907)

5. Шаш (?), 2(7)9/892—893 г.

Ахмад б. Исмаил (295/907—301/914)

6—7. Нисабур, 296/908—909 г.

8. Нисабур, 297/909—910 г.

9. Нисабур, 298/910—911 г.

10—11. Нисабур, 300/912—913 г.

12. Самарканд, 300/912—913 г.

Наср II б. Ахмад (301/914—331/943)

13. Бухара, 301/913—914 г.

14—17. Нисабур, 303/915—916 г.

18—20. Нисабур, 304/916—917 г.

21. Самарканд, 304/916—917 г.

22—23. Нисабур, 305/917—918 г.

24—25. Нисабур, 307/919—920 г.

26—27. Нисабур, 309/921—922 г.

28. Шаш, 309/921—922 г.

29—30. Нисабур, 310/922—923 г.

31—34. Нисабур, 311/923—924 г.

35—38. Нисабур, 313/925—926 г.

39—50. Нисабур, 314/926—927 г.

51. Самарканд, 314/926—927 г.

52. Мухаммадийа, 314/926—927 г.

53—61. Нисабур, 315/927—928 г.

62—63. Нисабур, 316/928—929 г.

Таким образом, подавляющее большинство монет клада (59 экз., т. е. почти 94%) чеканено правителями династии Саманидов. Монетные дворы клада — Миср, Мухаммадийа, Самарканд, Бухара, Шаш и Нисабур, причем на последнем монетном дворе выбит 51 динар (81%). Самая ранняя монета — 273/886—887 г., самая позд-

няя — 316/928—929 г., следовательно, клад охватывает несколько меньше полустолетия и зарыт, видимо, в период правления Насра II б. Ахмада.

Серебро

Клад № 2

Найден в 1926 г. на территории Афрасиаба при рытье могилы на мусульманском кладбище. В. Л. Вяткин, видевший клад, который содержал 29 кружков, отмечает из них лишь монеты Мансура I б. Нуха, битые в Самарканде в 357/967—968 г.

Имелись ли монеты других правителей, городов и дат — неизвестно.

Клад № 3

Найден в 1928 г. на территории средневековой мечети-намазгах при сооружении краевой больницы. Первоначально состоял из 300 целых и ломаных дирхемов и весил 2,5 кг³.

В настоящее время 146 монет клада хранятся в Музее истории культуры и искусства Узбекской ССР (№ 4084—4229). Часть монет (№ 4084—4139) определена И. А. Сухаревым, остальные — Б. Д. Кочневым.

А х м а д б. И с м а и л (295/907—301/914)

1. Самарканд, 297/909—910 г.

Н а с р II б. А х м а д (301/914—331/943)

2. Самарканд, 307/919—920 г.

3. Самарканд, 311/923—924 г.

4. Самарканд, 313/925—926 г.

5. Самарканд, 316/928—929 г.

6. Самарканд, 323/934—935 г.

7. Самарканд, 330/941—942 г.

8. Шаш, 314/926—927 г. или 324/935—936 г.

9. Шаш, 316/928—929 г.

10. Шаш, 323/934—935 г.

11. Шаш, 330/941—942 г.

12. Наименование города стерто, 308/920—921 г.

13. Наименование города стерто, 32?/932—941 г.

³ М. Е. Массон. К вопросу о «черных дирхемах» Мусейяби, Тру. ИИА АН УзССР, вып. 7, Ташкент, 1955, стр. 189.

Н у х б. Н а с р (331/943—343/954)

- 14. Самарканд, 336/947—948 г.
- 15—16. Самарканд, 341/952—953 г.
- 17—19. Самарканд, 342/953—954 г.
- 20. Самарканд, 343/954 г.
- 21. Самарканд, 34? г. х.
- 22. Бухара, (33)4/945—946 г.
- 23. Бухара, 337/948—949 г.
- 24—26. Бухара, 340/951—952 г.
- 27—30. Бухара, 341/952—953 г.
- 31—32. Бухара, 343/954 г.
- 33. Выпускные сведения стерты.

А б д а л-М а л и к б. Н у х (343/954—350/961)

- 34—35. Самарканд, 343/954—955 г.
- 36—42. Самарканд, 344/955—956 г.
- 43—44. Самарканд, 345/956—957 г.
- 45—46. То же, но дата читается без уверенности.
- 47—54. Самарканд, 346/957—958 г.
- 55—59. Самарканд, 347/958—959 г.
- 60—68. Самарканд, 348/959—960 г.
- 69—75. Самарканд, 349/960—961 г.
- 76. Самарканд, 34? г. х.
- 77—86. Самарканд, 350/961 г.
- 87—90. Самарканд, дата чекана стерта.
- 91. Бухара, 343/954—955 г.
- 92. Бухара, 346/957—958 г.
- 93—96. Бухара, 347/958—959 г.
- 97—105. Бухара, 348/959—960 г.
- 106—107. Бухара, 349/960—961 г.
- 108. Бухара, 34? г. х.
- 109. Шаш, 349/960—961 г.
- 110. Шаш (?), 350/961 г.
- 111. Наименование города стерто, 348/959—960 г.
- 112—118. Выпускные сведения стерты.

М а н с у р б. Н у х (350/961—365/976)

- 119—120. Самарканд, 352/963 г.
- 121. То же, но дата чекана читается без уверенности.
- 122—139. Самарканд, 353—964 г.
- 140—143. Самарканд, 354/965 г.
- 144. Самарканд, дата чекана стерта.
- 145. Шаш (?), 358/968—969 г. (?)
- 146. Половинка буидского (?) дирхема, 345/956—957 г.

Из сохранившихся 146 монет клада 98 экз. (67%) выбиты в Самарканде, 29 (20%) — в Бухаре, 7 (5%) — в Шаше, место чекана остальных 12 дирхемов (8%) не установлено. По государям монеты клада распределяются следующим образом: Ахмад б. Исмаил — 1 экз. (0,7%), Наср II б. Ахмад — 12 (8,2%), Нух I б. Наср — 20 (13,7%), Абд ал-Малик I б. Нух — 85 (58,2%), Мансур I б. Нух — 27 (18,5%), неизвестному государю из династии Буидов (?) принадлежит 1 экз. (0,7%). Таким образом, основная часть клада (почти 60%) состоит из дирхемов правившего всего лишь 7 лет Абд ал-Малика I б. Нуха.

Самая ранняя монета датируется 297/909—910 г., самая поздняя — 354/965 г. или 358/968—969 г. Клад, следовательно, охватывает более полувека и был зарыт, вероятно, в период правления Мансура I б. Нуха (350/961—365/976), поскольку нет ни дирхемов следующего государя, ни даже монет последних лет царствования Мансура.

Клад № 4

Этот небольшой клад из четырех дирхемов найден в 1966 г. на городище Афрасиаб в ходе вскрытия помещения 2 в западной части раскопа 23 и хранится в Институте археологии АН УзССР (определен Б. Д. Кочневым). Три монеты относятся к чекану династии Аббасидов (халиф Мутамид), одна выбита от имени основателя династии Алидов Табаристана ал-Хасана б. Зайда.

Даты монет (265—269/878—883) показывают, что клад относится к концу IX в. Поскольку аббасидские и особенно алидские дирхемы представляют большую редкость среди монетных находок в Узбекистане, приводим описание монет клада.

Аббасиды

Ал-Мутамид ала-ллах (256/870—279/892)

1. Наименование города стерто, 265/878—879 г. Л. ст.: в поле — надпись в четыре строки с символом веры и именем Муваффака, сопровителя халифа. لا اله الا الله وحده لا شريك له / الموفق بالله — «Нет бога, кроме Аллаха единого, нет ему сотоварища. Ал-Муваффак би-ллах».

Внутренняя круговая легенда содержит выпускные сведения (от названия города сохранилась лишь последняя буква):

بسم الله ضرب هذا الدرهم ... سنه خمس و ستين و مائتين — «Во имя Аллаха бит этот дирхем... в двести шестьдесят пятом году».

Внешняя круговая легенда, заключенная между двумя линейными ободками, полустерта и представляет собой соединение частей третьего и четвертого стихов 30-й суры Корана:

لله [الامر من] قبل و من بعد [او يرمي ديفر] ج اله [و منون بنصر الله] — «Аллаху (принадлежит) власть и раньше, и позже, а в тот день возрадуются верующие помощи Аллаха».

Об. ст.: в поле — надпись в пять строк с благочестивым восклицанием, второй частью символа веры, и именем халифа Мутамида: لله / محمد / رسول / الله / المحمدي على الله — «Аллаху (хвала!). Мухаммад — посол Аллаха. Ал-Мутамид ала-ллах».

Кругом, между двумя линейными ободками, — неполностью сохранившаяся надпись, заключающая 33-й стих 9-й суры и 9-й стих 61-й суры Корана: [محمد] رسول الله ارسله [بالهدى] ودين الحق [ليظهره على الدين كله و [لوكره المشركون] — «Мухаммад — посол Аллаха, пославшего его с прямым путем и религией истины, чтобы проявить ее выше всякой религии, хотя бы и ненавидели это многобожники».

2. То же, что и № 1, но от слова, обозначающего единицы в дате, сохранилось только окончание, так что дата 265 г. х — под вопросом.

3. Шаш (?). 269/882—883 г.

От № 1 отличается датой и несколько лучшей сохранностью названия монетного двора, которое может быть прочитано как аш-Шаш, хотя и без большой уверенности.

Алиды Табаристана

Хасан б. Зайд (250/864—270/884)

4. Название монетного двора стерто, 269/882—883 г. Л. ст.: в поле — символ веры в три строки, как у № 1, внизу: ... الداعي ... („ад-даи...“).

Внутренняя круговая легенда — выпускные сведения:

بسم الله ضر [بهذا] الدرهم ... سنة تسع و ستين و مائتين

Внешнюю круговую легенду из-за плохой сохранности разобрать не удалось. Все в тройном линейном ободке.

Об. ст.: в поле — надпись в пять строк с благочестивым восклицанием, второй частью символа веры, и именем правителя ал-Хасана б. Зайда: لله / محمد / رسول / الله / الحسن بن زيد

Кругом, между внутренним одинарным и внешним двойным линейным ободками, — частично сохранившаяся надпись с 40-м стихом 22-й суры Корана: ... ظلمول و الله على نصرهم لقد ...

Фальшивые дирхемы

Клад № 5

Состоит из саманидских монет и найден в 1940 г. в южном обрыве холма цитадели Афрасиаба. В настоящее время хранится в Музее истории культуры и искусства УзССР (№ 8435—8449, КП 1574). М. Е. Массон сделал краткое определение клада, указав, что он содержит фальшивые свинцовые дирхемы, несущие названия монетных дворов Бухары и Самарканда и даты 371, 373, 374, 377, 378 г. х. (определение не опубликовано).

В кладе — 15 кружков, которые, хотя анализ их не проведен, содержат, видимо, в основном свинец, а также, судя по зеленому цвету окислов, медь. Следовательно, несмотря на то, что монеты несут в своих легендах имя Нуха II б. Мансура (365/976—387/997), они не чеканены на государственных монетных дворах Бухары и Самарканда, а являются продукцией фальшивомонетчика, местом деятельности которого был, вероятно, Самарканд.

Список монет клада

1. Бухара, 371/981—982 г.
- 2—5. Бухара, 373/983—984 г.
- 6—7. Бухара, 374/984—985 г.
8. Бухара, 377/987—988 г.
9. Самарканд, 373/983—984 г.
- 10—12. Самарканд, 378/988—989 г.
- 13—15. Выпускные сведения стерты.

Смешанные клады (серебро и медь)

Клад № 6

Клад найден В. Л. Вяткиным в 1929 г. при раскопках между соборной мечетью и обрывом Сиаба. Монеты находились в глиняном сосуде, но предварительно были сложены в хлопчатобумажный мешочек завернутыми в бумажки стопками по 20 штук, часть столбиков развалилась. Все монеты в мешочке были медными, единственный серебряный дирхем лежал поверх него. Общее число кружков В. Л. Вяткин, определивший клад, не указал, но их было, видимо, не менее 100. Дирхем принадлежит чекану Нуха б. Насра (331/943—343/954), выпускные данные В. Л. Вяткиным не приведены.

Фельсы чеканены в правлении Насра б. Ахмада (301/914—331/943).

Список монет клада

1. Ахсикет, 304/916—917 г.
2. Фергана, 304/916—917 г.
3. Фергана, 305/917—918 г.
4. Бухара, 305/917—918 г.

5. Самарканд, 305/917—918 г.
6. Бухара, 306/918—919 г.
7. Самарканд, 306/918—919 г.
8. Самарканд, 309/921—922 г.
9. Тункет-Илак, 312/924—925 г.
10. Фергана, 314/926—927 г.
11. Фергана, 315/927—928 г.
12. Бухара, 315/927—928 г.
13. Бухара, 316/928—929 г.
14. Фергана, 318/930 г.
15. Ахсикет, 320/932 г.
16. Фергана, 327/938—939 г.
17. Фергана, 330/941—942 г.
18. Ахсикет, 330/941—942 г.⁴

Клад № 7

Найден Ш. С. Ташходжаевым в 1968 г. в ходе работ Афрасиабского отряда Узбекистанской искусствоведческой экспедиции Института искусствознания им. Хамзы в юго-восточной части городища Афрасиаб под полом парадного зала здания X в. Всего в кладе 199 монет, из них 14 целых и одна обломанная монета — серебряные, остальные — медные. По предварительному определению, клад включает монеты почти всех саманидских государей с конца IX по конец X в., выбитые в Самарканде, Бухаре, Ахсикете, Фергане. В настоящее время клад обрабатывается Э. В. Ртвеладзе.

Медь

Клад № 8

Найден в 1870-х годах, видимо, в связи с проведением дороги через Афрасиаб. В. Г. Тизенгаузен 11 монет из этого клада определил как саманидские, чеканенные в 300—386 гг. х. (912—996 гг. н. э.), и одну — как караханидскую, битую в Фергане в 398/1007—1008 г.

Общее число монет не указано⁵. Приведенные даты показывают, что клад хронологически охватывает почти весь X в., но был зарыт в начале XI столетия, в период, когда Мавераннахр был окончательно включен в состав государства Караханидов. Наличие в кладе наряду с саманидскими караханидских монет свидетельствует о том, что в первые годы владычества Караханидов в Самарканде продолжали обращаться монеты прежней династии.

Клад № 9

Клад найден в 1940 г. в г. Самарканде при сооружении железнодорожного переезда близ хлопкозавода № 66. Общее число мо-

⁴ В. А. Шишкин. К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей, сб. «Афрасиаб», вып. I, Ташкент, 1969, стр. 10.

⁵ Там же.

нет неизвестно, шесть из них хранятся в настоящее время в Музее истории культуры и искусства УзССР (№ 8402—8407). Монеты определены Б. Д. Кочневым.

Н а с р. I б. А х м а д (250/864—279/892)

1—2. Выпускные сведения стерты.

И с м а и л б. А х м а д

3. Самарканд, 280/893—894 г.

4. Самарканд, 288/900—901 г.

5. Выпускные сведения стерты.

Н е и з в е с т н ы й п р а в и т е л ь

6. Не очищена.

Клад № 10

Найден в 1959 г. в раскопе 9 на городище Афрасиаб и состоит из 55 кружков, большинство которых относится к концу XII— началу XIII вв. и лишь три монеты принадлежат чекану Саманидов: одна — времени Насра II б. Ахмада, а две другие — Мансура б. Нуха. Соединение в одном кладе столь разновременных монет не свидетельствует, по справедливому мнению опубликовавшей его Г. В. Шишкиной, о том, что монеты середины X в. продолжали обращаться в начале XIII столетия⁶.

Клад № 11

Найден в 1967 г. в районе железнодорожного вокзала и хранится в Музее истории культуры и искусства УзССР (КП 3139). Клад полностью обработан Е. А. Давидович, но еще не издан, поэтому в настоящей сводке дается лишь суммарная его характеристика.

Клад содержит 125 медных фельсов, чеканенных от имени саманидских государей Насра I б. Ахмада (250/864—279/892), Исмаила б. Ахмада (279/892—295/907), Насра II б. Ахмада (301/914—331/943), а также удельных (в основном ферганских) правителей Асада б. Ахмада, Нуха б. Асада, Исхака б. Ахмада и Мухаммада б. Исхака. Монеты выбиты на монетных дворах Ахсикета, Бараба, Бинкета, Бухары, Самарканда, Тункет-Илака, Усрушаны, Фараха, Ферганы, Шаша. Самая ранняя монета клада — 253/867 г., самая поздняя — 320/932 г. Таким образом, клад охватывает две

⁶ Г. В. Шишкина. Клад медных монет с Афрасиаба, ИМКУ, вып. 5, Ташкент, 1964, стр. 112—122.

трети столетия и был зарыт, видимо, в 30-х годах X в., в период правления Насра II б. Ахмада.

Приведенные сведения извлечены из хранящейся в музее вместе с кладом его описи с любезного согласия составившей ее Е. А. Давидович.

Отдельные находки

Серебро

А х м а д б. И с м а и л (295/907—301/914)

1. Самарканд, 300/912—913 г. Афрасиаб, раскоп, 9, центральный двор, IV⁷.

Медь

Й а х й а (б. А с а д) (204/819—241/855)

2. Шаш, дата чекана не проставлена. Афрасиаб, соборная мечеть, второй вход, из кладки стены. Л. ст.: в поле — символ веры в три строки: لا اله الا اله و حده / لا شريك له — «Нет божества, кроме Аллаха единого, нет ему сотоварища»; внизу — три точки. Кругом, между внутренним точечным и внешним линейным ободками, — выпускные сведения (без даты) и имя Тахира б. Абдаллаха:

ضرب هذا الفلّس بالشّاش مما امر به طاهر بن عبد الله

— «Бит этот фельс в Шаше. Из того, что приказал (выбить) Тахир б. Абдаллах».

Об. ст.: в поле — надпись в четыре строки с другой частью символа веры и именем правителя: محمد / رسول / الله / يحيى

— «Мухаммад — посол Аллаха. Йахйа». Кругом, между внутренним точечным и внешним линейным ободками, часть 9-го стиха 61-й суры Корана: [ارسله] بالهدى ودين الحق ليظهره ...

До сих пор монеты этого типа не были известны⁸.

Второй фельс того же типа обнаружен в 1972 г. на городище Киндыктепа, расположенном на берегу Туябугузского водохранилища в Ташкентской области. Благодаря наличию двух экземпляров и удалось восстановить тип монеты почти полностью. Дата на обоих фельсах не проставлена, но несомненно, что они выбиты между 230/845 г. (начало правления Тахирида Тахира б. Абдаллаха) и 241/855 г. (дата смерти Йахьи б. Асада).

⁷ Г. В. Шишкина. Монетные находки в жилом квартале древнего Самарканда, сб. «Из истории культуры народов Узбекистана», Ташкент, 1965, табл. 3, 16.

⁸ Единственная опубликованная монета Йахьи относится совсем к другому типу (см.: Э. В. Ртвеладзе, Л. Л. Ртвеладзе. Первый фельс Йахьи ибн Асада, ЭВ, вып. XXI, Л., 1972, стр. 30—31).

3. Шаш, 241/855 г. Афрасиаб, раскоп 23, помещение 18, под первым полом.

Л. ст.: в поле — надпись в четыре строки с первой частью символа веры и именем Абу Абдаллаха: لَا إِلَهَ إِلَّا اللَّهُ وَحْدَهُ لَا شَرِيكَ لَهُ /
أَبُو عَبْدِ اللَّهِ

Кругом, между двумя линейными ободками, — легенда с выпускными сведениями и именами двух государей: сюзерена, правителя из династии Тахиридов Тахира (б. Абдаллаха) и вассала, саманидского правителя Йахьи (б. Асада): ضَرْبُ هَذَا الْفَلَسِ بِالشَّاشِ فِي
وَلَايَةِ طَاهِرٍ سَنَةِ أَحَدَى وَ أَرْبَعِينَ وَ مَائَتَيْنِ يَحْيَى
— «Бит этот фельс в Шаше в наместничество Тахира в двести сорок первом году. Йахья».

Об. ст.: в поле — надпись в пять строк с благочестивым восклицанием, второй частью символа веры и именем халифа Мутаваккила: لِلَّهِ / مُحَمَّدٌ / رَسُولُ اللَّهِ / الْمُتَوَكَّلُ عَلَى اللَّهِ

Кругом, между внутренним точечным и внешним линейным ободками, — 9-й стих 61-й суры Корана:

أَرْسَلَهُ بِالْهُدَى وَ دِينَ الْحَقِّ لِيُظْهِرَهُ عَلَى الدِّينِ كُلِّهِ وَ لَوْ كَرِهَ الْمُشْرِكُونَ

Описанный тип монет Йахьи б. Асада тоже не известен в научной литературе. Второй экземпляр того же типа, но чеканенный другой матрицей, хранится в коллекции ташкентского нумизмата В. В. Кучерова.

А х м а д б. А с а д (204/819—250/864)

4. Самарканд, 244/858—859 г. Афрасиаб, раскоп 9, К-2, IX⁹.
5. Самарканд, 245/859—860 г. Афрасиаб, раскоп 9, К-2, IX¹⁰.
6. То же, Афрасиаб, раскоп 23, юго-восточная мастерская, хумдан.
7. Самарканд, дата чекана стерта. Афрасиаб, раскоп 23, помещение 23, I.
8. Выпускные сведения стерты. Афрасиаб, раскоп СамГУ.

Н а с р I б. А х м а д (250/864—279/892)

9. Наименование города стерто, 256/869—870 г. Афрасиаб, раскоп 9, траншея, XIV—XV¹¹.
10. То же. Афрасиаб, ансамбль Шахи-Зинда, мавзолей Ходжа Ахмада (найден при вскрытии фундаментов в 1922 г.).

⁹ Г. В. Шишкина. Монетные находки..., табл. 3, 1.

¹⁰ Там же, табл. 3, 2.

¹¹ Там же, табл. 3, 3.

11. Самарканд, 261/874—875 г. или 271/884—885 г. Афрасиаб, раскоп 9, центральный двор, VII¹².
12. То же. Афрасиаб, Шахи-Зинда, комплекс Кусама б. Аббаса, шурф № 2¹³.
13. Самарканд, 271/884—885 г. Афрасиаб, раскоп 9, К-17, V¹⁴.
14. То же. Афрасиаб, раскоп 23, А-16, V.
15. То же. Афрасиаб, раскоп 23, Е-8, IV.
16. То же. Афрасиаб, раскоп 23.
17. Самарканд, 272/885—886 г. Афрасиаб, раскоп 23.
18. То же. Афрасиаб, место находки не уточнено.
19. То же. Афрасиаб, квартал керамистов VI—VII вв. близ мавзолея Ходжа Данияра.
20. Самарканд, 275/888—889 г. Афрасиаб, раскоп Ж-31/XVII, ярус III.
21. Самарканд, 2?? г. х. Афрасиаб, соборная мечеть, шурф у второго северного входа.
22. Самарканд, дата чекана стерта. Там же.
23. То же. Афрасиаб, подъем.
24. То же. Афрасиаб, раскоп СамГУ.
25. То же. Афрасиаб, раскоп 8 Б, Е-8, V.
26. То же. Афрасиаб, раскоп 9, К-17, V.
27. То же. Афрасиаб, раскоп 9, шурф 3.
28. То же. Афрасиаб, раскоп 9.
29. То же. Афрасиаб, раскоп 23, Р-10, V.
30. То же. Афрасиаб, раскоп 23.
31. То же. Афрасиаб, раскоп 23, юго-восточная мастерская, около хумдана.
32. То же. Афрасиаб, раскоп 23, помещение 17, под первым полом.
33. То же. Афрасиаб, раскоп 23, Б-15, VI.
34. То же. Афрасиаб, раскоп 23, в стене между помещениями 3 и 6.
35. То же. Афрасиаб, соборная мечеть.
36. То же. Афрасиаб, раскоп Т. С. Ерназаровой.
37. То же. Регистан, русло древнего канала.

А с а д (б. А х м а д)

38. Ахсикет, 267/880—881 или 269/882—883 г. Афрасиаб, раскоп 9, траншея IX¹⁵.

¹² Там же, табл. 3, 4.

¹³ Н. Б. Немцева. Стратиграфия южной окраины городища Афрасиаб, сб. «Афрасиаб», вып. I, Ташкент, 1969, стр. 182.

¹⁴ Г. В. Шишкина. Монетные находки..., табл. 3, 6.

¹⁵ Там же, табл. 3, 5, 8.

- 39—40. Самарканд, 280/893—894 г. Афрасиаб, раскоп 9, К-25, VI¹⁶.
41. То же. Афрасиаб, раскоп 9, К-7, V¹⁷.
42. То же. Афрасиаб, раскоп 9, К-63, VII¹⁸.
43. То же. Афрасиаб, раскоп 9, траншея, XI¹⁹.
44. То же. Афрасиаб, раскоп 23, В-4, III.
45. То же. Афрасиаб, раскоп 23, 3-6, III.
46. То же. Афрасиаб, раскоп 23, помещение 11, первый пол.
47. То же. Афрасиаб, раскоп 23, помещение 4, III.
48. Иштихан, 280/893—894 г. Афрасиаб²⁰.
49. Самарканд, 281/894—895 г. Афрасиаб, раскоп 9, центральный двор, V²¹.
50. То же. Афрасиаб, раскоп 9, западный двор, IX²².
51. То же. Афрасиаб, раскоп 22.
52. То же. Афрасиаб, раскоп 8, Ж-11, 2.
53. То же. Афрасиаб, раскоп 13.
- 54—56. То же. Афрасиаб, раскоп СамГУ.
57. То же. Афрасиаб, раскоп ТашГУ у соборной мечети, на поверхности дороги из сланца²³.
58. То же. Афрасиаб, раскопки А. И. Тереножкина, пункт 30, помещение 2, на полу.
- 59—60. Самарканд, 282/895—896 г. Там же.
61. Самарканд, 287/900 г. Афрасиаб, раскоп 9, западный двор, IX²⁴.
62. Наименование города стерто, 287/900 г. Раскоп ТашГУ у соборной мечети, на поверхности дороги из сланца²⁵.
63. Самарканд, 288/900—901 г. Афрасиаб, подъем.
64. То же. Афрасиаб, раскоп 10 Б.
65. То же. Афрасиаб, найдена при устройстве дороги.
66. То же. Афрасиаб, пункт 35, Г-10.
67. То же. Афрасиаб, соборная мечеть, подъем.
68. То же. Регистан, русло древнего канала.
69. Самарканд, 289/901—902 г. Афрасиаб, место находки не известно.
70. Самарканд, 289/893—902 г. Регистан, объект 2, раскоп 9, XIII.

¹⁶ Там же, табл. 3, 9.

¹⁷ Там же, табл. 3, 10.

¹⁸ Там же, табл. 3, 11.

¹⁹ Там же, табл. 3, 12.

²⁰ М. Н. Федоров, Ю. Ф. Буряков. Эпиграфические и нумизматические находки в Узбекистане в 1965 г., ЭВ, вып. XIX, Л., 1969, стр. 105.

²¹ Г. В. Шишкина. Монетные находки..., табл. 3, 13.

²² Там же, табл. 3, 14.

²³ Г. Я. Дресвянская. Исследования у соборной мечети Афрасиаба, АО 1971 г., М., 1972, стр. 513.

²⁴ Г. В. Шишкина. Монетные находки..., табл. 3, 15.

²⁵ Г. Я. Дресвянская. Исследования..., стр. 513.

71. То же. Афрасиаб, квартал керамистов VI—VII вв. близ мавзолея Ходжа Данияра.
72. Наименование города стерто, 282/893—902 г. Афрасиаб, близ мечети Хазрати Хызра, подъем.
73. Самарканд, дата чекана стерта. Афрасиаб, раскоп 13.
74. То же. Афрасиаб, цитадель, подъем.
75. То же. Афрасиаб, раскоп 9, центральный двор, V²⁶.
76. То же. Афрасиаб, раскоп 9, Б-1, V—VI, под верхним полом.
- 77—78. То же. Афрасиаб, раскоп 9.
79. То же. Афрасиаб, раскоп 4.
80. То же. Правый берег Сиаба.
81. Выпускные сведения стерты. Афрасиаб, раскоп 8 Б, Ж-7, IV.
82. То же. Афрасиаб, раскоп 2, печь.
83. То же. Афрасиаб, раскоп 9, К-10, V.
- 84—85, 85 а. То же. Афрасиаб, раскоп 41/XII, 3-1, III.
86. То же. Афрасиаб, раскоп 23.

Н а с р II б. А х м а д (301/914—331/943)

87. Бухара, 303/915—916 г. Афрасиаб, раскопки А. И. Тереножкина, пункт 3.
88. Самарканд, 304/916—917 г. Афрасиаб, раскоп 9, К-10, II²⁷.
89. То же. Афрасиаб, раскоп 9.
90. Наименование города стерто, 304/916—917 г. Афрасиаб, раскоп 31/XIX, 3-1, XXIII.
91. Бухара, 305/917—918 г. Афрасиаб, раскоп 9, К-14, VI²⁸.
92. То же. Афрасиаб, раскопки А. И. Тереножкина, пункт 8.
93. Самарканд, 305/917—918 г. Афрасиаб, раскоп 23, помещение 2, V.
94. То же. Афрасиаб, раскоп 23, помещение 2, яма, IX.
95. То же. Афрасиаб, раскоп 21.
96. Бинкет, 306/918—919 г. Территория г. Самарканда, ул. Фрунзе, детский сад № 15.
97. Наименование города обломано, 306/918—919 г. Афрасиаб, раскоп 9, К-10, VI²⁹.
98. То же. Афрасиаб, раскоп 9, К-7, VII.
99. Ахсикет, 308/920—921 г. Афрасиаб, объект III, купольное здание с резным штуком³⁰.
100. Самарканд, 314/926—927 г. или 324/935—936 г. Афрасиаб, раскоп 9, К-18, III³¹.

²⁶ Г. В. Шишкина. Монетные находки..., табл. 3, 7.

²⁷ Там же, табл. 3, 19.

²⁸ Там же, табл. 3, 20.

²⁹ Там же, табл. 3, 21.

³⁰ И. Ахраров, Л. Ремпель. Резной штук Афрасиаба, Ташкент, 1971, стр. 24.

³¹ Г. В. Шишкина. Монетные находки..., табл. 3, 22.

101. Ахсикет, 320/932 г. (?). Афрасиаб, раскоп III. Ташходжаева 1965 г.
102. Наименование города стерто, 322/933—934 г. Афрасиаб, раскоп 9, К-12, VI³².
103. Самарканд, дата чекана стерта. Афрасиаб, соборная мечеть.
104. То же. Афрасиаб, раскоп 9.
105. То же. Афрасиаб, раскоп СамГУ.
106. Ахсикет, дата чекана стерта. Афрасиаб, раскопки А. И. Тереножкина, пункт 10.
107. Выпускные сведения стерты или обломаны. Афрасиаб, раскоп 9, К-10, II³³.
108. То же. Афрасиаб, раскоп 9, центральный двор, VI³⁴.
109. То же. Афрасиаб, объект III, купольное здание с резным штуком³⁵.
110. То же. Афрасиаб, раскоп 10 А, Д-8, V.

Н у х I б. Н а с р (331/943—343/954)

111. Фергана, 331/942—943 г. Афрасиаб, подъем (?).
112. Наименование города стерто, 332/943—944 г. Афрасиаб, раскоп 9, К-74, V³⁶.
113. Бухара, 336/947—948 г. Афрасиаб, раскоп 9, К-3, VI³⁷.
114. Наименование города стерто, 336/947—948 г. Афрасиаб, раскоп 9, К-7, V³⁸.
115. Наименование города стерто, 337/948—949 г. или 339/950—951 г. Афрасиаб, раскоп 9, центральный двор, V³⁹.
116. Выпускные сведения стерты. Афрасиаб, раскоп 9, К-7, VI⁴⁰.
117. То же. Афрасиаб, раскоп 9, К-12, VI⁴¹.
118. То же. Афрасиаб, раскоп III. Ташходжаева 1965 г.
119. То же. Афрасиаб, раскоп 23, северный край раскопа, над тротуаром.

Н у х б. Н а с р, М а л и к б. С у н г а р - т е г и н и (Б а к р б. М а л и к)

120. Насрабад, дата чекана стерта. Афрасиаб, центральный объект, винодавиля.

³² Там же, табл. 3, 23.

³³ Там же, табл. 3, 17.

³⁴ Там же, табл. 3, 18.

³⁵ И. Ахраров, Л. Ремпель. Резной штук..., стр. 24.

³⁶ Г. В. Шишкина. Монетные находки..., табл. 3, 26.

³⁷ Там же, табл. 3, 27.

³⁸ Там же, табл. 3, 28.

³⁹ Там же, табл. 3, 29.

⁴⁰ Там же, табл. 3, 24.

⁴¹ Там же, табл. 3, 25.

Абдал-Малик I б. Нух (343/954—350/961)

121. Бухара, 347/958—959 г. Афрасиаб, раскоп 9, К-11, VI⁴².
122. Бухара, 349/960—961 г. Афрасиаб.
123. Выпускные сведения стерты. Афрасиаб, раскоп 9, Е-3, V.

Мансур I б. Нух (350/961—365/976)

124. Самарканд, 350/961 г. Афрасиаб.
125. Ахсикет, 355/965—966 г. Афрасиаб, раскоп 9, центральный двор, III⁴³.
126. Бухара, 358/968—969 г. Афрасиаб, раскоп 9, центральный двор, VI⁴⁴.
127. То же. Афрасиаб, раскоп 23, Е-17, IV.
128. Фергана, 358/968—969 г. Афрасиаб, квартал керамистов VI—VII вв. близ мавзолея Ходжа Данияра. Л. ст.: в поле — символ веры в три строки: لا اله الا الله وحده لا شريك له

Кругом, между внутренним точечным и внешним линейным ободками двойная круговая легенда. Внешняя надпись:

بسم الله ضرب بهذا الفيلس بفرغانه قلج الحاجب و الخليفة احمد بن علي

Внутренняя легенда:

علي يدي عبد الله السلمي سنه ثمان و خمسين و ثلثمائه

Перевод этой надписи может быть дан лишь приблизительный: «Во имя Аллаха бит этот фельс в Фергане Клычем, хаджибом наместника, Ахмадом б. Али при посредстве Абдаллаха ас-Сулами в триста пятьдесят восьмом году».

Об. ст.: в поле — надпись в пять строк с благочестивым восклицанием, второй частью символа веры, именем и титулатурой правящего государя: لله/محمد/رسول الله/الملك المظفر/منصور بن نوح

—«Аллаху (хвала)! Мухаммад — посол Аллаха. Царь победоносный Мансур б. Нух». Кругом, между внутренним точечным и внешним линейным ободками надпись с именем и титулатурой другого правителя: مما امر به الامير احمد بن منصور مولى امير المؤمنين

—«Из того, что приказал (выбить) Ахмад б. Мансур, клиент повелителя правоверных».

Ферганские фельсы 358 г. х. и с другими близкими датами детально исследованы Е. А. Давидович⁴⁵. Хотя они известны в лите-

⁴² Там же, табл. 3, 30.

⁴³ Там же, табл. 3, 31.

⁴⁴ Там же, табл. 3, 32.

⁴⁵ Е. А. Давидович. Монеты Ферганы как источник для характеристики института феодальных пожалований за службу в Средней Азии X в., «Письменные памятники Востока. Ежегодник. 1969», М., 1972, стр. 110.

ратуре уже давно, но правильное чтение ряда имен, а главное — интерпретация монетных легенд принадлежит именно Е. А. Давидович.

Неразобранной до сих пор оставалась только нисба Абдаллаха, упомянутого во внутренней круговой надписи лицевой стороны. На нашем экземпляре хорошо видно, что после артикля «ал» идет «син», затем «лам», потом «мим» и «йай», все вместе дает *السلمي*, что следует читать как «ас-Сулами».

Абдаллах ас-Сулами был, скорее всего, чиновником, связанным с деятельностью ферганского монетного двора: на это указывает имеющаяся при его имени формула *على يدي* — «при посредстве», «под руководством». Возможно, он происходил из той же семьи, что и вазир Нуха I б. Насра богослов и факих Абу-л-Фадл Мухаммад б. Мухаммад ас-Сулами, убитый в 946 г.⁴⁶

129. Наименование города стерто, 35?/968—969, Афрасиаб, подъем.

130. Наименование города стерто, 35?/962—970 г. Афрасиаб, раскоп 23, помещение 32, верхний слой.

131. Бухара, 363/973—974 г. Афрасиаб, квартал керамистов VI—VII вв. близ мавзолея Ходжа Данияра.

132. Наименование города стерто, 365/975—976 г. Афрасиаб, раскоп 9, траншея, XI⁴⁷.

133. Наименование города стерто, 36?/971—976 г. Афрасиаб, раскоп 9, центральный двор, VI⁴⁸.

134. Самарканд, год чекана стерт. Афрасиаб, раскоп 9.

135. Выпускные сведения стерты. Афрасиаб, раскоп 9, центральный двор, VI⁴⁹.

136. То же. Афрасиаб, раскоп 9, А-1, VI.

137. То же. Афрасиаб, раскоп 9, А-5, III.

Нух II б. Мансур (365/976—387/997)

138. Бухара, 368/978—979 г. Афрасиаб, раскоп 4, В-1, IV.

139. Наименование города стерто, 36?/976—980 г. Афрасиаб, раскоп 8.

140. Бухара, 377/987—988 г. Афрасиаб, квартал керамистов VI—VII вв. близ мавзолея Ходжа Данияра.

141. Бухара, 378/988—989 г. Там же.

142—147. Шесть монет Мансура I б. Нуха и Нуха II б. Мансура (более точные сведения не приведены). Афрасиаб, раскоп 4, бадраб⁵⁰.

⁴⁶ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, Сочинения, т. I, М., 1963, стр. 306—307.

⁴⁷ Г. В. Шишкина. Монетные находки..., табл. 3, 33.

⁴⁸ Там же, табл. 3, 34.

⁴⁹ Там же, табл. 3, 35.

⁵⁰ Ш. С. Ташходжаев. Вопросы исторической классификации поливной керамики Афрасиаба, сб. «Из истории искусства великого города», Ташкент, 1972, стр. 185.

148. Наименование города стерто, 387/997. Афрасиаб.

Саманиды, государь не установлен

149. Самарканд, год чекана стерт. Афрасиаб, раскоп 23, помещение 12, под первым полом.
150. Ахсикет, год чекана стерт. Афрасиаб, раскоп 23, двор V.
151. Выпускные сведения стерты. Афрасиаб, раскоп 8 Б, Е-7, IV.
152. То же. Афрасиаб, раскоп 8 Б, Е-7, III.
153. То же. Афрасиаб, раскоп 9, А-1, VI.
154. То же. Там же, К-12, VI.
155. То же. Там же, траншея.
- 156—157. То же. Там же, К-10, II.
158. То же. Там же, А-1, VI.
159. То же. Там же, К-2, III.
160. То же. Там же, траншея.
161. То же. Там же, К-10, V.
- 162—163. То же. Афрасиаб, раскопки А. И. Тереножкина, пункт 10.
164. То же. Там же, пункт 30.
- 165—166. То же. Там же, пункт 30, кв. Б-5.
- 167—168. То же. Там же, пункт 45.
169. То же. Там же, пункт 5.
- 170—171. То же. Там же, пункт 37, в колодце.
- 172—173. То же. Там же, пункт не установлен.
174. То же. Афрасиаб, раскоп 23, В-15, VI.
- 175—176. То же. Там же. В-15, VI.
177. То же. Там же, В-16, VI.
178. То же. Там же, В-15, V.
179. То же. Там же, Д-8, V.
180. То же. Там же, В-4, III.
181. То же. Там же, Е-8, IV.
182. То же. Там же, керамический отвал.
183. То же. Афрасиаб, раскоп 23 Г, бадраб.
184. То же. Там же, керамический отвал.
- 185—186. То же. Там же, раскоп 23 Г.
187. То же. Афрасиаб, раскоп СамГУ, В-4, III.
- 188—189. То же. Там же, шурф 5.
- 190—191. То же. Там же, помещение 6.
192. То же. Там же, помещение 5.
193. То же. Афрасиаб, раскоп 2, шурф 4.
194. То же. Там же, печь.
195. То же. Афрасиаб, раскоп 31/XIX, 3-1, XXIII.
196. То же. Там же, 3-1, XXI.
197. То же. Афрасиаб, раскоп Т. Ерназаровой.
198. То же. Афрасиаб, соборная мечеть.
199. То же. Афрасиаб, раскоп Ш. Ташходжаева 1965 г.

200. То же. Регистан, объект 1, бадраб 6.

201—202. То же. Регистан, русло древнего канала.

203. То же. Афрасиаб, подъем.

Саманиды, более точные данные
не приведены

204—211. Восемь фельсов, найденных В. Л. Вяткиным при вскрытии «сардоб-ханы» близ соборной мечети Афрасиаба⁵¹.

212—214. Три монеты, найденные В. Л. Вяткиным в 1925 г. при раскопках здания с ганчевыми панелями на Афрасиабе⁵².

215—222. Восемь (?) монет, найденных в 1965—1967 гг. при раскопках И. А. Ахраровым объекта III на Афрасиабе⁵³.

Афшины Усрушаны. Сайр б. Абдаллах

223. Сутрушана, 279/892—893 г. Афрасиаб, подъем.

К числу и отдельных находок, и кладов монет следовало бы добавить также большое количество монет так называемого бухархудатского типа. Но поскольку дат чекана они не имеют, невозможно точно определить в каждом отдельном случае, относятся ли они к рассматриваемому периоду или нет. Тем не менее, необходимо учитывать, что в денежном обращении Самарканда IX—X вв. монеты бухархудатского типа играли немаловажную роль.

Приведенная сводка показывает, что в пору правления Саманидов в Самарканде обращались не только монеты этой династии: сюда попадали также динары и дирхемы Тулунидов, Аббасидов, Буидов, Алидов Табаристана, а также, наверняка, и зияридские дирхемы, хотя в Самарканде они пока не найдены.

Таким образом, монетные находки в Самарканде указывают на его тесные торговые связи со многими странами мусульманского мира: с различными областями Ирана, с Ираком и даже Египтом. О другом направлении торговли Самарканда мы знаем по многочисленным и очень обильнымкладам саманидских (в том числе чеканенных в Самарканде) дирхемов, найденных на территории древней Руси, в странах Восточной и Северной Европы. При этом, конечно, следует учитывать, что не всегда саманидское серебро попадало в эти страны непосредственно с самаркандскими или вообще среднеазиатскими купцами. Ничего не говорят монеты о дальневосточных связях саманидского Самарканда, но из письменных источников известно, что самаркандские купцы в X в. ездили и в отдаленный Китай.

Наименьшее значение в денежном обращении Самарканда имело по-видимому, золото. До сих пор во всей Средней Азии най-

⁵¹ В. А. Шишкин. К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей, сб. «Афрасиаб», вып. I, Ташкент, 1969, стр. 56.

⁵² Там же, стр. 81, 82, 86.

⁵³ И. Ахраров, Л. Ремпель. Резной штук..., стр. 24.

дено три клада золотых монет саманидского времени: один — в 1928 г. у Махтум-Кала под Ашхабадом⁵⁴, другой — в 1941 г. в Самарканде⁵⁵, третий — на городище средневекового Рабинджана⁵⁶. Выпускались саманидские динары в сравнительно небольшом количестве и, как убедительно показала Е. А. Давидович для Средней Азии, использовались больше в международной торговле и лишь отчасти — во внутригородском и внутригосударственном обмене. Во всех случаях они принимались на вес, а не поштучно⁵⁷. Этот вывод справедлив и для Самарканда.

Гораздо более сложной была картина обращения в сфере серебра. Ее обслуживали дирхемы обычного мусульманского типа, в основном саманидские, но также и других династий (Аббасидов, Буидов, Зияридов, Алидов Табаристана). Судя по составу сохранившейся части клада № 3, среди этих дирхемов преобладала продукция самаркандского монетного двора (две трети всего количества), затем идут Бухара и Шаш. Наряду с законными полноценными серебряными дирхемами на самаркандских рынках иногда попадались и фальсификаты (клад № 5). В этом отношении Самарканд отнюдь не был исключением⁵⁸. Показательно наличие в кладе № 3 вместе с целыми и обломков монет, предназначавшихся для оплаты покупок, стоивших меньше дирхема или нецелое число дирхемов. В. Л. Янин полагает, что в Самарканде, как и в других городах Востока, обломки дирхемов ходили не на вес, а поштучно, то есть дробились на определенные части: половинки, четвертушки и т. д.⁵⁹ Поскольку в сохранившейся части клада № 3 обломков очень немного, этот вопрос не может быть решен окончательно.

Наряду с дирхемами общемусульманского образца в Самарканде было очень много монет так называемого бухархудатского типа. В письменных источниках они фигурируют под названием дирхемов мусейяби, мухаммади и гитрифи или под собирательным именем «черных дирхемов». Вопросы, связанные с данной категорией монет, настолько сложны, что «черные дирхемы» не зря именуются «загадочными»⁶⁰. Эти вопросы породили обшир-

⁵⁴ М. Е. Массон. Неопубликованные монетные находки, зарегистрированные на территории Южного Туркменистана до 1946 г., Материалы ЮТАКЭ, вып. I, Ашхабад, 1949, стр. 140.

⁵⁵ Г. А. Федоров-Давыдов. Клад золотых монет...

⁵⁶ Т. С. Ерназарова, М. Н. Федоров. Клад золотых монет X века, ОНУ, 1974, № 5, стр. 67—70.

⁵⁷ Е. А. Давидович. Денежное обращение в Мавераннахре при Саманидах, НЭ, VI, М., 1966, стр. 104—110, 130.

⁵⁸ Ср.: М. Е. Массон. Кладик дирхемов конца X — начала XI в. из города Янги-Юль Ташкентской области, сб. «История, археология и этнография Средней Азии», М., 1968, стр. 237—243.

⁵⁹ В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья, М., 1956, стр. 72.

⁶⁰ Е. А. Давидович. О загадочных дирхемах Мусейяби, Мухаммеди и Гитрифи, М., 1960.

ную литературу, но еще далеки от окончательного разрешения. Не считая необходимым приводить здесь всю историю изучения «черных дирхемов», насчитывающую более полутора столетий, остановимся на основных выводах новейших исследователей.

По мнению М. Е. Массона, все три категории «черных дирхемов» различались внешним оформлением, в основном надписями. Ранние, выпущенные после подавления восстания Муканны, были высокопробными, затем проба все ухудшается⁶¹.

Е. А. Давидович основным критерием различения трех видов «черных дирхемов» считает не внешние признаки, а качество металла: мусейяби — наиболее высокопробные, мухаммади — с небольшим содержанием серебра, гитрифи — вовсе без серебра⁶².

До сих пор исследователи не сомневались в том, что «черные дирхемы» имели рыночное обращение и периодически выпускались вплоть до XI—XII вв.⁶³ Лишь совсем недавно Г. В. Шишкина выступила с остроумной гипотезой другого рода: устойчивость иконографии «черных дирхемов» не позволяет считать их выпускавшимися в течение нескольких столетий. Будучи выбитыми в VIII—IX вв., в X—XII вв. они уже не чеканились и имели ограниченную сферу обращения (фискальные функции)⁶⁴.

Гипотеза очень интересна, но представляется все же маловероятной. Хотя в рассматриваемый период (IX—X вв.) налоги нередко действительно собирались «черными дирхемами» (об этом свидетельствуют письменные источники), совершать ежегодный оборот между казной и налогоплательщиками эти дирхемы не могли без посредства рынка. Выпуск низкопробных монет по повышенному курсу был правительству очень выгоден, отказ же государства от этой формы эксплуатации монетной регалии выглядел бы довольно странно.

Одним из доводов в пользу своей гипотезы Г. В. Шишкина считает тот факт, что клады «черных дирхемов» не имеют примесей других монет. Это не совсем так. Е. А. Давидович отметила два смешанных клада: в одном кроме «черных дирхемов» были серебряные раннекараханидские монеты и один саманидский фельс, в другом — раннекараханидские дирхемы. Как раз к интересующему нас времени относится найденный в 1973 г. на городище средневекового Рабинджана (то есть сравнительно недалеко от Самарканда) клад довольно высокопробных монет бухархудатского типа (более 100 экз.) с одним саманидским дир-

⁶¹ М. Е. М а с с о н. К вопросу..., стр. 175.

⁶² Е. А. Д а в и д о в и ч. Денежное обращение..., стр. 119—125.

⁶³ Одну небольшую группу «черных дирхемов» М. Н. Федоров отнес ко времени правления Арслан-хана Мухаммада (495/1102—524/1130) (М. Н. Ф е д о р о в. О датировке одной группы дирхемов бухархудатского типа, ИЭ, IX, М., 1971, стр. 122—126). Караханидская принадлежность этой группы монет, пожалуй, не вызывает сомнения, но для уточненной датировки нужен был бы тщательный палеографический анализ монетных надписей.

⁶⁴ Г. В. Ш и ш к и н а. Городской квартал VIII—IX вв., на северо-западе Афрасиаба, сб. «Афрасиаб», вып. II, Ташкент, 1973, стр. 121.

хемом, который чеканен Нухом б. Насром в Бухаре в 342/953—954 г. Здесь можно провести аналогию с кладами медных фельсов и кладами серебряных саманидских дирхемов. Те и другие встречаются, как правило, отдельно, но бывают и смешанные клады, что характерно и для Самарканда. Фельсы и дирхемы общемусульманского типа обслуживали разные сферы обращения. Особой сферы обращения у «черных дирхемов», правда, не было, но ходили они по особому курсу, чем и объясняется их выделение: при совершении актов купли-продажи удобнее было пользоваться монетами одного вида, чтобы не производить слишком сложных расчетов.

Отнюдь не пытаясь одним махом решить проблему «черных дирхемов» или ниспровергнуть точку зрения Г. В. Шишкиной, мы все же считаем возможным говорить о том, что эта категория монет имела рыночное обращение. По-видимому, правы те исследователи (М. Е. Массон, Е. А. Давидович), которые считают, что сферу серебряного обращения в государстве Саманидов обслуживали не столько обычные дирхемы, которые уходили в основном за пределы Средней Азии, сколько разные виды монет бухархудатского типа. Приведенные материалы (клады № 2—7) не позволяют слишком преуменьшать роль обычных серебряных дирхемов, хотя в целом данный вывод справедлив и для Самарканда.

Отмечая огромное количество саманидских монет на Афрасиабе и в его окрестностях⁶⁵, В. Л. Вяткин имел, конечно, в виду прежде всего медные фельсы. Они и по сей день попадают здесь чаще монет других династий⁶⁶. Этот факт очень важен: медные фельсы обслуживали сферу повседневной, мелкой торговли, и обилие их свидетельствует о чрезвычайно интенсивном ее развитии. Если наличие на самаркандских рынках иноземной золотой и серебряной валюты вполне естественно, то столь же естественно отсутствие фельсов из других стран: медная монета, как правило, не выходила за пределы страны, и государство Саманидов не было в этом отношении исключением. Среди отдельных находок фельсов с территории средневекового Самарканда абсолютно преобладает продукция местного монетного двора (76,4% монет с определенным местом чекана). Затем идут Бухара, Ахсикет, Фергана, Шаш, Бинкет, Насрабад, Иштихан и Сутрушана (Усрушана). В кладе № 11 фельсов Самарканда больше, чем монет любого другого монетного двора, но от общего числа кружков, место чекана которых удалось определить, они составляют только 31%. Затем идут Бухара, Ахсикет, Бинкет, Фергана, Шаш, Тункет-Илак, Усрушана, Фарах и Бараб.

Показательно, что в Самарканде обращались лишь медные монеты Мавераннахра, точнее Согда, Усрушаны, Ферганы, Шаша и

⁶⁵ В. Л. Вяткин. Афрасиаб..., стр. 19.

⁶⁶ Э. В. Ртвеладзе, М. Н. Федоров. Нумизматические находки в Узбекистане в 1966—1968 гг., ЭВ, вып. XXI, Л., стр. 82.

Средней Сырдарьи. Совсем нет фельсов Хорасана, Тохаристана и других областей Саманидского государства (единственное исключение — Фарах). Е. А. Давидович справедливо считает, что в Средней Азии при Саманидах был целый ряд областных рынков, отличавшихся специфическими особенностями денежного обращения; четко выделяется, в частности, областной рынок Самарканда⁶⁷. Наличие среди самаркандских находок значительного количества фельсов из других областей Мавераннахра свидетельствует не только о широких межобластных связях, но и о существовании общемавераннахрского рынка, который от южных областей Саманидского государства отличался как составом монет в сфере серебряного обращения («черные дирхемы»), так и некоторыми особенностями обращения фельсов. Характер этих особенностей еще предстоит выяснить.

Среди фельсов, найденных в Самарканде, очень мало раннесаманидских, подавляющее большинство их принадлежит чекану Насра I б. Ахмада, Исмаила б. Ахмада и Насра II б. Ахмада. Вторая половина X в. представлена сравнительно небольшим числом монет. Такое соотношение, конечно, не случайно: время правления лишь названных трех государей было эпохой политического могущества и экономического процветания Саманидского государства. Но это лишь одна сторона дела. С другой стороны, в данный период было отчеканено такое количество фельсов, что они насытили рынок на много лет вперед, и последующие государи могли ограничиваться сравнительно небольшими эмиссиями. Клады № 7 и 8 показывают, что фельсы конца IX—начала X вв. находились в обращении вплоть до конца X в. и даже в первые годы после завоевания Мавераннахра Караханидами. Это обстоятельство нельзя не учитывать при датировках археологических объектов: при попытке датировать слой на основании единственного саманидского фельса, например конца IX—начала X вв., можно ошибиться на 50—70 и даже 100 лет.

Суммируя все сказанное, следует подчеркнуть, что денежное обращение Самарканда при Саманидах было весьма развитым. Здесь обращались золотые динары, серебряные дирхемы, медные фельсы, а также различные виды так называемых «черных дирхемов». Все эти монеты обеспечивали не только внутренний рынок, но также межобластную и международную торговлю. Рассмотрение денежного обращения Самарканда показало, что в основных чертах оно было таким же, как и в Мавераннахре в целом, и в то же время позволило внести некоторые коррективы в картину общемавераннахрского обращения.

⁶⁷ Е. А. Давидович. Денежное обращение..., стр. 132.

Б. В. АНДРИАНОВ, А. Р. МУХАМЕДЖАНОВ

**«К ИСТОРИИ ОРОШЕНИЯ ТУРКЕСТАНА»
В. В. БАРТОЛЬДА В СВЕТЕ НОВЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Есть в науке имена, слава которых не меркнет с годами, а напротив, разгорается все ярче и ярче. К таким славным именам принадлежит в русском востоковедении имя Василия Владимировича Бартольда, а в географии — Льва Семеновича Берга. Воплощая в себе все лучшее, что было в дореволюционной науке, они во многом способствовали развитию широких исследований природы и населения Средней Азии в первые десятилетия советской власти. И хотя каждый из них создал в своей области особую школу, их интересы и маршруты нередко пересекались. В. В. Бартольд дал блестящую оценку замечательной монографии молодого Л. С. Берга «Аральское море».

Позднее зрелый ученый-географ Л. С. Берг сразу же после выхода капитального труда В. В. Бартольда «К истории орошения Туркестана» откликнулся рецензией на эту книгу. Он отмечает вклад выдающегося востоковеда-историка в историческую географию Средней Азии, в проблемы древнего течения Амударьи и орошения Туркестана в средние века.

Монография «К истории орошения Туркестана» была, как известно, написана В. В. Бартольдом по просьбе Отдела земельных улучшений Министерства земледелия России и впервые опубликована в 1914 г. в журнале «Сельское хозяйство и лесоводство».

Основная задача, которую поставил перед собой автор — нарисовать общую картину географии всех орошаемых земель в Средней Азии, базируясь на письменных источниках древности и средних веков. Решение этой огромной задачи подчинено главной мысли В. В. Бартольда о практическом использовании в настоящем и будущем орошении края материалов исторических, письменных и вещественных, т. е. археологических. Эта мысль четко сформулирована как во введении монографии, так и особенно в небольшой статье 1926 г. «Будущее Туркестана и следы его прошлого», где В. В. Бартольд критикует модную в то время концепцию об «усыхании Центральной Азии», ссылаясь при этом на работы А. И. Воейкова и Л. С. Берга. Он пишет о древних и средневековых каналах, разбирает спорный вопрос об источниках орошения

Мисрианской равнины и заключает, что подобные «вопросы могут быть решены только путем подробных исследований на месте, при которых участие археолога, несколько знакомого с общим характером истории Туркестана и с памятниками его прошлого, столь же необходимо, как участие техников-ирригаторов»¹.

Здесь нет нужды подробно останавливаться на содержании монографии «К истории орошения Туркестана». Это до сих пор единственная наиболее полная сводка сведений о средневековых оазисах Средней Азии. Монографию, как и все работы В. В. Бартольда, отличает удивительная, можно сказать, почти «математическая» четкость и строгость изложения, стройность общей композиции и тщательность отделки деталей. Обширнейший круг письменных средневековых источников, энциклопедически охватывающих почти все орошаемые земли того времени, тонкий анализ подчас противоречивых сведений, четкость и ясность изложения — все это делает книгу В. В. Бартольда непревзойденным образцом исторического исследования.

Конечно, прошедшие 60 лет с момента выхода монографии неизмеримо расширили как круг источников (включая археологию), так и общие представления о истории развития земледельческих культур и навыков орошения в Средней Азии. И этому активно способствовал сам В. В. Бартольд, который сразу же после Великой Октябрьской социалистической революции возглавил среднеазиатский отдел Российской академии истории материальной культуры. Как и в дореволюционные годы, В. В. Бартольд в 1920-х гг. оказал большое влияние на общее направление археологических исследований в Средней Азии — территории, где сохранились уникальные памятники мирового значения и целые оазисы с древними городами, селениями, каналами и полями. Их археологическое изучение он рассматривал как важную задачу исторической науки. В 1920 г. В. В. Бартольд совершает научную командировку в Ташкент, Самарканд и Бухару. Здесь разворачиваются работы по охране исторических памятников. В 1925 г. перед отделом ГАИМК и образованным Среднеазиатским Комитетом В. В. Бартольд поставил задачи изучения наиболее крупных городищ, а также планомерных исследований в Хорезме, на нижней Сырдарье, в Шахрисабзе.

В работах в Каршинской области и на средней Сырдарье, в Сыгнаке, участвовал Александр Юрьевич Якубовский. Он провел в 1928—1929 гг. обследование памятников Куняургенча и Миздахкана. На основании письменных источников В. В. Бартольд сделал вывод о важнейшей роли в истории Средней Азии, а также Хазарского и Золотоордынского Поволжья средневекового Хорезма. Работы А. Ю. Якубовского подтвердили и развили эти выводы В. В. Бартольда. Последний явился и вдохновителем специального археологического изучения оросительных систем и поселений в Хорезмском оазисе, которое было предпринято уже после смерти

¹ В. В. Бартольд. Сочинения, т. III, М., 1965, стр. 309—310.

В. В. Бартольда, в 1934 г., Михаилом Вацлавовичем Воеводским на средства Среднеазиатского государственного института по проектированию воднохозяйственных и гидротехнических сооружений.

В то время проблема переустройства оросительных систем являлась одной из самых важных народнохозяйственных задач. И археологи, следуя заветам В. В. Бартольда, активно участвовали в народных стройках, проводя археологический надзор на строительстве Большого Ферганского канала (М. Е. Массон, Я. Г. Гулямов, В. Д. Жуков, Т. Г. Оболдуева), Ташкентского канала (М. Э. Воронец, А. И. Тереножкин) и др.

М. В. Воеводский поставил своей задачей в Хорезме выявление древних домонгольских систем орошения, установление времени появления чигиря и динамику земель древнего орошения по Даудану и Дарьялыку. Он сделал и первые наблюдения древних каналов с самолета, предвосхитив тем самым работы Хорезмской экспедиции. Как мы знаем, впоследствии этот метод стал одним из ведущих в изучении оросительных систем. С 1930-х гг. комплексное изучение земель древнего орошения, т. е. земель, которые когда-то орошались, а потом запустели, стало главным источником знаний истории орошения.

Земли древнего орошения — величественный памятник трудовой деятельности земледельцев и ирригаторов. Их общая площадь в СССР равна 8—10 млн. га, т. е. ровно столько, сколько теперь орошается. Эти земли сопровождают почти все оазисы Средней Азии — 4 млн. га лежат в низовьях Амударьи и Сырдарьи, где с 1937—1938 гг. работает Хорезмская экспедиция под руководством Сергея Павловича Толстова. Целый ряд других крупных экспедиций изучает археологические памятники разных эпох на всей обширной территории среднеазиатских республик и Казахстана от Каспийского моря до Балхаша. Следуя заветам В. В. Бартольда, призывавшего объединять усилия специалистов разных наук, и особенно археологов, ирригаторов, современные исследователи истории орошения ведут работы по воссозданию исторической динамики и топографии древней ирригации в тесной связи с грандиозными планами их будущего освоения как с научными, так и с народнохозяйственными целями. Важную роль при этом играют охранные работы.

Региональная часть книги «К истории орошения Туркестана» открывается описанием бассейна Атрека — земель Мисрианской равнины в Юго-Западной Туркмении. В этом разделе В. В. Бартольд дал прекрасный обзор историко-географических сведений о Мешхед-Мисриане с X по XVII в. известного рабада Дихистан.

Наиболее серьезные археологические работы по изучению следов орошения и поселений здесь были начаты В. М. Массоном в 1951—1953 гг. Уже тогда были получены данные о многочисленных валах, которые некоторые исследователи (С. А. Ершов, С. А. Шувалов) рассматривали как водосборные сооружения для

лиманного орошения на местных водах. Некоторые географы (В. А. Тимошкина, Б. А. Корнилов) отрицали искусственный характер этих валов, сохранившихся от древних каналов. Работами А. С. Кесь и Г. Н. Лисицыной удалось воссоздать на базе аэрофотосъемки топографию средневековой ирригации, точно датировать время жизни многочисленных сельских поселений Дихистана и отдельных оросительных систем. Эта кропотливая работа сопровождалась почвенными исследованиями, которые полностью развеяли миф о страшной засоленности и непригодности под земледелие земель средневекового орошения. Работы Г. Н. Лисицыной, А. С. Кесь и Е. А. Атагарыева не только обогатили историческую географию средневековых оазисов Юго-Западной Туркмении, но и дали важный материал для предстоящего освоения территории.

Следующие разделы в книге В. В. Бартольда посвящены предгорной зоне Южной Туркмении, Теджену и Мургабу. Автор приводит весьма интересные сведения, характеризующие средневековые каналы, поселения и города. Особенно детально описан Мервский оазис X в., огромную ценность представляют сведения о терминах из «Дивана воды» Абу Абдаллаха Хорезми. Широкие археологические исследования последних десятилетий А. А. Марущенко, М. Е. Массона, В. М. Массона и многих других открыли здесь совершенно новые страницы истории земледельческой культуры и навыков орошения: это и неолитический Джейтун VI тысячелетия до н. э. с подпрудно-саево-ручьевыми приемами орошения, и энеолитические поселения Геоксюра, где на основе аэрофотосъемки были открыты Г. Н. Лисицыной самые древние каналы — второй половины IV — первой трети III тысячелетия до н. э.

В VI разделе, посвященном Амударье, В. В. Бартольд в 1914 г. писал, что «земледельческая культура, которую застали здесь арабы, несомненно, также имела за собою длинную историю, о которой мы, к сожалению, не знаем ничего достоверного». Сегодня, после многолетних археологических исследований в низовьях Амударьи, в Хорезме и на верхней Амударье мы можем сказать, что о земледельческой культуре в бассейне древнего Окса, Джейхуна мы знаем уже много. С 1937 г. маршрутами от развалин Гульдурсун, отмеченных еще В. В. Бартольдом, начал свое исследование Беркуталинского афригидского оазиса А. И. Тереножкин. Этими маршрутами в 1938 г. было положено начало археологического изучения земель древнего орошения Хорезма Хорезмской экспедицией под руководством С. П. Толстова.

В последние годы междуречье Амударьи и Сырдарьи стало объектом специальных комплексных исследований ирригаторов, археологов, почвоведов, геоморфологов с целью возрождения древних оазисов и подготовки детальных картографических материалов к грандиозному проекту переброса части стока вод сибирских рек в Среднюю Азию. Сотрудники Хорезмской экспеди-

ции активно участвуют в этих исследованиях Союзводпроекта. Идеи В. В. Бартольда о необходимости совместных работ ирригаторов и археологов здесь реализованы наиболее полно.

Подобные комплексные научные исследования ведутся в Узбекистане на землях Бухары, Карши и Самарканда. Здесь в ближайшие годы намечается расширение площади орошаемых земель после строительства второй очереди Амубухарского канала. Полным ходом идут ирригационные работы в Каршинской степи.

В Ташкенте Я. Г. Гулямовым создана целая школа историков орошения. В этой школе развиваются замечательные традиции В. В. Бартольда по изучению рукописных источников и разворачиваются широкие археологические работы на землях древнего орошения.

Намеченное В. В. Бартольдом географическое размежевание истории орошения по оазисам и бассейнам рек Средней Азии получило блестящее развитие в археологических исследованиях последних десятилетий. Комплексное изучение орошения отдельных районов Средней Азии (работы В. М. Массона и Г. Н. Лисицыной на Теджене, Мургабе и Атреке, Я. Г. Гулямова и А. Р. Мухамеджанова — на Зарафшане, Б. А. Латынина — в Фергане, Е. В. Зеймаль и Б. А. Литвинского — в Вахшской долине, работы С. П. Толстова и Б. В. Андрианова — в Приаралье) доказывает своеобразие путей развития орошаемого земледелия в каждой природной зоне и в каждом крупном историко-культурном районе и выявляет новые резервы земель для их освоения.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора.	3
У. И. Исламов, В. И. Тимофеев. Стоянки каменного века южной части Центральной Ферганы.	5
Т. Широков. Каменные ядра Сапаллитепа.	13
У. Рахманов. Хозяйственные помещения за пределами крепости Сапаллитепа.	22
Б. Абдуллаев. Раскопки поздних погребений могильника Джаркутан.	33
Т. К. Ходжайов, Х. Халилов. Палеоантропологические материалы из могильника Джаркутан.	41
Х. Дукее. Раскопки памятников бургулюкской культуры в 1975 г.	48
Р. Х. Сулейманов, Б. Ураков. Результаты предварительного исследования античного городища селения Рамиш.	55
М. Исамиддинов, Р. Х. Сулейманов. Комплекс ритуально-культурной керамики IV—V вв. из Южного Согда.	65
Ю. Ф. Буряков. Археологические материалы городища Кавардан.	70
М. М. Исхаков, Ш. С. Ташходжаев, Т. К. Ходжайов. Раскопки Коштепа.	88
Ш. С. Ташходжаев. Самаркандский жилой дом IX—X вв.	98
Ш. Ш. Шарахимов. К истории изучения гончарного дела на Афрасиабе.	107
М. Саадиев. Фрагмент штампованного сосуда с зооморфным изображением из наслоений Афрасиаба.	117
Э. Ю. Бурякова. Археологические раскопки и наблюдения в рабаде Самарканда IX—X вв.	119
Т. С. Ерназарова, Б. Д. Кочнев. Материалы к истории торговли и денежного обращения Самарканда в IX—X вв.	131
Б. В. Андрианов, А. Р. Мухамеджанов. «К истории орошения Туркестана» В. В. Бартольда в свете новых исследований	155

ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

Выпуск 13

*Утверждено к печати Ученым советом Института археологии
Отделением истории, языкознания и литературоведения АН УзССР*

Редакторы: В. Г. Кан, А. С. Михерева.
Художественный редактор А. Расулев
Технический редактор Х. У. Карабаева
Корректор Т. Кормушина

ИБ 38

P05257. Сдано в набор 2/II-77 г. Подписано к печати 14/III-77 г. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. тип. № 1.
Бум. л. 5,0. Печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 9,8. Изд. № 58. Тираж 1000. Цена 1 р. 61 к. Заказ 35.

Типография издательства „Фан“ УзССР, г. Ташкент, проспект М. Горького, 79.
Адрес издательства: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.

Цена 1 р. 61 к.